

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Пржиленская Юлия Геннадьевна

ЭВОЛЮЦИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ XXI ВЕКА:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

5.7.7. Социальная и политическая философия

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель

Ореховская Наталья Анатольевна,
доктор философских наук, профессор

Москва – 2024

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Труд как объект социально-философской рефлексии.....	14
1.1 Теоретико-методологические основы социально-философского исследования труда	14
1.2 Философское осмысление феномена труда в антропологической перспективе	40
1.3 Труд и трудовые отношения в контексте социально-философских концепций справедливости	66
Глава 2 Труд и трудовые отношения в стремительно меняющемся мире	93
2.1 Феномен труда в неклассической социально-философской рефлексии ...	93
2.2 Труд и трудовые отношения в горизонте междисциплинарных исследований	116
2.3 Трудовая деятельность в стремительно меняющемся обществе	133
Заключение	159
Список литературы	164

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена прежде всего качественными изменениями в сущностно-ценностных характеристиках труда и трудовых отношений, обусловленными переменами, затронувшими все сферы социальной жизни и повлекшими за собой изменение роли и места труда в современном обществе. За прошедшие десятилетия в ходе социологических, экономических, социально-антропологических, политологических и юридических исследований был собран огромный эмпирический материал об изменениях в области трудовой деятельности. Но анализ и обобщение собранного материала проводились главным образом в рамках узкодисциплинарных исследовательских практик, что заставляло ограничиваться частнонаучным уровнем изучения избранных процессов. Между тем, количество научных работ, в которых феномен труда исследовался бы на междисциплинарном уровне, оказалось явно недостаточным, а использование в них средств и методов социально-философской рефлексии вообще невелико. Данное обстоятельство делает социально-философское исследование труда и трудовых отношений в трансформирующемся современном обществе актуальным как в академическом, так и в социально-политическом отношении.

Дополнительную актуальность предложенной теме придает модернизация средств и методов познания, произошедшая в социальной философии последних десятилетий. Родившаяся на рубеже XX веков и XXI веков неклассическая социальная философия позволила по-новому взглянуть на хорошо известные общественные явления, в том числе и в сфере трудовой деятельности. Нуждается в новой экспликации само понятие труда и другие понятия, позволяющие лучше артикулировать названный феномен как в новых, так и в традиционных интерпретативных практиках. Данная модернизация не умаляет значения классических социально-философских контекстов, в которых эксплицируется понятие труда. Темы соотношения

труда и свободы, а также труда и справедливости сохраняют свою актуальность, оставаясь вечными поводами для социально-философской и философско-антропологической рефлексии по поводу трудовой деятельности.

Современное общество вступило в полосу радикальных перемен, что в полной мере коснулось сферы труда и трудовых отношений. В общем и целом, происходящие перемены превратили трудовую деятельность в процесс, ряд параметров которого представляется либо абсолютно новым, либо малоизученным. Эффекты современного процесса трудовой деятельности одновременно соединяют в себе трансформации политической, экономической и культурной систем, затрагивая при этом глубинные слои человеческой экзистенции. Прекаризация труда, переход к новым типам его организации и включения в институциональные системы соединяется с преобразованием несистемного внутреннего мира человека, меняя психологическое восприятие труда и аксиологическое к нему отношение. Все это превращает проблему труда и трудовых отношений в современном обществе в предельно актуальную тему социально-философского исследования.

Степень разработанности темы исследования. Первые исследования труда и трудовых отношений как особого социального явления принадлежат классикам социально-философской мысли и отчасти относятся к смежным областям обществознания. Смит А., Рикардо Д., Сен-Симон А., Маркс К., Энгельс Ф., Вебер М. и др. представители классической социальной философии сделали труд и трудовые отношения одной из центральных тематик философской рефлексии.

Давыдов Ю.Н. еще в 70е годы выдвинул понятие труда в горизонт эстетики. Современные российские авторы Гончаров И.А., Кравченко А.И., Рыбалченко Н.Л., Пашинцев Е.В., Рогожникова В.Н., оставаясь верны традициям классической философии, подвергают критическому анализу методологию исторического материализма, в том числе диалектику труда и

деятельности, труда и искусства, труда и свободы. Бауман З. рассматривал индивидуализированное общество как общество «текучих» институтов и форм. Он проанализировал возвышение и упадок труда. Вслед за ним об «отмене работы» писал Блэк Б.; Тоффлер Э., Тоффлер Х. описали революционное воздействие растущего богатства, приводящее к соединению труда и потребления, рождающее синтез потребителя и производителя – протребителя. Остались верны пониманию труда как определяющей форме жизнедеятельности личности и общества Пшизова Е.Н., Барковский Г.Ф.

Парсонс Т., Хабермас Ю., Ландес Д., Гodelь М. внесли зримый вклад для включения проблемы труда в структурно-функциональную и прагматическую теории социального действия. Сартр Ж.-П., Арендт Х., Бердяев Н.А., Булгаков С.Н., Хайдеггер М., Ялом И., Мустакас К., Ванг М., Лёффлер М. эксплицировали социально-экзистенциальные и социально-антропологические измерения труда и трудовой деятельности.

Богданов А.А., Гастев А.К. и Замятин Е.И. помогли прояснить основы коммунистической утопии как смысловой платформы коммунистической трактовки труда. Андреев Г.С., Гальцева Р.А., Фофанов Р.Ю., Григорова Я.В., Рисполи Д., Россиус Ю.Г., Агински В. дали в своих трудах анализ русской утопической мысли XX века. Зарубежные исследователи Валлон А., Арон Р. Поппер К., Хевеши М.А. и отечественные ученые Лосев А.Ф., Тарандо Е.Е., Никифорова О.А., Таранова О.А., Самойлюк Т.А., Мамытов Е.Г. прояснили многие аспекты отличия рабского труда от труда свободного человека.

Капп Э., Нуаре Л., Эспинас А., Джонс С.Е., Веблен Т., Корсани А. описали значение техники в преобразовании трудовой деятельности. Ролз Дж., Зелстра А., Прокофьев А.В., Наумов П.Ю., Чукин С.Г., Филатов М.А. связали понятие труда с понятиями социальной справедливости и трудовой этики. Горц А. связал между собой понятия знания и капитала в новых условиях.

Важное место в понимании смысла изменений в системе трудовых отношений сыграли многочисленные теории модерна, описанные такими авторами как Уэбстер Ф., Бодрийяр Ж., Кастельс М., Бек У., Роуз Н., Маскелье К., Грэттон Л., Нейсбит Д.М., Гертеукс А., Шваб К., Маркузе Г., Белл Д.

Вагнер А., Аткинсон Э., Стэндинг Г., Пинк Д., Шкаратан О.И., Аникин В.А., Тощенко Ж.Т., Анисимов Р.И., Полетаева О.В., Мартьянов В.С., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н., Коровкин В.В. исследовали прекаризацию и атипичную занятость.

Ореховская Н.А. исследовала массовое сознание россиян. В центре ее научного интереса оказалась молодежная безработица, ценности и влияние глобализации. Особый интерес для Ореховской Н.А. вызвала тема социального равенства для различных групп населения современной России.

Озерникова Т.Г., Смирнова А.О., Радаев В.В. внесли свой вклад в понимание мотивации и конкурентоспособности работников в контексте нового институционального подхода.

Целью данного исследования является выявление сущности и смысла перемен, произошедших в области трудовой деятельности с точки зрения их значения для жизни человека и общества

Для реализации поставленной цели решаются следующие **задачи**:

– экспликация значения и выявление смысла понятия труда путем анализа его определений в различных социальных контекстах, а также использования в научном дискурсе;

– рассмотрение социально-философских и философско-антропологических детерминаций феномена труда в контексте понятия свободы;

выявление тенденций включения понятий труда и трудовых отношений в социально-философские и частнонаучные теории справедливости;

– исследование результатов философской рефлексии над понятием труда и соответствующим феноменом с позиций неклассической социальной философии;

– анализ результатов междисциплинарного исследования труда и трудовых отношений в контексте новейших достижений социологической, экономической, психологической, юридической и политологической научной мысли;

– определение перспектив развития трудовой деятельности в системе социальных отношений, институтов и ценностей стремительно изменяющегося общества.

Объектом исследования является труд как социальный феномен.

Предметом исследования являются изменения труда и трудовых отношений в условиях трансформирующегося социума.

Область исследования диссертации соответствует п. 24. «Социальные трансформации в современном мире» и п. 26. «Труд как проблема социальной философии» Паспорта научной специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки).

Научная новизна исследования:

– обосновано, что социально-философское исследование труда и трудовых отношений должно носить междисциплинарный характер, объединяя новейшие результаты социальных и гуманитарных наук с философской рефлексией над изменениями в жизни человека и общества;

– выявлены и показаны основные контексты философско-антропологического измерения феномена труда и его последующей концептуализации в социальной философии;

– определены базовые критерии модернизации понятия труда в контексте современных теорий справедливости, проведена экспликация понятия труда в системно-структурных отношениях современного социума;

– рассмотрены изменения в философском понимании труда в парадигме неклассической социальной философии и осуществлен

сравнительный анализ классической и неклассической социальной философии труда;

– обобщены новейшие результаты исследования труда и трудовых отношений, полученные в рамках современной социологии, экономики, психологии, юриспруденции;

– на основе анализа эффектов модерна подтверждена базовая гипотеза, согласно которой изменение характера труда не привело к изменению его бытийно-антропологического статуса.

Теоретическая значимость работы состоит в рассмотрении проблемы труда, трудовых отношений и трудовой деятельности в контексте изменений в жизни человека и общества, вызванных техническим прогрессом и социальными трансформациями. В ходе осмысления ключевых концепций, подтверждающих значимость произошедших изменений, выявлены тенденции к поступательному развитию системы труда, трудовых отношений и трудовой деятельности. Эти тенденции философски осмыслены в контексте классической и неклассической социальной философии с учетом воздействия техники на труд и на общество в целом. Все вышесказанное позволяет оценить проделанную работу как важный шаг на пути к модернизации социальной философии труда путем включения в концептуальный аппарат понятий прекаризация труда, фриланс, сетевая организация труда и т.п. В связи с этим встает необходимость дальнейшей разработки проблемы сочетания укорененности труда в бытии человека с изменением характера труда, системы трудовых отношений и трудовой деятельности.

Практическая значимость работы. В преподавательской деятельности практическая значимость состоит в возможности включения результатов работы в программы образовательных курсов по философии, экономике, управлению, социальной философии, методологии социального и гуманитарного познания, философии права, а также теории государства и права. Результаты исследования также могут быть использованы в

консультировании в связи с теоретико-методологическим сопровождением управленческой деятельности и правоприменительной практики.

Методология и методы исследования. В ходе написания первой части работы, которая посвящена анализу труда, трудовых отношений и трудовой деятельности как таковых, использовался преимущественно метод рационально-исторической реконструкции философских концепций труда. Ключевым предположением выступило соображение о том, что концепции труда, сформулированные в рамках классической социальной философии, сохраняют свою актуальность при рассмотрении роли и места труда в современном мире. В ходе исследования выявилась обоснованность этой гипотезы. Вместе с тем обнаружилась недостаточность указанных средств и методов классической философии при изучении эффектов модерна и оценке данных различных социальных наук. Это привело к необходимости дополнения методологического арсенала методами междисциплинарного исследования, а также методами системного и структурно-функционального анализа. Привлечение подобного рода методологического инструментария позволило расширить познавательные возможности классической социально-философской парадигмы и актуализировать методологию неклассической социальной философии. Данный способ проблематизации позволил сформулировать тезис об изменении характера труда при сохранении его сущностной укорененности в бытии человека.

Положения, выносимые на защиту:

– требование междисциплинарности в социально-философском исследовании труда проявляется как на философском, так и на общенаучном уровне: философский уровень осмысления позволяет дополнить собственно социально-философские дискурсы и концепции с рефлексией, осуществленной в рамках этики, философской антропологии, философии техники и философии культуры. Возможности общенаучного уровня методологической рефлексии позволяют учесть новейшие достижения

социологической, экономической, психологической и юридической мысли (С. 15-18; 116);

– гипотеза об укорененности труда в бытии человека находит подтверждение как в индивидуальном, так и в коллективном опыте современности. Как и прежде, стремление к свободному труду проявляет себя как базовая человеческая потребность, соответствующая природе человека и определяющая смысл его существования. Это стремление реализуется в новых условиях, когда на смену прежним формам отчуждения человека от результатов его труда приходят иные, требующие для эффективного противодействия их успешного философского определения (С. 19-21);

– наряду с трансформацией социальной системы, регулирующей организацию труда и трудовые отношения, изменились представления о социальной справедливости, сохранившей при этом за собой статус одной из главных ценностей. Еще большее влияние на соотношение понятий труда и справедливости оказало активное и все возрастающее участие общества в системе трудовых отношений, преобразующее смысл и содержание трудовой деятельности (С. 66);

– неклассическая социальная философия не только не изменила место труда в системе ценностей, но и позволила лучше понять его место в структуре последней. Трудовая деятельность по-прежнему мыслится как определяющая биографию, формирующая личность, предоставляющая средства для обретения идентичности (С. 93; 133);

– новейшие данные, полученные в ходе исследований, проводимых социологами, экономистами, психологами и юристами позволили подтвердить предположение о сохранении ценности труда и о радикально изменившемся его характере под влиянием технического развития и вызванных им глубоких социальных изменений (С. 116);

– такие эффекты модерна как прекаризация труда, сетевые формы организации и управления производством, рост фриланса и возвышение

сферы обслуживания над сферой производства, дополненные информатизацией и цифровизацией, требуют от человека и общества нового уровня доверия и партнерства, в том числе и в сфере трудовой деятельности (С. 121; 128; 130).

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Высокая степень достоверности подтверждается изучением трудов отечественных и зарубежных ученых.

Апробация результатов исследования произведена в рамках выступлений на конференциях: на Международной конференции «Формирование нового мирового порядка в контексте современных вызовов и угроз» (г. Ставрополь, Северо-Кавказский социальный институт, 20 декабря 2019 г.); на Международной конференции «Мультипликация кризисных сценариев в современном социуме и пути их преодоления» (г. Ставрополь, Северо-Кавказский социальный институт, 25 декабря 2020 г.); на VIII Московском юридическом форуме «Социально-экономическое развитие и качество правовой среды» (Москва, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 4-6 апреля 2021 г.); на Всероссийской конференции «Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития» (г. Ставрополь, Северо-Кавказский социальный институт, 26 апреля 2021 г.); на XX Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» (Москва, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 25 ноября 2021 г.); на Международной научно-практической конференции «II Соловьевские историко-философские чтения «Россия и мир: осмысление опыта и перспектив полилога культур. К 300-летию Российской империи» (Москва, Финансовый университет, 1 декабря 2021 г.); на Международной научно-практической конференции «Антикризисное управление человеческим капиталом в условиях новой реальности» (Москва, Финансовый университет, 5 апреля 2022 г.); на VII Конференции с международным участием, посвященной 150-летию МПГУ «Современное образование: векторы развития. Социально-гуманитарное знание и

общество» (Москва, Московский педагогический государственный университет, 22 апреля 2022 г.); на Международной научно-практической конференции «III Соловьевские историко-философские чтения «Культура – национальное достояние народа: в рамках Года народного искусства и нематериального культурного наследия народов России» (Москва, Финансовый университет, 1 декабря 2022 г.); на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человек и общество в контексте современности. Вторые философские чтения памяти профессора П.К. Гречко» (Москва, РУДН, 15 марта 2023 г.); на научно-практической конференции с международным участием «Герценовские чтения: Россия и мир-2023. Актуальные вопросы политического знания» (Санкт-Петербург, Герценовский университет, 21 апреля 2023 г.); на научно-практической конференции с международным участием «Социально-гуманитарные исследования: векторы развития науки и образования» (Москва, Московский педагогический государственный университет, 20-21 апреля 2023 г.); на XIV Международной научной конференции «Системная трансформация общества: информационные технологии, инновации и традиции» (г. Брест, Республика Беларусь, Брестский государственный технический университет, 2 июня 2023 г.).

Материалы диссертации используются в практической деятельности ООО «РФЕ ИНЖИНИРИНГ». В частности внедрена разработанная в диссертации методика управления персоналом через систему ценностей. По материалам исследования предложены базовые принципы и схемы решения практических задач при помощи обращения к ценностям коллективизма и совершенствования организационной культуры.

Материалы диссертации используются в учебном процессе Кафедры гуманитарных наук Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета, в частности результаты работы включены в дополнительные материалы по учебным дисциплинам «Философия», «Социальная философия».

Апробация и внедрение результатов подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения и результаты исследования отражены в 12 работах общим объемом 6,29 п.л. (весь объем авторский), в том числе 5 работ авторским объемом 3,63 п.л. опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации отвечают поставленной цели и задачам. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы, включающего 276 наименований. Текст диссертации изложен на 195 страницах.

Глава 1

Труд как объект социально-философской рефлексии¹⁾

1.1 Теоретико-методологические основы социально-философского исследования труда

Труд как деятельность определяется большинством энциклопедических изданий и словарей в области философии и различных гуманитарных дисциплин. Данное понятие за последние полтора – два столетия стало наиболее универсальным, что можно объяснить наиболее полным охватом основных элементов и признаков труда в рамках такого подхода. Труд определен как «целесообразная деятельность человека, работа, требующая умственного или физического напряжения, затраты физической или умственной энергии» [254] либо «целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и

¹⁾ Материалы данной главы опубликованы в работах автора диссертации: Пржиленская, Ю.Г. Понятие труда в классической и современной социальной философии / Ю.Г. Пржиленская // Гуманитарный вестник. – 2020. – № 4 (84). – ISSN 2306-8477. – Текст : электронный. – DOI 10.18698/2306-8477-2020-4-671. – URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/671.html> (дата обращения: 05.06.2024); Пржиленская, Ю.Г. Понятие труда в социально-философском дискурсе XIX-XX вв. / Ю.Г. Пржиленская // Философская мысль. – 2021. – № 4. – С. 55-65. – ISSN 2409-8728. – Текст : электронный. – DOI 10.25136/2409-8728.2021.4.33988. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33988 (дата обращения: 05.06.2024); Пржиленская, Ю.Г. Философское осмысление феномена труда в антропологической перспективе / Ю.Г. Пржиленская // Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития : материалы Всероссийской конференции ; под редакцией С.Е. Шиянова, А.П. Федоровского. – Ставрополь : АНО ВО СКСИ, 2021. – С. 134-137. – 414 с. – ISBN 978-5-6046273-2-7. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46467140_82929665.pdf (дата обращения: 05.06.2024); Пржиленская, Ю.Г. К вопросу об эволюции осмысления труда в философской антропологии / Ю.Г. Пржиленская // Современное образование: векторы развития. Социально-гуманитарное знание и общество : материалы VII конференции с международным участием, посвященной 150-летию МПГУ ; под общей редакцией М.М. Мусарского [и др.]. – Москва : МПГУ, 2022. – С. 334-338. – 668 с. – ISBN 978-5-4263-1191-6. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_52690808_41203591.pdf (дата обращения: 05.06.2024); Пржиленская, Ю.Г. Осмысление труда русскими философами конца XIX - начала XX в. в антропологической перспективе / Ю.Г. Пржиленская // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды : сборник докладов VIII Московского юридического форума : в 5 частях. Часть 1. – Москва : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. – С. 217-221. – 376 с. – ISBN 978-5-906685-74-2; Пржиленская, Ю.Г. Влияние научно технического прогресса на труд и трудовые отношения / Ю.Г. Пржиленская // Мультипликация кризисных сценариев в современном социуме и пути их преодоления : материалы международной конференции под редакцией С.Е. Шиянова, А.П. Федоровского. – Ставрополь : АНО ВО СКСИ, 2020. – С. 128-133. – 666 с. – ISBN 978-5-6044711-1-1; Пржиленская, Ю.Г. Трудовая этика и справедливость в социально-философских концепциях XX века / Ю.Г. Пржиленская // Философия. История. Образование. – 2023. – № 2 (8). – ISSN 2782-4551. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54683173_94032723.pdf (дата обращения: 05.06.2024).

духовных ценностей». Эти определения труда как деятельности человека, предполагающей также целесообразность, то есть осмысленность и наличие конкретных задач-результатов, тем не менее, отличаются в части итогов труда. Если в первом случае такие результаты практически не указываются, а только предполагаются, то во втором являются необходимым условием, в виде создания материальных и духовных ценностей. Так или иначе, помимо целеполагания, критерием выступает произведенный продукт, будь то материальные предметы или духовные достижения.

И если данное понятие является наиболее общим, то в контексте отдельных отраслей знания и наук определение труда все больше приобретает черты и свойства, важные именно для этих наук. Например, с позиции экономического подхода труд определяется как «использование умственных и физических способностей людей, их навыков и опыта в форме услуг, необходимых для производства экономических благ» [255].

Этот подход выделяет конкретное экономическое видение труда, а именно – отражение результатов труда, значимое для экономики. В современной экономической теории, а точнее одном из ее течений, речь идет о результате труда даже не как произведенного продукта или товара, а как услугах и производстве экономических благ. При этом глобальная роль трудовой деятельности в жизни общества как предмет философской рефлексии и анализа в принципе не рассматривается в таком ключе. Утилитарность экономического подхода заключается в игнорировании духовного и этического аспекта трудовой деятельности; с прагматической позиции труд интересен экономистам лишь как элемент производства конкретных осязаемых услуг и благ, процесс, связанный с производством продукта. В рамках такого взгляда наиболее важные свойства труда – это его стоимость, оценка затрат на его организацию, оплату работы, скорость производства и возможный объем создаваемых товаров и услуг. Труд же как элемент идеологии, этики, социального уклада либо правового регулирования будет интересовать экономистов лишь в той мере, в какой это

может оказать влияние на приведенные выше параметры хозяйственной и финансовой деятельности.

С позиции социологии труд понимается как «деятельность человека, направленная на развитие и преобразование ресурсов природы в материальные, интеллектуальные и духовные блага, необходимые для удовлетворения его потребностей» [86]. Как отмечают авторы статьи в Социологической энциклопедии Е.А. Егорова и О.В. Кучмаева, хотя труд и является социально-экономической категорией, его сущность выражается в таких функциях, как создание общественного богатства, влияние посредством трудового потенциала на устройство общества, выполнение роли меры потребления, а также связь со сферой самовыражения и самоутверждения человека.

Таким образом, можно сказать о выделении двух самостоятельных аспектов трудовой деятельности – экономического и социального. В рамках интереса социологии к трудовой деятельности как социально обусловленной активности, преследующей цель удовлетворить материальные и духовные запросы людей, необходимо заняться выяснением социального смысла отношений, обусловленных трудовой деятельностью человека. Кроме непосредственного процесса производства труд детерминирует социальный статус человека, так как многие аспекты, характеризующие личность, социальные связи индивида связаны именно с его трудовой деятельностью. Так, разновидность труда (физический, интеллектуальный), уровень оплаты, связи и знакомства, формируемые во многом в трудовом коллективе или в сфере трудовой деятельности, – все эти параметры определяют социальный статус, общественный слой, круг общения, культурные и образовательные особенности личности. В силу этих причин трудовая деятельность является, пожалуй, наиболее показательным индикатором, характеризующим место человека в системе общественных связей, его потребности и привычки, вероятное экономическое и политическое поведение.

Весь этот спектр информации, связанный трудовой деятельностью, интересует не только теоретическую, но и прикладную социологию. Эмпирики задаются вопросами прогнозирования социальных процессов в тех или иных группах, в первую очередь учитывая их профессиональные интересы и запросы. К примеру, экономический прогноз потребления будет основан на стоимости производимой продукции, а, следовательно, распределении дохода от ее реализации между участниками производственных и логистических цепочек. Предполагаемый доход обусловит возможности потребления, а также поможет предположить социальное настроение, возможность приобретения других услуг, даст понимание потенциального развития каких-то сфер хозяйственной деятельности и в целом тенденций в отдельных отраслях экономики, в регионах, каких-либо сообществах.

Можно привести пример не только экономического прогнозирования, так как социальная функция труда, как мы уже отметили, охватывает и развитие духовной сферы жизни человека. Этот аспект помогает оценить потребности личности в образовании, которое также может быть связано с планируемой трудовой деятельностью. Возможность получения образования как профессионального, так и самообразования, повышения квалификации, освоения новых специальностей позволяет расширять спектр возможного приложения сил.

По мнению Н.Л. Рыбалченко и Е.В. Пашинцева, «на фоне «промежуточной» социальной онтологии все попытки дать философское определение деятельности либо сводили (вслед за Марксом) феномен деятельности к труду, либо под давлением гипноза официальной идеологии отождествляли деятельность с более высоким общественным феноменом – творчеством» [223]. Духовное развитие личности также обусловлено досугом, качество и параметры которого тоже связаны с наличием времени, средств, ценностных мотиваций личности.

Оценивая все названные особенности, мы приходим к выводу, что философия труда является междисциплинарным направлением, исследующим самые разные аспекты трудовой деятельности. Рассмотрение труда как социального феномена основывается на стыке разных дисциплин, таких как этика, экономика, психология, юриспруденция, теория политических учений и других. В каждой из данных областей знаний формировались собственные представления о человеке трудящемся, при этом каждое из них рассматривало трудовую деятельность как функцию или абстрактный фактор, не связывая с другими аспектами бытия.

При этом человек как социальное существо является целостной личностью, его нельзя просто как-то назвать, прикрепив ярлык «трудящийся», «интеллигент», «интеллектуал», «люмпен», «белый воротничок», «офисный планктон», «яппи» и тому подобные, тем самым дав наиболее точную характеристику и приписав набор типовых качеств. Такой «шаблонный» подход, конечно, может быть удобен для конкретных социальных, политических или экономических теорий. Иногда он для построения абстрактной модели даже необходим. Но именно отсутствие в таком «шаблоне» оценки каких-то индивидуальных особенностей личности зачастую становится слабым местом таких моделей, которые при наложении их на конкретные социальные процессы дают сбои или же вообще не работают.

Понимание труда как деятельности в философских традициях имеет ряд особенностей. Философия рассматривает социальные, этические и культурные аспекты труда, развивая взаимосвязь труда с формированием и развитием личности, творчеством, техникой и технологией. Но один из наиболее важных вопросов, связанных с трудом, который поднимался в рамках, пожалуй, всех крупных философских школ – это проблема труда и свободы, их противопоставления и соотнесения.

Так, смысл труда может соотноситься с внутренней свободой индивида, зачастую вступая с ней в противоречие: труд как вынужденная

деятельность забирает у человека свободу, является чем-то нужным, необходимым. Проблема даже не в свободе «от» кого-то, например, от руководителя предприятия, хозяина производства, начальника на службе. Проблема в необходимости работать «для» выживания, обеспечения материального благополучия. С этой несвободой сталкивается и человек, попавший на необитаемый остров: если он не станет трудиться, хотя бы в виде добычи пропитания, он не сможет выжить. Таким образом, речь идет о естественных ограничениях свободы, накладываемых на человека природой. Эту идею описал Ю.Н. Давыдов, по мнению которого в труде раскрывается связь человека и природы. При этом зависимость от природы в какой-то момент приобретает характер человеческой, в результате чего судьбой свободы является необходимость. Необходимость в первую очередь для человека постоянно поддерживать господство над природой и заключается в труде.

С такой необходимостью в широком смысле сталкивается не только человек в одиночку – эта же необходимость стоит перед коллективным человечеством, обществом, и трудовая деятельность, создание технологий и ресурсов, их распределение – все это направлено на постоянное преодоление такой необходимости. Ю.Н. Давыдов считает, что свобода в труде не индивидуальна, это родовая свобода человечества [30, с. 46-90], что означает коллективное осознание общих задач и целей. Это позволяет в каком-то смысле подходить к индивидуальной трудовой деятельности как творческому акту, а не принудительному труду. Опять же такой уровень развития трудовой этики требует соответствующего общественного устройства и развития. Например, к рабскому труду такая формула не будет применима по понятным причинам. Да и в любом другом обществе, включая современный социум, подавляющее большинство людей рассматривают свой труд как вынужденную индивидуальную необходимость, ограничение их личной свободы.

По Ю.Н. Давыдову «внешняя свобода – отделенность человеческого рода от животной природы – появляется в эпоху первобытного стада. Внутренняя свобода – социальные отличия одних людей от других по степени их свободы и зависимости – возникает лишь на очень зрелой стадии развития человеческого общества, а именно в эпоху классово-антагонистических формаций (рабовладение, а затем феодализм и капитализм)» [177, с. 61].

Конечно, свобода имеет и другое измерение – она напротив достигается трудом человека, в том числе индивидуальная свобода расширяется посредством труда. Создание благ позволяет открыть себе новые возможности, дает материальные и интеллектуальные возможности, прежде недоступные. Именно осознанная деятельность человека дает ему те преимущества, которых он не имеет, но достижение которых является его целью.

Эквивалент труда в виде денег – это также количественное измерение свободы, возможностей. Чем больше у человека денег, тем больше возможностей перед ним открывается в выборе места проживания, отдыха, проведения досуга, качества жизни, возможностей для получения образования. Конечно, результат труда измеряется далеко не только деньгами или иными материальными ценностями. Схожим источником свободы, приобретаемым индивидом в результате его трудовой деятельности, становятся его общественные связи и статус, который может выражаться во властном и административном ресурсе, возможности влиять на поведение окружающих, наконец – во времени, которым располагает человек для собственного досуга, отдыха, личной жизни.

Помимо внешних обстоятельств, продиктованных социальной природой личности, многими философами чаще рассматривались и внутренние – моральные и этические ограничения свободы. Такие моральные факторы, заложенные человеческой природой, тоже понимались по-разному,

иногда диаметрально противоположно в зависимости от отношения к труду той или иной философской концепции.

К примеру, в марксистском учении о труде эта деятельность выходит на первый план и детерминирует все наиболее значимые социальные процессы – экономические, политические, этические и даже биологические. В своих трудах Ф. Энгельс отмечал эволюционную функцию труда, подчеркивая, что биологическое развитие человека происходило во многом под влиянием трудовой деятельности: развитие органов рук и речи, постепенное превращение мозга животного в развитый человеческий мозг, усовершенствование органов чувств. В целом же марксизм, который определил вектор понимания труда в отечественных гуманитарных науках на протяжении большей части XX столетия, отводил работе центральное место и зачастую в силу идеологических мотивов часто гипертрофированно преподносил труд не просто как физическую деятельность, но как этический акт, акт творения. Даже в таком звучании угадывалась некая квазирелигиозная установка, которая в рамках материалистической картины мира действительно создавала альтернативную религиозному мировоззрению идеологию, где человек и его труд заменял бога и сам был творцом.

В различных концепциях, в том числе и идеологически и политически спорящих с подходом марксизма, труд напротив рассматривался как бремя и отягощение, которое отбирает у трудящегося свободу. Как отмечает И.А. Гончаров в основе обмена труда, иначе – эквиваленции, «лежит та первая сделка, которую в свое время заключил раб, обменяв свободу на жизнь. Но в основе этого отношения лежит труд, поскольку отказ от свободы означает исполнение желаний господина и обеспечение его существования, что, собственно, и составляет сущность труда» [148, с. 211-212].

Как другой пример можно привести довольно крайнюю и радикальную точку зрения о свободе, которую можно достичь, лишь прекратив работать. Американский анархист Б. Блэк писал, что необходимо перестать работать и

посвятить свою жизнь «игре». Слово «игра» противоположно дисциплине – политическому и экономическому принуждению к труду. Так, игрой может быть не собственно досуг, отдых и развлечение, но и действие: это и есть свобода, или «свободная деятельность нового типа». Согласно теории Б. Блэка упразднение работы может быть реализовано как в количественном сокращении выполняемой работы, так и в качественном, что будет означать трансформацию оставшейся работы в различные игры и ремесла [269, p. 18-28].

Такая во многом провокационная позиция, конечно, не являлась цельной концепцией и не претендовала быть основой для какой-то политической или экономической модели. Цель высказывания такой идеи была наверняка иной – спровоцировать разворот дискурса о свободе личности в современной экономической структуре, где индивид превращается в винтик и его занятость диктуется глобальным замыслом, не учитывающим такие простые запросы человека, как свобода и творчество, любовь и счастье [221, с. 79-90].

При этом, как ни странно, современное техническое развитие за несколько десятилетий создало предпосылки социальной философии и, в частности, прогнозистам и футурологам утверждать, что человечество уже подошло к черте технологического перехода к новому укладу. Этот уклад, связанный с внедрением информационных технологий и глобальной роботизацией производства, уже в ближайшие годы может стать причиной высвобождения большого количества трудовых ресурсов. По некоторым расчетам через уже два-три десятилетия свыше 70% современных профессий могут вообще исчезнуть, либо же их значение для экономики будет сведено к незначительным величинам. В данном контексте мы не будем анализировать вероятность реализации таких прогнозов, однако отметим, что такие изменения действительно происходят и наверняка продолжатся, вопросы касаются лишь оценки их масштабов, регионального распределения и временных горизонтов.

И влияние таких преобразований будет велико именно на структуру занятости, количество людей, вовлеченных в производство, а также количество творческих профессий. Как это повлияет на отношение к труду, его этические и экономические аспекты, сказать сложно, но реализация идей, близких описанным Б. Блэком, станет возможна уже в силу экономической необходимости. Человечество, наряду с кризисом капитализма – финансов и перепроизводства, – уже столкнулось и в ближайшие годы наверняка ощутит еще острее вытекающий из него кризис занятости: высвобождения огромной массы людей, чей труд больше не будет востребован. В такой ситуации идеи, казавшиеся несбыточными экономистам и маргинальным политикам в рамках предыдущего промышленного уклада, могут получить новую оценку в новой модели условной «информационной» или «диджитальной» экономики.

В наши дни «приход новой, краткосрочной ментальности на смену долгосрочной» приводит к частой смене мест и даже сфер труда. З. Бауман приводит данные, согласно которым «молодого американца или американку со средним уровнем образования в течение их трудовой жизни ожидают по меньшей мере одиннадцать перемен рабочих мест» [8, с. 47].

В результате оценки свободы труда как объекта философской рефлексии, мы отмечаем, что трудовая деятельность в течение многих веков не только претерпевала объективные исторические трансформации, но и отражалась в социальном и научном восприятии в различных проекциях.

Если в одних культурах и философских традициях отношение к труду складывалось из его этического аспекта, проникая в культуру и идеологию, то в других зачастую подчинялось утилитарному и экономическому пониманию. В зависимости от контекста социальные философы по-разному трактовали и соотношение труда и свободы.

Даже этимологический аспект слова «работа» и «труд» сыграл свою роль в рефлексии трудовой деятельности как вынужденного ограничителя свободы и воли. Так, в русском языке корень «труд» выступает общим с

такими словами, как «трудно» или «трудность», то есть обозначает определенную преграду, которую необходимо преодолеть. Древнерусское слово «трудъ» понималось как «труд, работа, рвение, забота, страдание, скорбь». «Трудность» – это в том числе и неприятность, так как приобретает негативную коннотацию. Отсюда такие слова, как «затруднение», в одном из значений связанное с имущественными, материальными проблемами.

Этимология слова «работа» в некоторых европейских языках также связана с принуждением и неволей: по-французски работа – «travail» (travailler) от латинского tripalium (буквально «три палки») – некий инструмент для пыток, который был в активном ходу в Средневековье» [259]. Этот же латинский корень лег в основу слова «работа» в испанском и португальском языках. Поэтому идея принуждения, ограничения свободы трудом, будь он вынужденным или принудительным, для некоторых стран и культур связана и с этимологическим прочтением данного понятия.

Вопрос свободы труда, или проблемы свободного труда, приводит нас к онтологическому аспекту поиска смысла труда. Осмысленность как элемент трудовой деятельности во многом шире целеполагания, конкретных задач. Можно сказать, что смысл труда для личности и находится в возможности свободы: чем более труд свободен и не связан с ограничениями и принуждением, тем более он осмыслен. Диалектика свободы и необходимости в труде и трудовых отношениях проявляется, в частности, в усилении взаимосвязи и взаимозависимости различных социальных групп и общностей. Здесь будет уместно вспомнить, что трактовка взаимосвязи понятий свободы и труда не может быть полной без обращения к опыту российских нормотворцев. Ныне действующая Конституция Российской Федерации включает в себя статью 37, 1-я часть которой гласит: «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию», а во 2-й части содержится категорический запрет принудительного труда [1].

Как пишет в этой связи Г.Ф. Барковский, «в философии хозяйства проблема рациональности имеет непосредственное отношение к хозяйствующему субъекту, который в своей деятельности должен руководствоваться этическими нормами отношений свободы и необходимости. При этом свобода как способность человека к активной деятельности в соответствии со своими желаниями и потребностями первична в сравнении с необходимостью» [139, с. 51]. Философский взгляд на понимание труда, складывающееся из экономических, социальных, культурных и этических аспектов трудовой деятельности, дает гораздо более глубокое и разностороннее понимание, становясь основой для соединения разрозненных теорий и взглядов.

Сегодня все определения понятия труда возводят его к понятию деятельности, что кажется очевидным и не требующим особого рассмотрения. Между тем, понятие деятельности становится родовым для понятия труда только в рамках господствующего сегодня в общественном сознании деятельностного подхода [217]. Данный подход пришел на смену субстанционалистскому, характерному для классической философии и позволявшему рассматривать труд как данность или как явление человеческой жизни. Так, в классической философии феномен труда концептуализируется как одно из условий жизни, как модус бытия человека или как средство обеспечения собственного существования. Само понятие человеческого действия, являющееся основой формирования понятия деятельности превращается в философскую категорию относительно недавно – еще И. Кант писал о действии как о сугубо юридическом понятии [37, с. 260].

В этом субстанциональном смысле понятия труда присутствует в философии раннего Гегеля, бравшего в качестве трех равных оснований такие понятия как язык, труд и семья [181]. «Категории «язык», «орудие труда» и «семья», – отмечает Ю. Хабермас в своем исследовании гегелевского наследия, – обозначают три равнозначных образца

диалектических отношений: символическое представление, процесс труда и основанная на взаимности интеракция, которые — каждый по-своему — опосредуют субъект и объект. Диалектика языка, труда и отношений нравственности разворачивается как особая фигура опосредования» [268]. Уже из приведенной цитаты становится ясно, что в первоначальных своих концептуализациях труд – это понятие, значительно более определяющее жизнь общества, его структуру и функции, нежели бытие человека. Лишь позднее оно будет дополнено антропологическими коннотациями, что приведет, в конечном счете, к их соединению.

А. Смит был первым теоретиком, поставившим проблему труда в качестве философской проблемы и предлагал для ее разрешения философские средства и методы исследования. Он обратил внимание на то, что труд – это не просто необходимость что-то делать, совершать усилия над собой и тратить свое время для того, чтобы добывать «необходимые для существования и удобства жизни продукты». А. Смит выбрал удобную с точки зрения теоретического анализа единицу измерения труда – годичный труд. Измерение труда для практических нужд существовало начиная с тех самых пор, как один человек оказался способен управлять трудовой активностью другого, отдавать ему приказы, давать трудовые поручения и т.п. Совершенствование этого измерения было связано с наступлением эпохи, когда труд стал товаром на рынке – одни индивиды нанимались к другим для того, чтобы сделать оговоренную работу за деньги или иные ценности. Не случайно уже среди притч, содержащихся в Евангелии от Матфея, можно найти притчу работников последнего часа. Эта притча представляет собой рассказ о том, почему равное вознаграждение за разный по объему труд может считаться справедливым [256]. Оставляя без обсуждения буквальный и иносказательный смыслы этой притчи, отметим однако, что сам образ договора об оплате труда наемного работника было лучшим средством объяснения действительности моральных ценностей и религиозных истин. В евангельской притче речь идет о почасовой оплате

труда, которая, по всей видимости, была столь же распространенной в случае сезонных сельскохозяйственных работ, как и сегодня.

Возвращаясь к А. Смигу и его годовому труду, следует отметить, что макроэкономический анализ требует рассматривать годичный цикл исходя из сезонной неравномерности распределения трудозатрат, характерной именно для доиндустриальной экономики. Русская пословица о том, что день страды год кормит, прекрасно иллюстрирует целесообразность смитовского выбора. Вполне разумной выглядит и схема, согласно которой годичный труд эквивалентен объему получаемых в его результате продуктов, которые могут быть употреблены или обменены. Далее анализу подвергается сравнение совокупного продукта, получаемого в результате годового цикла разными народами, одни из которых оказываются в лучшем положении, тогда как другие – в худшем. «Но это отношение, – пишет А. Смит, – у каждого народа определяется двумя различными условиями: во-первых, искусством, умением и сообразительностью, с какими в общем применяется его труд, и, во-вторых, отношением между числом тех, кто занят полезным трудом, и числом тех, кто им не занят» [83, с. 27].

Прежде считалось, что богатство народа напрямую зависит от таких понятных для земледельческих обществ древности и средневековья факторов как почва, климат или размеры территории. Но промышленная революция изменила приоритеты и вот уже страны, в которых развивается индустриальное производство, оказываются значительно менее зависимы и от климата, и от почвы, и от размеров территории. Играет роль лишь их зависимость от минеральных и трудовых ресурсов, которая приобретает критический характер во время войны, в то время как в условиях мира это также всего лишь один из товаров на рынке. Сегодня, когда роль технологий стала решающей уже не только в индустриальном производстве, но и в сельском хозяйстве, распространение получила немислимая во времена А. Смита ситуация, когда крохотная по территории и фактически

расположенная в пустыне страна Израиль год от года наращивает поставки сельскохозяйственной продукции в Россию и другие европейские страны.

Называя два качества среди наиболее важных для богатства народов, А. Смит без колебаний отдает предпочтение первому – искусство, умение и сообразительность в применении труда оказывается гораздо важнее, чем соотношение тех, кто занят полезным трудом, и тех, кто им не занят. Таким образом, впервые формулируется теория труда, которая различается не по изнурительности, а по результативности. Происходит это в конце XVIII столетия. Рождается новая наука – экономика. Не случайно англичане и их ближайшие соседи в Западной Европе столь преуспели в ближайшие два столетия в росте производительности труда, увеличении конкурентоспособности своих экономик и обеспечении своих государств необходимыми средствами для экономического, политического и культурного доминирования. В то же самое время общества в других частях света, за исключением разве что бывших британских колоний, демонстрировали все большее отставание. Глобализация, поставившая перед отстающими задачу модернизации своих экономик, заставила вновь задаться вопросом о причинах и условиях повышения эффективности и производительности труда.

Во второй половине XX века, когда проблема социальной модернизации стала одной из наиболее обсуждаемых тем не только в социальной философии, но и в специальных науках об обществе, таких как социология, экономика, политология, тема труда вновь вышла на первый план. Под социальной, политической или экономической модернизацией в многочисленных теориях модернизации понималась перестройка институтов и ценностей. Обновленные институты и ценности должны были создать членам общества необходимые условия для освоения ими социальных практик модерна. Классические теории модернизации объясняли социальные изменения изменениями в сознании индивидов, что приводило их к переменам в системе социального действия. Появление свободных

индивидов, не детерминируемых в своих действиях жесткими предписаниями традиции ознаменовало собою процесс, получивший название социальной модернизации.

Обновление экономики в процессе глобализации имеет не одни лишь положительные следствия, в том числе и в сфере трудовых отношений. Как отмечает Н. Луман, регионы становятся зависимы от мировой экономики, диверсифицируя свои потребности и эта зависимость в области производства и сбыта, а также в сфере труда и кредитов. Так уж устроены функциональные системы, что внедрение в их деятельность рациональных способов отбора становится причиной усиления отклонений. В этих условиях обязательно растет неравенство. «Тем, кто уже имеет деньги или доходы, – пишет Н. Луман, – легче получить кредиты. Незначительные различия в успехах в начале школьного воспитания усиливаются в ходе продолжения образования. Тот, кто не работает в научно-исследовательских центрах с соответствующими информационными возможностями, теряет связи и, в лучшем случае, со значительным опозданием может получить знание, выработанное где-то в другом месте» [54].

Модернизация социума невозможна без модернизации мышления. Результатом модернизации мышления явились структурные преобразования общественной жизни, включающие в себя такие процессы как функциональную дифференциацию, рационализацию, формализацию, урбанизацию и т.п. Необходимыми составляющими здесь выступают также рыночная экономика, рост грамотности, информатизация, современные политические институты, новые модели образования, ценности свободы, политическое участие и др. [182]. «Модернизация, – пишет В.Г. Федотова, – есть переход традиционного общества в современное. Традиционным называют общество, которое воспроизводит себя на основе традиции и допускает инновацию только до тех пор, пока она не прерывает традиции. Современным же является общество, воспроизводящее себя на основе

инновации и допускающее традицию до тех пор, пока она не вредит инновации» [239, с. 64].

В.Г. Федотова отмечает характерные отличия традиционных обществ от современных: вся социальная жизнь организована вокруг символических структур, имеющих религиозное происхождение и объясняемых посредством мифологических событий прошлого. Мир в мифе развивается циклически, тогда как современное общество описывает себя как постоянно изменяющееся и развивающееся. Вместо идеи вечного возвращения в нем господствует идея тотального преобразования, а также постоянного удаления от истоков и первоначала. Все это имеет самое непосредственное отношение к сфере труда и трудовых отношений. Труд и прежде всего тяжелый труд воспринимается в традиционном обществе как повторяющееся и необходимое усилие, тогда как сама идея развития на первый план выводит не рутинное усилие, а творческий порыв, необходимый для преодоления все новых и новых трудностей. В само понятие труда входят иные образы – образы путешественника и первооткрывателя, а не того, что вынужден копать землю или нести груз, сравнивая себя с навьюченным животным.

Для традиционных обществ характерно представление о первичности коллектива и о вторичности индивида, в то время как общество модерна на первый план выводит индивида и концентрирует внимание на его личностных особенностях. И в этом смысле ценностные изменения также оказывают влияние на отношение к труду: идея совместного труда предопределяет не только его организацию и распределение результатов. Следует отметить, что в коллективистской среде формируются такие важные социальные качества как ценность прошлого, ориентация на традицию. Все это разрушается в процессе построения нового порядка, ориентированного на ценности индивидуализма. Люди в таком обществе отдадут предпочтение инструментальным ценностям, тогда как в традиционном обществе наблюдается доминирование духовных ценностей

Теоретики модернизации часто не отличают последнюю от вестернизации и предлагают отличительные черты европейской жизни в качестве маркеров современности. В этом случае целями модернизации становятся преодоление авторитарного характера власти, внеэкономическое принуждение к труду, массовая необразованность или даже неграмотность, развитие тяги к созерцательности, а не деятельности, доминирование предзаданного социального статуса над приобретенным. Другими словами, человек, рождающийся в семье, принадлежащей к определенной социальной страте или классу, сам не мог выйти из этой страты или класса и всю жизнь оставался в его рамках.

Обществу, не прошедшему через собственную модернизацию, присуще и такое важное свойство как отсутствие возможности выбора профессии: ремесло, род занятий и положение в обществе передавалось по наследству. Для традиционного общества характерно также «отсутствие отложенного спроса, то есть способности производить в материальной сфере не ради насущных потребностей, а ради будущего, преиндустриальный докапиталистический характер; отсутствие массового образования; преобладание особого психического склада – недеятельного человека ценностная рациональность, ориентация на мировоззренческое знание, а не на науку, преобладание локального над универсальным» [239, с. 64].

Для того чтобы ответить на вопрос о том, что происходит с трудом в обществе модерна, необходимо обратиться к исследованиям социальной и классовой структуры западных обществ, которые предстают в качестве эталонных для изучения модерна как такового. «В западном обществе, – пишет В.Г. Федотова, – происходят серьезные социальные сдвиги. Оно не только перестает быть обществом труда для масс населения, но в нем ломаются прежние социальные структуры, исчезают классы и меняется смысл привычных явлений, таких, например, как неравенство» [95]. Как отмечают исследователи социальных изменений, в обществе зрелого капитализма власть все менее нуждается в эксплуатации для самосохранения

и достижения иных значимых для нее целей. Теперь для сохранения неравенства достаточно действовать методом исключения, а не угнетения: маргинализация оказывается в новых условиях экономически и социально эффективнее эксплуатации. При этом доказывают свою действенность конститутивные правила, тогда как для эксплуатации использовались исключительно регулятивные правила. Другими словами рабочего или служащего не обязательно заставлять работать на собственника средств производства – сама социально-экономическая структура устроена таким образом, что делает богатых еще богаче, а бедных – еще беднее.

Немецкий философ Ю. Хабермас, испытавший значительное влияние марксизма, оправдывая свой отход от его принципов, заявил о наступлении конца общества труда. При этом он признал, что солидарен с Ж. Батаем в утверждении последнего о том, что труд выступил на ранних стадиях формирования капитализма средством социальной гомогенизации [99]. Более того, разрабатываемая Ю. Хабермасом философия практики позволяет возложить на понятие труда те самые функции, которые прежде выполняло понятие самосознания [99, с. 416]. Мысль о роли труда в том, что общество модерна становится социально гомогенным, позволяет сделать вывод о том, что конец общества труда препятствует процессу воспроизводства этой гомогенности. Видимо это и является причиной того, что на смену обществу модерна не приходит новый тип общества. На смену обществу труда или обществу модерна приходит общество постмодерна или общество, находящееся в ситуации постмодерна. Правда, сам Ю. Хабермас предпочитает называть его обществом позднего модерна, осознавая, какие семантические трудности стоят за термином «постмодерн», фактически означающим отказ от дихотомии старого и нового.

Крупным событием второй половины XX века и начала XXI века, определяющим развитие общества, стала глобализация. Многие теоретики сочли этот процесс если не продолжением модернизации, то процессом, активно с ним связанным. Это верно лишь отчасти. Дело в том, что

глобализация позволила странам, первыми пережившим модернизацию, вовлечь остальные страны в функционирование глобальной экономики на условиях, выгодных для этих самых наиболее модернизированных стран. Теория общественного прогресса, восходящая к учению О. Конта о трех стадиях развития, согласно которой все страны и народы поэтапно проходят одни и те же этапы, оказалась верной лишь в случае более или менее жесткой их автономии. Глобализация принесла с собой международное разделение труда и доминирование наиболее конкурентоспособных экономик над менее конкурентоспособными. Предложенная незападным странам модель следования по пути западных не обеспечила им возможности повторить их успех. Да и сам путь оказался не таким уж легким для повторения.

Примером успешной модернизации называют преобразования, проведенные в ряде стран Юго-Восточной Азии, таких как Япония, Южная Корея, Сингапур и др. Все изменения в области политики и экономики, культуры и быта проходили при участии и под непосредственным наблюдением американских советников, которые обеспечивали этим странам максимально быстрое присоединение к той части мировой политической и экономической системы капитализма. Советники опирались на труды ученых, разрабатывавших не только теории модернизации, но и программы ее реализации в разных странах, многие из которых только освободились от прежней колониальной зависимости. Один из таких ученых Д. Ландес подверг детальному анализу пример послевоенного реформирования японского общества и государства.

Д. Ландес отмечает отсутствие современной техники, устаревшую систему доставки товаров, неготовность к массовому внедрению машинного производства, недостаточные навыки для того, чтобы конкурировать на уже сложившемся мировом рынке. Таким образом, очевидно, что Япония стартовала со столетним опозданием и ей необходимо было наверстать упущенное. Ее преобразования должны были носить системный характер. Нельзя было ограничиваться производством отдельных групп товаров и

услуг – необходимо было наладить производство кораблей и локомотивов, портов и машин. «Правительство, – отмечает Д. Ландес, – играло здесь ключевую роль, поскольку именно оно финансировало заграничные стажировки и шпионаж, приглашало зарубежных специалистов, строило предприятия и субсидировало коммерческие проекты. Но еще более важными факторами оказывались талант и целеустремленность японских патриотов, ради национальной необходимости готовых сменить профессию, а также качество японской силы, навыки и умения которой оттачивались в коллективном труде в ремесленных мастерских» [49, с. 48-49].

Этот фрагмент свидетельствует о поворотном пункте в философии труда, суть которого в понимании связи труда и культуры. Экономисты и политэкономы задавались вопросом о том, что является причиной высокой или низкой производительности труда, философы спрашивали, почему один труд присущ свободному человеку и считается творческим, а другой – рабским.

Все философы XIX и первой половины XX веков рассматривали труд в контексте собственного общества и порой опирались на собственный трудовой опыт. То, что происходило в варварских обществах, в принципе не вызывало особого любопытства. К. Маркс писал об общественно-экономических формациях, опираясь на политическую и экономическую историю европейских государств. И хотя европейская история уходила своими корнями в события, касавшиеся более древних цивилизаций Северной Африки и Ближнего Востока, сведения об этих событиях интересовали европейцев лишь в той мере, в которой они могли считаться их историческими наследниками.

К. Маркс утверждал, что неевропейским обществам присущ особый – азиатский способ производства. Согласно его концепции, азиатскому способу производства присуще сращивание родоплеменной структуры со структурой государственного управления. Государство, армия, семья оказываются слиты воедино в таких обществах, что, разумеется, вступает в

противоречие с теорией договорного государства, господствовавшей в политической философии и политологии классической эпохи. Попытки применить эту теорию к азиатским государствам неизменно терпели неудачу. Как отмечает М. Годелье, «в обществах, относящихся к азиатскому способу производства, индивид или социальная группа мог располагать чужой землей и трудом лишь в той мере, в какой он осуществлял какую-то функцию в Государстве и имел на это разрешение благорасположением государства, на временной или на постоянной основе» [147].

Внимание к социокультурной обусловленности труда стало предметом философского интереса после того, как хозяйственно-экономическое развитие самых разных стран превратилось в общемировую проблему. И хотя европейцев всегда интересовали другие народы, их нравы и особенности, способность их трудиться была интересна только с рабовладельческой и колониационной точки зрения. История донесла до нас сведения о том, что рабы из разных частей света имели на рабовладельческих рынках разную цену, что являлось совокупным результатом таких национальных качеств, как способность и готовность трудиться, покорность, обучаемость. Иные личные качества представителей тех или иных этнических групп интересовали разве что миссионеров, занятых обращением туземцев в христианскую религию.

Но вот в XIX веке появилась «цивилизованная» колонизация, когда колонизаторы стремились утвердить в обществе некоторые порядки, исходя из собственного социально-управленческого опыта в своих многочисленных колониях, расположенных во всех частях света. Г.В.Ф. Гегель в своей «Философии истории», размышляя об отличии народов, описывает трудности, с которыми столкнулись английские колонизаторы в Индии. Представители каждой индийской касты были связаны в своей жизни и деятельности значительным количеством запретов и предписаний, действующих только в рамках этой касты. И все попытки набрать судей для суда присяжных, солдат или работников, способных работать на

промышленных предприятиях обернулись провалом, потому что рожденные в английском обществе социальные и профессиональные практики всякий раз демонстрировали свою несовместимость с этноконфессиональными установлениями. «Всякий индус, – писал Г.В.Ф. Гегель, – делает только что-нибудь определенное, так что приходится иметь бесчисленное множество слуг, и у поручика их бывает тридцать, а у майора – шестьдесят. Итак, для каждой касты существуют свои обязанности; чем ниже каста, тем меньше предписаний она должна соблюдать, и если точка зрения, обязательная для каждого индивидуума, определяется его происхождением, то кроме этой точно установленной точки зрения все остальное является лишь произволом и насилием» [26, с. 250].

Таким образом, труд оказывается явлением не только рациональным, но и социальным. Более того, достаточно высокопроизводительный труд имеет различные детерминации: организационно-управленческую, хозяйственно-экономическую, социокультурную, этноконфессиональную, гендерную, возрастную. И чем сложнее общество, тем больше аспектов выявляется в реализации базовых социальных функций труда. В науке об обществе принято различать экономическую и социальную функции труда. Первая обеспечивает воспроизводство тех, кто трудится, то есть дает им возможность прокормить себя и членов своих семей, тогда как вторая конституирует общество, распределяет в нем власть и богатство, а также статус и иные символические ресурсы. Посредством труда индивиды самоутверждаются, создавая и поддерживая социальные связи, способствуя тем самым формированию и развитию общества.

Структурный функционализм позволяет более детально проанализировать основной функционал труда как социального института и антропологического феномена. Согласно социальной теории в обществе существуют четыре подсистемы: экономическая, политическая, культурная и собственно социальная (или социетальная) [67]. Каждая из подсистем связана с трудом множеством взаимных детерминаций, не говоря уж о том, что труд

входит в каждую из них в качестве важного функционального элемента. Экономическая подсистема, в соответствии с теорией Т. Парсонса, выполняет функцию адаптации, то есть обеспечивает организацию производства продуктов, товаров и услуг, необходимых членам общества, а организует распределение благ и ресурсов.

Политическая подсистема, выполняющая функцию целеполагания, обеспечивает разработку и реализацию программ, направленных на улучшение условий труда, повышение его производительности и эффективности, сохранение структур и институтов трудовой деятельности. Две эти функции – адаптация и целеполагание – обеспечивают взаимодействие общества с окружающей средой. Адаптация позволяет приспособиться к внешнему окружению без его изменения, а целеполагание направлено на активное взаимодействие с внешним миром и даже на его преобразование. Концепция Т. Парсонса включает в себя допущение, согласно которому общество подчинено всем тем же закономерностям, которым подчинена любая система, потому что любая система – это вид организма, независимо от того, идет ли речь о биологической, кибернетической или социальной системе.

Для того чтобы адаптироваться к окружающей среде, человеку и обществу необходимы качества, которые отсутствуют у растений и животных – разум и личность. Поэтому в структурном функционализме как разумная личность также наделяется статусом подсистемы. Выполнение функции целеполагания в еще большей степени связано с участием личности. Труд как институт и как вид деятельности является ключевым элементом и в адаптации, и в целеполагании: при помощи труда общество и адаптируется, и осуществляет преобразование мира. Это следует из того, что именно труд является как основным источником благ, так и деятельностью, преобразующей внешнюю среду.

Не менее важное место труд занимает в структуре культурной подсистемы, которая ориентирована не на внешний для общества мир, а на

мир внутренний. Функциональная нагрузка культурной подсистемы направлена на сохранение самого общества, то есть на обеспечение социального порядка. Социологи называют эту функцию функцией латентности или поддержания образца. «Интернализованные культурные эталоны, – отмечает Т. Парсонс, – становятся составляющими элементами личности и социальных систем. Все конкретные системы действия несут в себе систему культуры, являясь одновременно личностями (или частями личностей) и социальными системами или подсистемами. При этом все три системы являются концептуально не зависимыми организациями элементов действия» [67].

Четвертая подсистема общества называется социетальной или социальной в собственном смысле этого слова. Ее функция состоит в интеграции деятельности первых трех подсистем – экономической, политической и культурной. Их функционирование обладает высокой степенью автономии, в результате чего возникает необходимость в их координации и субординации по отношению к единому центру. Ключом к интеграции является единая система ценностных ориентаций, например, выбор между коллективизмом и индивидуализмом, духовностью и гедонизмом. Этот выбор определяет затем конфигурацию типов взаимодействия внутри общества. Все особенности социетальной системы также определяются типом и характером труда, получившего наибольшее распространение в обществе.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что социально-философское осмысление труда как особого феномена, характеризующего жизнь человека и общества, несмотря на отдельные эпизоды из истории античной и средневековой философской мысли, начинается во второй половине XVIII века и набирает силу в XIX веке и XX веке. Философский взгляд в рабовладельческом обществе останавливается на феномене труда в связи с анализом переживаний человека, вынужденного заниматься тяжелым трудом и не всегда по своей

воле. Необходимость добывать хлеб «в поте лица своего» или тяжелый и изнурительный труд по принуждению не становится в глазах античных мыслителей ничем иным как обстоятельством, которое посылается отдельному человеку исключительно в качестве наказания или представляет собой крайне негативное явление, стремление избежать которое представляется естественным.

В Новое время созревают условия, в которых феномен труда обретает качество стихии, из которой рождается человек и общество. За трудом резервируется статус источника богатств народов и государств, а также роль силы, способной постепенно превратить обезьяну в человека. Наряду с тяжелым и неквалифицированным трудом в поле зрения философов, а значит и в предметно-концептуальное пространство философской теории общества, попадает труд высококвалифицированный. Уже не любой труд рассматривается как тяжкая обязанность и повседневная рутина. Труд может быть творческим и возвышающим человека над повседневностью. Даже общество в отдельных теориях подразделяется на социальные классы трудящихся и классы паразитические, приспособляющиеся к жизни за счет других.

В связи с вышесказанным, можно обозначить две основные темы социальной философии, непосредственным образом связанные с понятием труда: тему свободы и тему справедливости. Каждая из этих двух тем является междисциплинарной в точки зрения рубрикации и категоризации философского знания: тема свободы разрабатывается в предметно-концептуальных рамках философской антропологии, а тема справедливости также принадлежит сфере этической мысли. Более того, обращение к понятиям свободы и справедливости можно обнаружить и в философии культуры, и в политической философии, и в философии экономики, и в философии права, что позволяет рассматривать феномен труда не только в социальном, но и в антропологическом, политическом, юридическом, культурологическом и иных контекстах.

1.2 Философское осмысление феномена труда в антропологической перспективе

Рассматривая онтологические вопросы трудовой деятельности, философия труда стремится разрешить такие ключевые вопросы, как: что есть труд; каково его назначение для индивида и для общества; каковы культурные и этические начала трудовой деятельности, и главное – как соотносятся понятия труда и свободы. В каких ситуациях возможен свободный труд или свобода труда, а в каких труд тождественен несвободе.

Место труда в цивилизации человечества и создании культуры такой, какой она стала сегодня, безусловно, трудно оценить и измерить исключительно экономическим, статистическим, культурным, либо каким-то иным критерием. О социокультурной детерминации отношения к труду задумывались философы классической эпохи. Так, И. Кант обращал внимание на то, что необходимость работать воспринимается как нечто негативное даже теми народами, которые еще не столкнулись с этой необходимостью или же столкнулись в самой минимальной степени. Даже не достигшее еще разумного осознания сугубо чувственное представление о свободе делает человека возвышенным и способным испытывать энтузиазм. «Народы-кочевники, – писал И. Кант, – не будучи (как пастушеские народы) привязаны к определенному месту, например арабы, столь крепко держатся своего образа жизни, хотя он не полностью свободен от принуждения, и при этом проникнуты столь сильным духом презрения к оседлым народам, что неразрывно связанные с их образом жизни трудности не могли в течение тысячелетий заставить их отказаться от него. Народы, занимающиеся только охотой (такие, как олени тунгусы), обособленные от родственных им племен, это чувство свободы действительно облагородило» [37, с. 304]. Не без иронии немецкий философ отмечал, что кочевники смотрят свысока на земледельцев, потому что те в отличие от первых вынуждены трудиться, в то

самое время как земледельцы считают себя выше промышленных рабочих [39, с. 53].

Результаты труда не как конкретного результата человеческой деятельности, а как феномена человеческого бытия, можно сказать, и составляют все, что можно назвать современной цивилизацией. И это касается не только предметов материального мира, созданных человеческими руками непосредственно: зданий и объектов инфраструктуры, произведений искусства, техники и одежды, продуктов питания и любых других предметов нашего быта. Это также касается и тех интеллектуальных достижений, всех тех знаний, которые накоплены суммарно человеком: технологий производства и социального устройства, научных доктрин и теорий, правовых, политических и культурных начал. Наконец, сама личность человека веками формировалась под воздействием его деятельности, в первую очередь связанной с производством материальных, интеллектуальных и духовных благ. Таким образом, труд стал фактором, сформировавшим личность человека, определившим его место в общественной структуре, экономической системе, а также элементом мировоззрения личности, частью картины мира.

Философы и социологи, психологи и антропологи давно уже определили все основные функции труда в современном обществе, рассматривая труд как источник обретения идентичности и как средство самоидентификации. Не случайно традиционное общество построено как общество, где место в общественном разделении труда передается по наследству. Сама терминология социальной философии и теоретической социологии четко связывает понятие социального статуса и связанного с ним ролевого набора с характером и типом труда, который предписан тому или иному индивиду в соответствии с его положением в общественной иерархии. Место в социальной группе четко определяется тем социальным функционалом, а также теми правами и обязанностями, которые вытекают из трудовой идентичности.

Труд также выступает фактором, формирующим модели коммуникации между членами социальной группы и общества в целом. Все виды социальных коммуникаций, будь то межиндивидуальные, внутригрупповые, межгрупповые или же между индивидом и группой, если не обусловлены трудовыми отношениями полностью, то учитывают их частично. Именно труд выступает как источник социальной организации, выросший из более ранней и более фундаментальной организации, каковой является семья, род или племя, затем отделяется от этих форм социальности и занимает их место, наследуя при этом организационный функционал.

Труд выступает также контекстом, содержанием и смыслом человеческой активности, ибо трудовая целесообразность распределяет статусы и роли, а также статусно-ролевое взаимодействие. Характер господствующего труда способен изменить базовые политические и правовые институты, на которых стоит то или иное общество. «Переход от города-государства с его прямой демократией, – пишет Б.Г. Капустин, – к современным видам представительного правления, а также переход от ойкоса как главного института производства богатства в классической античности и «хрематистики» как метода его обмена к универсальности современного рынка и господству наемного труда в капиталистической экономике кардинально изменили условия и формы реализации практики гражданства» [41, с. 35].

В XX веке благодаря развитию идей Ф. Ницше представителями экзистенциализма приобрела влияние философия, в которой человек рассматривается как проект. «Человек, – пишет Ж.П. Сартр, – это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия. Не таким, каким он пожелает. Под желанием мы обычно понимаем сознательное решение, которое у большинства людей появляется уже после того, как они из себя что-то сделали» [80, с. 323]. Вот почему справедливо мнение тех, кто

утверждает, что образование и воспитание, развитие профессиональных навыков и приобретение компетенций возможно только в процессе трудовой деятельности.

Роль труда не может быть полностью воссоздана без обращения к теме взаимодействия труда и образовательных практик. Развитие новой образовательной парадигмы столкнулось с необходимостью пересмотра базовых основ обучения, сводившихся к трансляции теоретических знания и предполагавших пассивное их усвоение. Разрыв между теорией и практикой понадобилось компенсировать и сделать это пришлось достаточно радикальным образом. Новая парадигма в образовании имеет своей основой компетентностный подход и проектную деятельность обучающихся, что предполагает стирание граней между трудовой и образовательной активностью. В процессе успешного трудового воспитания происходит повышение самооценки, наблюдается рост уверенности в своих силах и гордость за свои успехи и достижения.

Труд осваивается на уровне умения и творческой реализации. Но труд переживается и в процессе повседневности, выступая как средство ее структуриации. Главным моментом здесь является более или менее отчетливая дифференциация всего времени жизни на время труда и время, свободное от труда, которое в условиях повседневности может являться временем досуга и релаксации. Но время труда может быть противопоставлено времени праздника, наполняя смыслом дихотомию праздничного и повседневного. Давно осознано особое значение труда в процессе субъективного восприятия пространства и времени. Внутренний мир человека формируется вокруг его трудовой деятельности и переживается вместе с ней. Восприятие мира через переживание времени структурировано посредством переживанием суточного, недельного, месячного и годового цикла, для каждого из которых характерно свое особое разделение на время труда и время отдыха. Утреннее приготовление к занятию трудом, обеденный перерыв, а также вечерний и ночной отдых по своему смыслу либо предшествуют труду, либо

«фрагментируют» его, либо приходят его на смену. Так, структурные фрагменты рабочего дня, опосредованные отношением между понятиями работа – досуг, формируют трудовую повседневность. Такая повседневность не является событийной, потому что событие противостоит повседневности.

Событием является получение доступа к труду – оформление на работу, вступление в должность, возможность приступить к исполнению своих обязанностей. Человека, который в рамках стандартного жизненного цикла аграрного или индустриального общества начинает готовиться к труду с детства, обучаясь, получая необходимые знания и осваивая необходимые умения, вступает в трудовую деятельность один раз и для него это событие является поистине судьбоносным. Если речь идет об аграрном обществе, то приобщение к труду происходит с детства и обучение неотделимо от самого труда, независимо от того, идет ли речь о земледельцах, скотоводах или ремесленниках, большинство из которых не только не изменяют тип своей деятельности, но и не выбирают его.

Как правило, в древних и средневековых обществах человек получал тип и характер своего труда вместе с предметами труда и средствами труда по наследству. Крайне редко случались события, приводящие к добровольному или вынужденному, в том числе и драматическому изменению трудового профиля. Так, человек в древнем мире мог оставить труд земледельца или скотовода и стать профессиональным военным или купцом, а мог потерять свободу и стать рабом. Тогда его труд превращался в подневольный и, как правило, уже не требовал особых навыков или квалификации.

В индустриальных обществах труд и подготовка к нему обычно разделены, потому что сам характер труда требует от исполнителя иного уровня образованности и компетентности. Поэтому труду предшествует общеобразовательная школа, а затем, если речь идет о высококвалифицированном труде, то и специализированная по профессиям высшая школа. Но в любом случае, завершение общеобразовательного цикла

в индустриальном обществе связано с выбором будущей профессии, что означает включение в жизненное целеполагание характера и типа труда, а значит и к обретению смысло-жизненных ориентиров. Именно так определяется возможность профессиональной самореализации личности. Не случайно потеря работы в индустриальном обществе порождает чувство утраты жизненных ориентиров, отчуждению и пустоты, не говоря уж о том, что труд выступает источником средств к существованию.

Более того, каковы бы не были угрозы голодной смерти в предшествующие эпохи, никогда они не были связаны с правильными или, наоборот, – ошибочными решениями, касающимися организации труда. Но в эпоху Нового времени от рациональных планов социального преобразования общественных отношений, включающих в себя проекты трудовых отношений, стало зависеть не только благосостояние, но и физическое выживание людей. Так, сторонники социалистических идей предрекали неисчислимы бедствия тем, кто откажется от их рекомендаций, включая учение о неизбежности революции. «При их общественном строе, - писал А.А. Богданов, – не признающем товарищеской взаимной поддержки, при их социальных отношениях, обуславливающих услуги и помощь уплатою денег, наконец, при их неуклюжих и лишенных гибкости способах производства, не допускающих достаточно быстрого расширения производительности и перераспределения продуктов труда, – эти миллионы выселенных нами людей были бы в громадном большинстве обречены на мучительную голодную смерть» [17, с. 117]. Так вопросы организация труда выступили стержневыми в понимании будущего в эпоху труда.

С субъективным отношением к труду связано формирование трудовой идентичности, что происходит через отнесение индивидом самого себя к какой-либо профессиональной группе и, соответственно, к какой-либо профессии. Как отмечает К.В. Патырбаева, «представление в процессе идентификации сопровождается определёнными ценностно-смысловыми установками, субъективным отношением к собственной профессиональной

принадлежности, то есть профессиональная идентичность предстаёт как личностное образование. В ходе профессионального становления субъект труда идентифицирует себя с представителями своей профессии, своей профессиональной группы, коллектива, которые владеют теми или иными профессиональными качествами, либо самим собой как профессионалом на определённых стадиях развития» [33, с. 78]. Сегодня этноконфессиональная и этнокультурная идентификация из средства понимания исторического прошлого превратилось в инструмент проектирования желаемого будущего. Следствием этого стало снижение роли трудовой идентичности в системе индивидуального и коллективного целеполагания – трудовая идентичность как будто отошла на второй план.

Трудовые отношения не могли не измениться в условиях, когда выбор типа и характера труда, то есть профессии из события, происходящего один раз в жизни, превратился в рациональное действие, которое может происходить с человеком на протяжении его жизни многократно. И даже если трудовая биография какого-то конкретного индивида складывается линейно и традиционно, сам факт наличия множества альтернатив многое изменяет в сущностном понимании труда и отношения к нему. С одной стороны, ситуация выбора позволила человеку связывать труд с идеей самореализации, а с другой – привела его к нелегкому экзистенциальному переживанию, которое Ж.П. Сартр сравнивал с чувством тошноты [79].

Таким образом, мы видим зависимость труда от общества, когда каждый этап общественного развития порождает свои собственные формы трудовой активности и соответствующие им типы общественных отношений. Так, в античности труд раба принципиально отличался от труда свободного человека. Это отличие не сводилось к различию между тяжелым и грязным трудом, с одной стороны, и трудом благородным, требующим выдающихся личных качеств, – с другой. Труд раба отличается от труда свободного человека прежде всего тем, что цели и задачи для активности подневольного

работника задаются извне, тогда как свободный человек вправе сам строить собственное целеполагание.

Еще Аристотель отмечал, что раб не есть некое целое, но представляет собой, по смыслу своего существования, всего лишь часть своего господина, особенностью которой является одушевленный характер. Так, «для домохозяина, – писал Аристотель, – собственность оказывается своего рода орудием для существования. И приобретение собственности требует массу орудий, причем раб — некая одушевленная собственность, как и вообще в искусствах всякий ремесленник как орудие стоит впереди других инструментов» [4].

Такой орудийный характер отношения к рабу ведет за собой и специфически античное понимание физического труда, который можно совершать при помощи рук и ног, при помощи орудий, в том числе и живых, то есть при помощи рабов. Это не раб трудится, это трудится его хозяин, применяя естественные орудия (части тела) и искусственные (инструменты, рабов). Если верна этимология слова «раб», упоминаемая в византийском лексиконе «Свида», то она многое объясняет в специфике античного определения понятия раба, возводя его к слову «πούς» дословно переводящемуся как «нога». «Ведь раб, — утверждает в Свида, — так относится к господину, как нога ко всей верхней части тела» (Свида, под словом ἀνδρα-ποδο-κάπη-λος) [265, с. 265].

Между тем, согласно политической концепции Аристотеля, свободный человек есть нечто целое, а значит и нечто целостное. У него присутствует весь набор необходимых элементов, а не одна лишь нога, голова или рука. Лишь позднее, в работах К. Маркса свободный афинский гражданин превращается в рабовладельца, а русский мыслитель А.Ф. Лосев в поздний период творчества, в своем стремлении воспроизвести античность в оптике марксизма, приходит к выводу о том, что и рабовладелец не является целостной личностью. «Раб в античности, – писал А.Ф. Лосев, – трактуется не столько как человек, сколько как вещь, действующая не по своей воле, но

по воле посторонней, то есть это не цельный человек, не личность, но лишь ее чувственно-материальный момент. При этом напрасно думают, что рабовладелец есть полноценный человек... рабовладелец, если его брать как деятеля рабовладельческой формации, есть не человек, не полноценная личность, но лишь интеллект человека, и притом достаточно абстрактный» [52, с. 11-12].

Между тем труд свободного человека в античном мире древнегреческого полиса считался почетным занятием, а его результаты объявлялись источником богатства и благосостояния. Такова суть рабовладельческой демократии, в то самое время как в деспотии утверждались совсем иные идеалы. Но и в первом, и во втором случаях трудились те, кто не имел ни богатства, ни власти, ни свободы. Отдельно следует рассматривать тех, кто не свободен от труда в силу собственной бедности и для которых труд – источник получения средств для жизни, с одной стороны, и тех, кто принужден трудиться внешней силой, – с другой. В первом случае речь идет о вынужденном труде свободного человека, тогда как в другом – о труде рабском и подневольном. Именно отношение к свободе было критерием, по которому оценивалось различие между свободными и рабами. Так, Аристотель утверждал, что «у варваров женщина и раб занимают одно и то же положение, и объясняется это тем, что у них отсутствует элемент, предназначенный во природе своей к властвованию. У них бывает только одна форма общения — общение раба и рабыни. Поэтому и говорит поэт: "Прилично властвовать над варварами грекам"; варвар и раб по природе своей понятия тождественные» [4, с. 377].

Существуют философские теории, согласно которым эти виды труда различаются и весьма существенно. Такие философские теории составляют концептуальную и философско-антропологическую основу либерализма – в них упор делается на возможности свободного выбора между разными вариантами приложения своих сил и даже наличию возможности полного отказа от труда. Право выбирать позволяет человеку сохранить собственное

достоинство, что является принципиальным для либеральных концепций, главным принципом справедливости которых является равенство прав и свобод.

Как отмечает Е.Е. Тарандо, в первобытных обществах существует частичное или полное обобществление результатов труда, наряду с общей собственностью на предметы труда и орудия труда – такова была жизненная необходимость, ибо низкая производительность труда и высокая зависимость от разнообразных факторов окружающей среды являлась причиной балансирования на грани выживания. В таких обществах еще наблюдается то, что Е.Е. Тарандо называет единством труда и собственности [235]. Но по мере развития общества и роста производительности труда в начале у отдельных людей, а потом и у целых общностей появляется все больше возможностей избежать труда, заставив других членов общества трудиться за себя. Поэтому появляется разделение труда, в результате которого одни оказываются в роли воинов, способных защитить трудящихся, но и, одновременно с этим, способных заставить этих самых трудящихся освободить их от необходимости трудиться. Труд тех, кто вынужден был содержать вооруженную дружину уже трудно назвать в полной мере свободным. Нередко речь шла о прямом порабощении одних этносов другими, иногда эти отношения сводились к выплате дани народами, попавшими в зависимость к другим, более воинственным и могущественным народам, а иногда разбой и война позволяли вооруженным армиям или группам захватывать пленников и угонять их в места, где труд последних был более востребован и целесообразен. Но во всех этих случаях трудящиеся принуждены трудиться и отдавать часть результатов труда под угрозой применения силы.

Позднее силовое принуждение к труду дополнится иной альтернативой, называемой в общественных науках экономическим принуждением. И здесь перед философами наконец-то встанет проблема соотношения понятий труда и действия, труда и деятельности. Тема труда

превратилась в ключ к раскрытию природы человека и смысла его существования, а также к прояснению контуров бытия мира. Но здесь же проявляется и главная трудность, связанная с амбивалентностью и противоречивостью феномена труда, которую не так-то легко схватить в понятии. «Новое время в семнадцатом веке, – писала Х. Арендт, – начало с теоретического возвеличения труда, а в начале нашего столетия кончило превращением всего общества в работающий социум. Исполнение прадревней мечты наталкивается, как в сказке исполнение желаний, на обстоятельства, в которых мечтанное благословение обертывается проклятием» [3, с. 11].

В своей книге, посвященной связи человеческой жизни с трудом, Х. Арендт искренне восхищается надписью на надгробье «одного великого ученого в России», гласящей, что «Человечество не навсегда останется приковано к Земле». При этом за плечами автора трагический опыт второй мировой войны, который не только не отвратил ее от обращения к идеям космизма, но и усилил понимание ценности человеческой свободы. Так, одна из наиболее известных цитат К.Э. Циолковского задает контекст рассмотрения темы труда как неотъемлемой части человеческой природы и одновременно с этим как феномена, способного уничтожить эту его природу, обратив свободного индивида в несвободного или даже сделав несвободным целое общество.

В творчестве Х. Арендт встает вопрос о различении двух сфер жизни человека и общества: сфере публичного и сфере частного. Эта дифференциация позволяет ей увидеть два смысла вкладываемых в понятие трудовой деятельности, которые она обозначает как «труд наших тел» и «создание наших рук». Другими словами, труд или работа противопоставляется в творчестве Х. Арендт созданию или изготовлению. В данном решении Х. Арендт обращается к наследию Дж. Локка, упоминавшего о двух различных видах труда или даже о двух понятиях труда. Она приписывает британскому мыслителю внимание к «греческому

различению между мастерящим-руками, χειροτεχνης, и теми, кто "своим телом обслуживает жизненные нужды", рабами и домашними животными, работающими телом - τῷ σώματι ἐργάζεσθαι, причем конечно в этом обороте речи уже налицо известное смешение понятий, поскольку греческий тут применяет слово ἐργάζεσθαι, создавать, а не слово πονεῖν, работать» [3, с. 104-105].

Русские религиозные философы конца XIX века и первой половины XX века, испытавшие в молодости увлечением марксизмом, затем заново старались осмыслить отношение человека к труду в контексте модуса свободы и зависимости. Но в отличие от сугубо теоретического взгляда на идеи марксизма, присущие им в молодости, после революции 1917 года многие из них получили представление о том, как эти идеи работают на практике. «В царстве мамоны, – писал Н. Бердяев, – человек принужден продавать свой труд, и труд его не свободен. Человек не знал настоящей свободы в труде. Относительно более свободен был труд ремесленника и труд интеллектуальный, который, впрочем, тоже подвергался незаметному насилию. Но масса человеческая прошла через труд рабский, через труд крепостной, через новый рабский труд в капиталистическом мире и через крепостной труд в примере коммунистического общества» [15].

В православии сохранились ценности патриархального земледельческого общества, в которых крестьянский труд воспевается как главное содержание жизни простого человека. Этот патриархальный образ труда можно найти в произведении Гесиода «Труды и дни», написанный язычником, но манифестирующий те же самые ценности. Поэтому когда русские религиозные философы обратились к религиозной системе мысли, в которой труд является безусловной ценностью, в их обращении содержалось стремление найти способ ее сохранения.

Между тем, в творчестве Гесиода дается также образ тяжелого труда: «Грозной Эридою Труд порожден утомительный, – пишет античный поэт, – также Голод, Забвенье и Скорби, точащие слезы у смертных, Схватки

жестокие, Битвы, Убийства, мужей Избиенья...» [25; 27]. Этот ряд «порождений» грозной Эриды говорит сам за себя: тяжелый труд соседствует с голодом, забвением и даже убийством. И здесь кроются истоки формулы, согласно которой труд - удел рабов. Древнекитайскому философу Линь Цзюйтану приписывают мнение, согласно которому подлинным мудрецом является тот, кто благодаря уму избавляется от необходимости трудиться и быть поспешным.

Со времен Платона и Аристотеля философия ассоциировалась с созерцательностью, со способностью отвлечься от повседневных забот и суеты. Это занятие, требующее досуга, было доступно только тем, кто был свободен от забот о хлебе насущном и от необходимости заниматься тяжелым физическим трудом. Христианство, возникшее в специфическом социальном контексте, подробно описанном в евангелических текстах и апеллирующее к нищим и убогим, стало популярным среди рабов, для которых обязанность трудиться была суровой повседневностью. Вот почему в спор между позднеантичным языческим миром и миром христианским включал в себя среди прочих оппозицию двух образов жизни или двух ее идеалов. Праздная и созерцательная жизнь философа противопоставлялась «до краев наполненной» подневольным и тяжелым трудом жизни бедняка или раба. У раба есть силы и время лишь на молитву, обращенную к невидимому и смутному образу, но не на построение сложных рассуждений о понятиях блага или свободы. Не все «досужие и праздные» философы богаты и владеют рабами, некоторые осознанно выбирают нищету ради возможности созерцать и рассуждать. Но у рабов и выбора никакого нет, есть только тяжкая необходимость трудиться и обретать утешение в молитве. Вот почему тематика труда столетиями не привлекала философов, но была более чем актуальна в религиозном опыте и связанных с ним социальных практиках. «Не безболезненный праздник, – писал С.Н. Булгаков, – о котором так тщетно мечтают земные устроители человечества, сулит религия, напротив, тяжелый подвиг, крест, но она дает и силы его нести,

указуя его высший смысл и цель, и скорбь и труд напоая радостью, той чистой радостью, которая утеривается человечеством» [18].

Философы заинтересовались трудом только после того, как возникли новые способы хозяйствования, породившие новые механизмы возникновения богатств. Промышленное производство и превращение труда в товар побудило английских экономистов к анализу его социальной природы и экономической сущности. К. Маркс, несмотря на все свое негативное отношение к религии, обратился к анализу труда не с точки зрения его эффективности, но с позиции моральной оценки использования одним человеком труда другого человека. Мысль о равенстве всех людей перед Богом существовала в сфере религиозного сознания и не касалась имущественных отношений, где идея владения никем не оспаривалась, если не считать регулярно возникающих сект и ересей, отрицающих частную собственность. К. Маркс вернулся к теме правовых оснований владения одних плодами труда других, называя это эксплуатацией и называя ее аморальной. Предвосхищение этой идеи в учении К. Маркса можно увидеть в моральной философии И. Канта: одна из формулировок категорического императива запрещает относиться к другому человеку только как к средству [37, с. 478].

С.Н. Булгаков не мог не увидеть общее для марксизма и традиционного христианства осуждение эксплуатации. По мнению русского религиозного мыслителя, «православие не может защищать капиталистической системы хозяйства как таковой, ибо она основана на эксплуатации наемного труда, хотя и может до времени мириться с ним в виду его заслуг в поднятии производительности труда и его общей производственной энергии. Но здесь есть бесспорные пределы, переходение которых не имеет оправдания. Как христианство не может и не должно мириться с рабством негров, так оно не должно мириться и с эксплуатацией детского труда...» [19, с. 367]. Так складывается обновленная дихотомия труда свободного и труда подневольного. Труд – несомненное благо и он противостоит в данной

системе ценностей праздному времяпровождению. И речь вовсе не идет о труде, в котором понятие свободы соединяется с понятием творчества и самореализации, как это мы находим в философии немецких романтиков или Н.А. Бердяева. Труд в православном миропонимании также тяжел и изнурителен как рабский. Но он изначально одухотворен, ибо этот труд связан с усердием человека, спасающего свою душу и искупающего первородный грех. Ветхозаветные слова «в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» [257], обращенные к Аврааму, касающиеся всех христиан, задают то специфическое понимание труда как испытания, с прохождением которого напрямую связана главная цель верующего человека – обретение царствия небесного.

Как и большинство русских философов, относимых сегодня к серебряному веку русской культуры, С.Н. Булгаков стремился не к еще одному анализу универсальных христианских ценностей, каковые казались ему вполне изученными и прокомментированными его европейскими коллегами, и предшественниками. Свою миссию он видел в осмыслении уникальности религиозного опыта русского православия, которое, как он полагал, сохранило многое из греческой ортодоксии, добавив к нему немало нового, нуждающегося в сбережении и подробном изучении.

Понимание труда, которое донесла до С.Н. Булгакова русская православная традиция, относилось, по его мнению, к числу наиболее важнейших элементов религиозного мировоззрения, хранимого восточным христианством для всего мира. Вот почему русский философ утверждал, что «труд представляет собой действенное выхождение человека из себя в мир. Всякий трудовой акт, – писал С.Н. Булгаков, – есть осуществление замысла человеческого вне человека. Он являет себя в труде не только как логос мира, но и его деятель. Проект моста, который составляется инженером в его кабинете, находит осуществление в действительном мосте» [19, с. 357-358].

В своем анализе православного понимания труда С.Н. Булгаков применяет новейшие средства и методы философского познания. Автор философско-религиозной концепции хозяйствования представляет труд как единство потенциального и актуального, подчеркивая его способность быть и проектом и его реализацией одновременно. Предвосхищая экзистенциалистскую философию проекта Ж.П. Сартра, С.Н. Булгаков связывает действенность человеческого труда с его бытийной явленностью в качестве господина природы. При этом он выстраивает эволюцию человека как историческое развитие посредством все более глубокого господства над природой и как переход от исходного рабства к нынешнему «господствующему» положению. И, находясь в этих координатах, русский мыслитель задается вопросом о цели и внутреннем смысле исторического развития человеческого общества и самого человека. Вывод С.Н. Булгакова однозначен – трудящийся человек не исчерпывается в своем внутреннем целеполагании заботой о хлебе насущном. Тем более не удовлетворение страстей и похоти является главным назначением его трудовой деятельности, несмотря на всю греховность человеческой природы. В духе русского космизма С.Н. Булгаков вновь возвращается к теме общего дела, каковое у представителей данного направления философской мысли всегда связывалось с пониманием участия человека в замысленном и воплощаемом Творцом преображении мира в соответствии с неким, неясным человеку планом. И, участвуя в реализации данного плана, человек получает возможность очеловечить природу и через это сам реализовать тот проект, который заложен в нем самом Творцом и Спасителем.

Таким образом, труд в русской религиозной философии с одной стороны, трактуется как нечто чрезвычайно ценное, наполняющее жизнь человека смыслом, но при этом и достаточно тяжелое, отражающее опыт человека, вступившего в бой со стихией и отвоевывающего у нее право на жизнь. С другой стороны – в тяжелом каждодневном физическом труде русским философам нередко видится иной образ, связанный с наказанием за

нарушение запрета. В этом отношении к труду предельно емко раскрывается смысл отождествления в русском языке слова христианин со словом крестьянин.

При переходе от классической и неклассической социальной философии понятие труда претерпело немало изменений. Это не могло не отразиться на его концептуальном статусе и особенностях его интерпретации в перспективе методологической рефлексии. Переход от понятия труда как способа существования человека к смыслу тех или иных социальных практик, артикулированных «феноменологией труда», означает, помимо прочего, невозможность определить сущность и смысл труда в рамках отдельно взятой экономической, философской, социологической или какой-то иной социогуманитарной науки. Даже на уровне словарей видна необходимость междисциплинарного подхода. Философами XIX века были рассмотрены проблемы соотношения труда и свободы личности, а также роли труда в развитии общества. Были даже выдвинуты антропологические концепции, в которых труд объявлялся в качестве движущей силы, способной превратить представителей животного мира в мыслящие существа.

Если в XIX веке проблема труда человека и его работы рассматривалась философами в аспекте особенностей общественного устройства, то XX век внес в этот процесс существенные коррективы – труд стал осмысливаться все более в связи с техникой и техническим прогрессом. И здесь наметились две тенденции, характеризующие развитие техники как рациональное переустройство процесса труда и развитие техники как изменение социогуманитарных условий человеческого существования. В первом случае на первый план выступает социально-экономическое понимание техники как фактора развития и совершенствования труда, а также изменения его места и роли в обществе. Философию техники, рассматривающую технику и труд таким образом называли инженерной, в противовес гуманитарной философии техники, ставящей вопросы о влиянии

техники на глубинные слои человеческой экзистенции. В рамках последнего как раз и намечается возможность переосмысления традиционных вопросов философии о природе человека и смысле его существования.

Техника по отношению к труду может выступать в очень разных качествах: во-первых, техника может освободить человека от тяжелого и рутинного труда; во-вторых, техника способна усложнить труд человека, заставив его развиваться и осваивать новые технологии; в-третьих, внедрение новой техники может привести к практически полному замещению ею человека, что приводит к лишению его работы, что может обернуться для последнего лишением средств к существованию. Таким образом, рост роли техники в трудовой деятельности чреват как невиданным прежде освобождением человека, так и беспрецедентным его отчуждением, когда он оказывается отчужден от общества, членом которого он был прежде.

Техника как угроза потери работы, прежде выступавшей в качестве источника средств к существованию, существовала и прежде. Развитие техники делало невыгодными привычные виды трудовой деятельности, делая безработными целые слои населения еще в XVI веке. Горькая ирония звучит в словах Т. Мора, писавшего о процессе огораживания, в ходе которого крестьяне оставались без возможности обрабатывать землю и кормить тем самым себя и свои семьи. «Ваши овцы, – писал Т. Мор в своей знаменитой «Утопии», – обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города» [61, с. 59]. Разумеется, частичный переход от земледелия к скотоводству в Великобритании на заре Нового времени, получивший название огораживания, был связан не с завоеванием страны кочевниками, а с развитием мануфактуры, производящей шерстяные ткани, а также со стремительным ростом международной морской торговли, вызванным совершенствованием кораблестроения, устройств навигации и других технических приспособлений.

Уже в XIX веке возникает движение луддитов [272], которые протестуют против создания машин и их внедрения в работу мануфактур. Стихийные протесты потерявших работу и отчаявшихся вновь ее обрести ремесленников были реакцией на промышленную революцию, которая двести лет назад сотрясала британское и другие западноевропейские общества. Нередко протестующие врывались в здания мануфактур и физически уничтожали те самые станки, которые обесценивали их труд. Машины фактически выполнили роль тех самых овец Т. Мора, которые в той же самой Британии за три столетия до этого «съели» людей.

Оценка идей и надежд луддитов как утопических является повсеместной. Нельзя остановить научный и технический прогресс точно так же, как нельзя воспрепятствовать наступлению неизбежного – такова точка зрения подавляющего большинства философов, историков и всех остальных, кто пишет об этом. Между тем, история знает немало случаев, когда культурные и религиозные запреты тормозили развитие технологий и их внедрение в трудовую деятельность на десятилетия и даже столетия. Но капиталистическая система и господствующий в ней дух конкуренции не оставляют возможности запретить то, что является конкурентным преимуществом.

Способность техники заменить человека полностью во всех видах деятельности, включая не только физический труд, но и труд умственный и даже способность принятия решения – утопия, рождающая страхи и даже фобии. Один из вариантов этой утопии стал вновь популярен уже в наши дни, когда развитие искусственного интеллекта привело к иллюзии, суть которой в возможности полностью элиминировать человека из системы управления обществом. Но первые попытки запрета применения техники в трудовых практиках уходят в далекое прошлое, когда культурные традиции стали включать в себя количественные, качественные, сезонные и иные ограничения на возможности охотника убивать дичь, употреблять ее в пищу и т.п. Во многом это было обусловлено ростом технического могущества

человека разумного, способного уничтожать фауну, флору и окружающую среду в целом в объемах, которые не могут воспроизводиться естественным образом.

Так человек начинает видеть в технике не только средство облегчения труда и повышения его производительности, он также осознает угрозу стабильности и предсказуемости окружающего мира, а значит и будущему своему благосостоянию. По этой причине общество вначале интуитивно, а затем и осознано начинает противиться резким изменениям, в том числе и в области трудовой деятельности. Появление машинной техники лишь усиливает опасения, ибо ее развитие и внедрение в производство происходит все ускоряющимися темпами, что ставит под сомнение способность спрогнозировать все последствия этого процесса, в том числе и негативные.

Между тем, нетрудно обнаружить, что корни угрозы всеобщей механизации труда и даже замене операторов техники роботами, находятся в обществе, вернее в его устройстве. Здесь следует частично согласиться с К. Марксом в том, что замена человека машиной, станком или любым другим техническим устройством чревата для него потерей средств к существованию только в том обществе, в котором ему не принадлежат средства производства, предметы и продукты труда. «Как целесообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы в той или иной форме, труд составляет естественное условие человеческого существования, условие обмена веществ между человеком и природой, независимое от каких бы то ни было социальных форм. Напротив, труд, создающий меновую стоимость, есть специфически общественная форма труда» [58, с. 221].

Сам факт владения средствами производства, включающими в себя помимо орудий производства еще и землю, воду, полезные ископаемые, а также любые другие ресурсы, приводит к тому, что человек, обрабатывающий землю, пасущий скот или производящий товары получает за свой труд вознаграждение. Это вознаграждение он получает от того, кто всем этим владеет и распоряжается, потому что результаты труда также

принадлежат владельцу средств производства. Замененный машиной, станком или иным техническим приспособлением человек более не может продать свой труд, владелец средств производства закрывает доступ к средствам производства и фактически выталкивает его из жизни. Ему некуда идти, ибо вся земля уже поделена и принадлежит кому-то, все станки и оборудование также имеют своих владельцев, найти новую работу он может только тогда, когда в экономике будут появляться рабочие места, которые он сможет занять в соответствии со своей квалификацией.

Сегодня ясно, что К. Маркс исследовал то общество, в котором жил и рассматривал его в контексте той истории, которая описывала исторические события с европейской точки зрения. Для европейских капиталистических обществ характерны, прежде всего, договорные отношения, и поэтому трудовые отношения регулируются договором и рынком труда. В то же самое время азиатские общества не всегда учитывают четкое распределение собственности на средства производства, что было известно даже К. Марксу в его оговорках относительно азиатского способа производства. Поэтому механизация ручного труда не обязательно приводит в них к исключению из экономической и социальной жизни лишних рабочих рук – административно-командная система находит им применение. Но и в таких обществах механизация труда приводит лишь к улучшению жизни элиты, ибо повышение производительности труда не является там функцией от снижения затрат на производство.

Отношение общества к труду редко бывает нейтральным в ценностном и эмоциональном отношении. Автор монографии о философии М. Хайдеггера, пытаясь понять его внутренний мир через события, характеризовавшие ситуацию в современном ему германском обществе, писал о лихорадке труда, охватившей его на фоне рассуждений о национальной катастрофе. Психологи называют такое состояние ума компенсацией и стремлением забыться в труде. «В пятидесятых и начале шестидесятых годов, – писал Р. Сафрански, – сформировался "дискурс

катастрофы”, мирно сосуществовавший с лихорадкой созидательного труда, удовлетворением от уже достигнутого благосостояния, оптимизмом в малых делах и на коротких дистанциях. Голоса критиков культуры вносили мрачный диссонанс в бодрую деловитость процветающей Федеративной Республики» [81, с. 537].

В контексте поисков экзистенциального смысла техники, а также ее места в жизни человека, общества, культуры все параметры внешнего социального и природного универсума, а также каждый «уголок» внутреннего мира человека не могут не испытывать преобразующего воздействия техники. Экзистенциальные последствия развития техники для человека подверглись философскому осмыслению в трудах таких разных философов как Ф. Ницше, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Ясперс, О. Шпенглер, Ф.Г. Юнгер, Х. Ортега-и-Гассет. По-новому представилась и проблема труда. Наряду с темами рациональности и эффективности, позволявшими видеть в труде источник богатств и могущества, появляется тема повседневности, в которой труд видится как часть человеческой жизни, а не как нечто ей внешнее. И в этом смысле труд видится в двух противоположных модальностях: интегрирующей и отчуждающей.

Особого рассмотрения требует то обстоятельство, что оба термина определяются экзистенциалистами совершенно иначе, чем в разобранных выше концепциях К. Маркса и Т. Парсонса. Так, в философии марксизма под отчуждением понимается буквальное, то есть физическое изъятие у трудящихся продуктов их деятельности. Землевладелец отбирает у того, кто трудится на земле, возделывает ее и выращивает урожай, большую его часть, оставляя землепашцу лишь необходимое для жизни. Точно так же владелец скота забирает у пастуха большую часть шерсти, молока и мяса, разрешая ему взять минимум. В индустриальном капиталистическом обществе владелец фабрики просто расплачивается с нанятым им работником, в индустриальном социалистическом обществе точно то же делает государство, монопольно владея средствами производства. М. Хайдеггер

определяет отчуждение скорее метафизически или экзистенциально. Созданная немецким мыслителем аналитика присутствия, квалифицируемая им как фундаментальная онтология, представляет собой учение о том, что человек, задающий вопрос о смысле собственного существования, вступает в сферу неопределенности своей сущности, противопоставляя при этом сущность (эссенцию) и существование (экзистенцию).

Труд есть часть человеческой экзистенции и любая его рационализация, а также механизация чревата утратой глубинной интимной связи человека с его деятельностью и, в первую очередь, трудовой деятельностью. Сам тип мышления европейского человека делает отчуждение неизбежным, ибо человек включен в бытие посредством присутствия (Dasein, здесь-бытие). А бытие техники М. Хайдеггер определяет как «постав», потому что техника «поставлена» на пути человека и изменяет его путь, потому что она изменяет сущность и смысл человеческого труда. Как отмечает Е.А. Цветухина, главным в хайдеггеровском понимании техники является мысль о том, что «труд и производящее, поставляющее мышление, начавшись в Древней Греции, постепенно преобразует отношение человека к миру и ставит под вопрос способность человеческого рода к бессмертию и выживанию в конфликтах между самими людьми» [243, с. 90].

Философское учение М. Хайдеггера содержит несколько весьма глубоких и интересных мыслей о связи экзистенциального отчуждения с вмешательством в естественные порядки трудовой деятельности. Труд как эксплуатацию он отличает от труда как смыслообразующей составляющей человеческого бытия. Он сравнивает «разорванную» добычей угля землю, которая выведена из «потаенности» и открыта для беспощадной эксплуатации. Почва превращена в площадку, где расположено рудное месторождение или карьер для добычи ископаемых. «Иным выглядело поле, – пишет далее М. Хайдеггер, – которое обрабатывал прежний крестьянин, когда обрабатывать еще значило: заботиться и ухаживать. Крестьянский труд

— не эксплуатация поля. Посеяв зерно, он ввергает семена их собственным силам роста и оберегает их произрастание. Тем временем обработка поля тоже оказалась втянута в колею совсем иначе устроенного земледелия, на службу которого ставится природа» [101, с. 226].

Создателя фундаментальной онтологии огорчает то, что переход обработки земли от ее ручного возделывания к машинной эксплуатации, несмотря на все очевидные преимущества в экономии сил, отрывают человека от подлинного истока бытия. Бытие как экзистенция или бытие как присутствие (Dasein) достигается, по Хайдеггеру, в процессе возвращения человека к самому себе. Это достигается в процессе того самого труда, который из поколения в поколение, давал человеку не только плоды, но и участвовал в формировании самого человека. Создателя фундаментальной онтологии огорчает то, что присутствие (Dasein) достигается путем перехода обработки земли от ее ручного возделывания к машинной эксплуатации. Снятие отчуждения обыденности компенсируется более жестким отчуждением, которое М. Хайдеггер называет трудом в поставе, когда человек эпизодически выходит из повседневности для того, чтобы стать более рациональным, более эффективным, более успешным. Так он начинает метаться между повседневностью и рационализацией, что делает его бытие разорванным и фрагментарным, а отчуждение более интенсивным.

Хайдеггеровское понимание экзистенциальной природы труда, возводящее трудовую деятельность в бытийно-онтологический статус и наделяющий ее амбивалентностью самоопределения и самоактуализации, оставляет «за кадром» ее социальное измерение. В этом смысле, дополнением к исследованию труда с экзистенциалистской точки зрения, может служить социально-философский подход Ж. Симондона. По мнению французского философа, феноменологическое определение технического устройства может быть дано на основе как социально-аналитической, так и психологической реконструкции отношения между человеком и машиной. Специфика технической деятельности заключается в ее амбивалентности —

она не может быть отнесена ни к сфере социального, ни к области психического.

Поскольку человеческие коллективы, отмечает Ж. Симондон, возникают в силу естественных потребностей человека как существа, ориентированного на коллективный труд и, как следствие, коллективное существование. Коллективная деятельность не является исключительно технической, у нее множество модусов. Однако, техническая деятельность имеет коллективную природу, а социальные группы нередко вырастают из необходимости создания и эксплуатации технических систем. Интеракция между индивидами дополняется интеракциями, отделенными от индивидов. «Труд примыкает к рабочему, – пишет Ж. Симондон, – и наоборот, посредством труда рабочий примыкает к природе, над которой он производит действия. Технический объект, помысленный и сконструированный человеком, не ограничивается только тем, чтобы создавать медиацию между человеком и природой; он есть устойчивое смешение человеческого и природного, содержит и то, и другое. Он придаёт своему человеческому содержанию структуру, подобную той, что обладают природные объекты, и позволяет делать вставку этой человеческой реальности в мир естественных причин и следствий» [231, с. 100].

Концепции техники, предложенные экзистенциалистской и социально-феноменологической философскими традициями согласуются с определением техники как органопроекции, данное Э. Каппом, Л. Нуаре, А. Эспинасом. Л. Нуаре обращает внимание на то, что способность к труду возникает не из какой-то способности отдельного органа, но из их соединения, тогда как животное использует лишь что-то одно, например, способность кусать, разрывать на части, рыть землю, хватать или цепляться. «Приобретённая за долгие периоды способность, – пишет Л. Нуаре, – а именно самостоятельная деятельность рук — переносится с лазанья по деревьям и плетения ветвей к рытью, явившемуся новой Необходимостью; это было переменой употребления, которая должна была развить

человеческие органы для нового совершенства, для одновременного отправления многих весьма различных функций» [40].

Философскому восприятию труда предшествовало мифопоэтическое его отражение в мифах и священных книгах труд является элементом отношений человека и высших сил и это отношение становится все более значимым по мере перехода от ранних форм религии к зрелому политеизму, а затем и монотеизму. Христианское понимание труда выделяет в качестве отдельных тем труд, совершаемый Богом в процессе создания мира и труд человека для добывания пропитания.

Таким образом, свободный труд выступает как абсолютная ценность, он является как целью, так и средством самореализации, в то самое время как труд подневольный – одно из самых тяжелых испытаний, которые только может вынести человек. Вся история культуры насыщена образами и смыслами, рожденными в ходе осмысления опыта трудовой и хозяйственной деятельности. При этом ничего так глубоко не коснулась рационализация социальной жизни, как сферы индивидуального и коллективного труда. Сама по себе дихотомия «труд – праздность» выступает как индикатор, отличающий гармонично развитую личность от личности, сформированной в деформирующих ее условиях или даже в условиях неродившейся личности. Таково социально философское и одновременно с этим философско-антропологическое содержание отношения понятий труда и свободы.

Таким образом, отношение человека к работе и труду глубоко укоренено в его бытии, включено в систему ценностей и определяет возможность его реализации. Труд может выступать причиной отчуждения человека от самого себя в том случае, если этот труд является тяжелым и не требующим высокой квалификации. И он же становится средством реализации личности, если речь идет о творческом труде. При этом подневольный труд, особенно если он выступает в качестве тяжелого физического труда, может не только стать препятствием для самореализации

личности, но и лишить жизнь человека смысла, уничтожая его человеческое достоинство.

1.3 Труд и трудовые отношения в контексте социально-философских концепций справедливости

Если антропологическая перспектива концептуализации понятия труда связывает его с понятиями свободы, творчества и реализации, а также тяжести, монотонности или необходимости трудиться по принуждению, то в социальной перспективе данное понятие тематизируется в контексте проблемы справедливости общественного устройства и эффективности организации производственно-трудовой деятельности. О справедливом общественном устройстве люди задумывались столько же, сколько существует философская рефлексия о бытии человека и религиозные учения об этом же. Представление о том, что социальный мир устроен несправедливо, стали источником всех монотеистических религий, которые обещали либо более справедливое его переустройство в общих верующих, либо посмертное воздаяние за страдания, претерпеваемые в результате этой несправедливости. Концепции справедливого переустройства мира, рождаемые в ходе философского рассуждения, составляют традицию утопического проектирования, восходящую к учению Платона об идеальном государстве. Основоположник античного идеализма был убежден, что справедливым может быть только то общество, в котором не будет частной собственности, а распределение общественных обязанностей и вытекающее из него разделение труда должно подчиняться строгим принципам, выводимым из его учения об идеях. Платон считал, что править должны философы, которые могут регулировать всю продуктивную (трудовую) и даже репродуктивную активность индивидов лучше них самих.

Платона настолько занимал процесс распределения обязанностей, что он уделил основное содержание разбору сложившегося стихийным образом

разделения труда. «Чтобы у нас успешное шло сапожное дело, – писал Платон, – мы запретили сапожнику даже пытаться стать земледельцем, или ткачом, или домостроителем; так же точно и всякому другому мы поручили только одно дело, к которому он годится по своим природным задаткам: этим он и будет заниматься всю жизнь, не отвлекаясь ни на что другое, и достигнет успеха, если не упустит время» [70, с. 15].

Т. Мор, Т. Кампанелла и другие мыслители эпохи Возрождения и Нового времени также размышляли на тему обретения человеком счастья посредством справедливого переустройства общества, справедливость которого понимается главным образом как введение новых принципов распределения результатов труда и самой его организации. От своих античных и средневековых предшественников они отличаются самым способом постановки проблем, когда несправедливость объясняется на основе философского, политического или социологического, а не на основе обыденного мировоззрения, как прежде.

Не следует забывать, что средневековое общество (эпоха Возрождения исторически относится к периоду позднего средневековья) – это глубоко религиозное общество. Поэтому проблема взаимосвязи труда и справедливости напрямую связана с выполнением норм и правил Священного Писания. Идеи общественного переустройства в немалой степени были связаны с изменением в сфере трудовой деятельности. Так, в романе-утопии Т. Мора рисуется картина острова, который населяют люди, исповедующие разные религии, но имеющие общую для всех систему ценностей, в основе которых человеколюбие. Путь к человеколюбию состоит в сочетании личного и общественного интереса, толерантности к инакомыслию и в свободе совести. Моральным Т. Мор считает все то, что соответствует интересам большинства и это последнее разворачивает дискурс в область труда, который в сложных преимущественно аграрных обществах позднего средневековья становится все более коллективным.

Английский мыслитель так же, как и Платон, видит корень всех зол в частной собственности, настаивая на фактическом упразднении денег и отказе от золота как всеобщего денежного эквивалента. Вместе с деньгами должны исчезнуть, по мысли великого утописта, все пороки и недуги, терзающие общество. «Ибо кому не известно, что с уничтожением денег отомрут обманы, кражи, грабежи, раздоры, возмущения, тяжбы, распри, убийства, предательства, отравления, каждодневно наказывая, люди скорее мстят за них, чем их обуздывают; к тому же одновременно с деньгами погибнут страх, тревога, заботы, тяготы и бессонные ночи. Даже сама бедность, которой одной только, казалось, и нужны деньги, после полного уничтожения денег тут же сама исчезнет» [60, с. 276-277].

В труде Т. Мора уже в полной мере представлены лексикон и фразеологические обороты, которая позднее будет отличать тексты научных социалистов и марксистов. Усилиями авторов этого направления социально-философской мысли в XIX веке начнет формироваться язык коммунистической идеологии, активно используемой для пропаганды и агитации, а затем положенной в основу государственного строительства стран социалистического выбора. Т. Мор сравнивает знатных людей с трутнями, потому что они владеют землями и живут благодаря этому в праздности [60, с. 129]. Окруженные толпами столь же праздных слуг знатные люди также не умеют, по мысли Т. Мора, добыть себе пропитание, как и их слуги, ибо под добычей пропитания он понимает только крестьянский и ремесленный труд. Т. Мор риторически призывает знатных и богатых вернуться к земледелию, вернув этому виду труда былой престиж и уважение.

Нетрудно видеть, что одним из существенных различий между античной и ренессансной утопической мыслью состоит в понимании ценности физического и умственного труда. Платон считал наиболее важным и наиболее ценным труд мыслителя, управляющего обществом при помощи философии. Т. Мор, напротив, полагал, что наиболее недооцененным

является физический труд, потому что он – основа жизни любого общества и с возрождения достоинства физического труда он связывает надежды на справедливое переустройство общества. Таким образом, можно обнаружить в творчестве Т. Мора тоску по патриархальному крестьянскому обществу, которое еще никем не обложено данью и никем не поработчено. В этой идеализации простоты быта первых землепашцев легко угадываются те же самые почти ностальгические переживания, которые владели и более поздними социалистами. Так, в концепции сменяющих друг друга общественно-экономических формаций К. Маркса можно обнаружить мысль об идеальности первобытнообщинного строя, который до известной степени являлся прообразом грядущего коммунистического общества. Сам К. Маркс использовал для характеристики исторически первой общественно-экономической формации термин «первобытный коммунизм».

Критики утопической мысли обнаруживают в основе проекта утопического переустройства общества Т. Мора не только гуманистические, но и тоталитарные черты, означающие дегуманизацию проектируемого нового общества. Если утописты писали романы, в которых давали картину счастливого человека и общества, то показом иных черт возможных и действительных их реализаций озаботились другие авторы, чьи произведения получили название антиутопий. В романах-антиутопиях демонстрируется другая сторона социальных образований, только спроектированных или уже «построенных» по лекалам утопий. Эта «темная сторона» воплощенной утопии свидетельствует о неизбежной дегуманизации последней.

Мысль утопистов всегда вращалась вокруг трех основных проблем: организация труда, распределение его результатов, управление досуговыми практиками. Первые две проблемы имеют непосредственное отношение к труду, третья – пусть и косвенно, но также его затрагивает. Поскольку в литературе утопического жанра авторы стремились систематизировать представления об идеальном устройстве отношений между людьми в обществе, прежде всего в ней содержится идеал труда и трудовых

отношений. Многие исследователи утопии находят ее корни в антропологической плоскости: человек по своей природе стремится к целесообразной деятельности. Будучи единственным животным, не обеспеченным в полной мере биологическими механизмами, гарантирующими формирование полноценного взрослого человека из новорожденного. Этот существенный недостаток компенсируется обучением, в том числе и трудовым.

Само по себе обучение – это полноценный вид труда: научиться чему-то в процессе обучения одновременно означает и научиться трудиться. Среди получаемых умений можно обнаружить и умения ставить перед собой цели и выбирать средства для их достижения. «Европейский человек, – отмечает Г.С. Андреев, – как никогда близок к тому, чтобы упростить свой труд и не добывать все в муках, а лишь руководить и развивать. Вопреки этому человечество не ощущает своего триумфа... утопия позволяет строить рассуждения о судьбе труда в истории западной цивилизации на основании анализа утопических текстов, поскольку все они затрагивают и тему труда, и вопрос выстраивания идеальной системы трудовых отношений» [134, с. 63].

Если рассматривать утопию как социокультурное явление, то ее можно рассматривать и как разновидность прогностики, и как особый тип мировоззрения, и как комплекс аксиологически-нормативных представлений, и как идеальная модель социальной реальности. В то же самое время утопия как жанр философствования рассматривает адаптацию системы социального действия и как средство построения идеологии. Но в разные эпохи социальная роль утопического мышления была различной. В периоды активного желания переустроить мир наблюдается стремление не приспособиться к миру, а переделать его в соответствии с принципами, которые, в свою очередь, изменяют отношение к труду. Тот самый повседневный труд, который и в античном, и в современном мире был достаточно тяжелым.

Между тем, среди ценностей архаичного общества не труд, а праздность являлась ценностью, и обладание ею считалось уделом элиты, получившей называемого отдельными историками праздным классом. «Институт праздного класса, – пишет М. Веблен, – получает свое наивысшее развитие на более поздней стадии существования варварской культуры, например, в феодальной Европе или феодальной Японии... Верхние слои общества, по обычаю, освобождаются от занятий в производстве или остаются от них в стороне, за ними закрепляются известные занятия, которые считаются "почетными". Главным среди почетных занятий является военное дело, а второе место после него обычно занимает священнослужение» [22, с. 57].

Во все времена повседневный рутинный труд требовал максимального напряжения всех физических и моральных сил организма. Но в беспокойные времена этот труд вдруг представляется неприемлемым и оценивается как эксплуатация. Именно тогда наблюдается подъем утопического сознания, который становится верным спутником революционных умонастроений. Не всегда революционные настроения оборачивались политическими революциями – часто все ограничивалось революционным преобразованием ума, ценностей, индивидуальных и коллективных целей. «То нашествие утопий, – пишет Р.А. Гальцева, – которым отмечено Новое время, указывает на ускоренное рассвобождение *hybris'a* (высокомерия – примеч. мое) от традиционных скреп и на разрастание гибриса, человеческой гордыни... По мере эмансипации сознания спасение мира взыскание "Царства небесного", преобразующие мир путем кропотливой внутренней работы, заменяется идеей его преобразования на путях титанического дерзания, которое все меньше считается с реальностью» [24, с. 6-7].

Идеи революционного преобразования общества, периодически обретающие популярность, каждый раз ставят вопрос об освобождении человека от пресловутых оков прошлого, то есть от скомпрометировавшего себя социального строя, выступающего главной причиной его порабощения.

Но порабощение социальное или закабаление экономическое во все времена связывалось теоретиками освобождения с несвободным существованием сознания. Уже во второй половине XX века в послевоенных Западной Европе и Северной Америке вновь стала популярной идея революции. Г. Маркузе и новые левые вслед за ним обратились к теме нового человека, воспитание которого представляется и целью, и следствием появления нового общества – общества, в котором были бы в полной мере реализованы ценности свободы и справедливости. «Маркс как критик-гуманист возмущался тем, что труд низводится до товара. В научный период своей деятельности он был зачарован мыслью, что капитализм обречен на гибель, так как превращает труд в товар. Он испытывал восторг от того, что обмен в соответствии с законами рынка позволяет не только решить научную проблему (открыть общую причину происхождения прибыли, процентов и ренты), но и от имени науки заклеить несправедливость, присущую капиталистическому строю» [5, с. 269].

Даже в XX веке западные философы все еще повторяли марксистские мысли об особой роли товарного производства и о рождаемом этим производством товарном обществе. Несмотря на ре-интерпретацию термина «отчуждение», благодаря которой речь не идет о буквальном изъятии результатов труда у трудящегося, а о глубоко символическом и даже метафорическом разрыве человека с бытием, утрате единства с собственной сущностью. Именно так интерпретировали понятие отчуждения представители франкфуртской школы, сформировавшие критическое направление в социально-философской мысли, работавшие в разное время в Институте социальных исследований во Франкфурте-на-Майне. «Модель нового человека, – пишет М.А. Хевеши, комментируя их взгляды, – должна быть прямо противоположна существующему в современном товарном обществе. Ему не должны быть свойственны репрессивные потребности, поэтому его язык, жесты, образ жизни уже иные, ибо человек стал свободен

от постоянной необходимости подавлять свои инстинкты, он свободен от отчужденного труда» [103, с. 205].

То, что отчужденный труд является результатом особого, неправильного общественного устройства, стала отправным пунктом не только для утопистов, но и для всех социальных теоретиков, критически настроенных по отношению к существующим порядкам. Их критика разворачивается на фоне социального, политического и управленческого опыта, которого не было прежде: утопические проекты начали воплощаться в жизнь. Реализующие эти проекты политические силы, пришедшие к власти в ходе русской революции, а затем в результате иных потрясений XX века – войн, крушения колониальных режимов, национально-освободительных движений – были заинтересованы в том, чтобы представлять свои проекты как результат развития передовой научной и философской мысли. Поэтому они противопоставляли свои проекты средневековым и ренессансным утопиям, четко отделяя «утопический социализм» от «научного коммунизма». Так, советские идеологи, не скрывавшие своей симпатии к «Утопии» Т. Мора, «Городу-Солнцу» Т. Кампанеллы и даже к «Вечеру в 2217 году», тем не менее, противопоставляли их «строго научной» философии К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина.

Критика К. Поппером и другими современными философами научности «марксизма» привела к тому, что надежды создателей советского социалистического общества на построение коммунизма стали выглядеть как одна из утопий, мало отличающаяся от средневековых и ренессансных утопических концепций [72]. Но вся эта критика не отменяет ценности работы, проделанной К. Марксом и, в особенности, его анализа труда в условиях капитализма. Следует однако признать, что идея, выраженная в коммунистическом проекте, встретившись с реальностью революционных преобразований, в первые же годы власти большевиков породила новый жанр литературно-художественной и общественно-политической мысли – антиутопию. Прообразы антиутопий можно найти в античных комедиях, но

появление первого общества, последовательно воплощавшего в жизнь идеи утопии, придало этому жанру совершенно иное качество.

В США в 1924 году вышел первый роман-антиутопия Е.И. Замятина «Мы», в котором показан образ человека будущего, прорвавшегося в настоящее и утонувшее в нем. «Даже у древних – наиболее взрослые знали: источник права — сила, право — функция от силы. И вот – две чашки весов: на одной грамм, на другой – тонна, на одной «я», на другой «Мы», Единое Государство. Не ясно ли: допускать, что у «я» могут быть какие-то «права» по отношению к Государству и допускать, что грамм может уравновесить тонну – это совершенно одно и то же» [32, с. 100]. Так, в художественной форме реконструируется сознание человека, который ощутил и осознал себя частью массы или толпы.

Е.И. Замятин делает из осознания этого факта четкие выводы: права есть у государства, потому что оно весом с тонну, а у человека есть только обязанности, потому что его символический вес приравнивается к грамму. Но человеку бывает трудно осознавать свою ничтожность, что толкает его к такой форме самосознания как «мы». В переходе от «я» к «мы» автору виден путь от ничтожества к величию, и прошедший его забывает, что он – грамм, ощущая себя не столько частичкой тонны, сколько всей тонной. Это самое ощущение «мы» начинает формировать новый образ труда и новое эмоциональное отношение к труду, характеризуемое при помощи понятия энтузиазма.

Создатели нового общества, реализуя утопические проекты, попробовали связать понятие труда с образами героического и подвижнического действия, активно черпая вдохновение в античном воспевании героев и средневековом почитании мучеников, не оставляя без внимания новоевропейские смешения этих тематик. Это особенно заметно при сопоставлении работ двух авторов, один из которых А.А. Богданов создавал роман-утопию, тогда как второй – уже упоминавшийся выше автор антиутопии Е.И. Замятин. «Различия между образами человека,

сформулированными А.А. Богдановым и Е.И. Замятиным, – Р.Ю. Фофанов, – являются изучаемыми альтернативами развития образа человека-созидателя: в утопии труд свободен и человек-труженик волен творчески применять свой созидательный потенциал. В антиутопии труд человека будущего обесмысливается его формализованностью и фактическим закрепощением людей» [132, с. 90].

Это замечание важно для понимания того, как одна и та же идея уже в процессе ее реализации вызывает столь разные отклики и побуждает к столь разным оценкам. Как можно увидеть в одних и тех же формах социальной организации освобождающий и обесмысливающе-закрепощающий труд одновременно? И если бы это было характерно только для первых лет строительства нового общества и новой формы организации труда. Но и потом, когда социализм, построенный в Советском Союзе стали называть «развитым», официальное отношение к тем самым формам труда, который стали практиковать еще в 1920-е годы, не изменился. По-прежнему, эти формы подвергались критике противниками советского строя на Западе, по-прежнему, они назывались передовыми и эффективными в учебниках и научных трудах советских ученых. Их адепты находятся и сегодня, когда российское общество вновь стало ориентироваться на капиталистические образцы трудовых отношений, а отечественная экономика стала частью мировой.

Объяснение того, что отношение к труду в социалистическом обществе, воплотившем утопические проекты в жизнь, может быть диаметрально противоположным, находится в сфере ценностей. Различные системы ценностей формируют различную оптику, а даже беглое сравнение позиций «по трудовому вопросу» Е.И. Замятина и А.А. Богданова наглядно свидетельствует о наличии у них различных ценностных ориентаций. Е.И. Замятина с полным основанием можно назвать хранителем и выразителем ценностей индивидуализма, в то самое время как А.А. Богданов

является представителем коллективистской модели построения социальной и индивидуальной жизни.

Строки из его фантастического романа «Красная звезда», написанного за десятилетие до крушения царской России, очень четко указывают на приверженность их автора идеалам коллективизма. «Около столетия существовали обязательный для всех, – писал А.А. Богданов, – кроме пенсионеров-капиталистов, рабочий день, сначала около 6 часов, потом все меньше. Но прогресс техники и точный учет свободного труда помогли избавиться от этих последних остатков старой системы. Вся картина ровной, не залитой, как у нас, сплошь огнем и кровью, эволюции общества вызывала во мне невольное чувство зависти» [17, с. 48].

А.А. Богданов фактически является пионером советской утопической литературы, которая более полувека будет определять образы будущего, хотя и будет перекаленифицирована литературоведами в научно-фантастическую. Такое переопределение жанра не случайно – идеи социализма, прежде опиравшиеся в большей степени на идеи философов, экономистов, историков и гуманитариев, апеллировавших иногда к биологии или антропологии, стали нуждаться в опоре на достижения естествознания и техники. Весь XX век оказался веком впечатляющего научно-технического прогресса, что превращало борьбу за умы и сердца людей в непрерывное подтверждение связи собственной идеологии с духом научных открытий и технических внедрений. Научная организация труда заняла достойное место среди явных преимуществ, неразрывно связанных с представлением о ближайшем будущем.

Будучи медиком по образованию, А.А. Богданов уделяет много внимания борьбе со «стихийностью природы», которая видится главным врагом стремящегося к всеобщему счастью человечества. И коллективный, научно-организованный труд видится ему главным средством укрощения стихии. Логистика, менеджмент и психология выделялись ему теми областями знания, активное применение которых способно изменить и качество

человеческого труда и, что особенно важно, его результаты. А.А. Богданов одержим идеей стереть различие между организаторами и исполнителями, достижение чего видится ему в активном применении автоматизации производства и созданию эффективной системы психологической и профессиональной подготовки.

В своей «Тектологии» А.А. Богданов развивает эти идеи, в которых спустя десятилетия найдут созвучие идеям Н. Винера и предвосхищение кибернетики. Труд коллектива (системы людей) он описывает при помощи понятий ингрессии, диссимилиации, дезингрессии, конъюгации. Д. Рисполи и Ю.Г. Россиус находят этим терминам эквиваленты из кибернетической науки. Так понятие конъюгации они «переводят» как сотрудничество элементов системы [220, с. 57]. Так благодаря А.А. Богданову происходит объединение теории революционного преобразования общества путем уничтожения частной собственности на средства производства и социальных технологий, основанных на идее рационализации коллективного труда.

Еще более проработанной идея рационализации труда выглядит в книге А.К. Гастева «Как надо работать», соединяющая в себе элементы научного планирования и управленческого проектирования с эмоциональным призывом к добровольному упорному труду во имя светлого будущего. Эпиграфом к этой книге являются строки из его же стихов. В них, помимо поэзии, можно обнаружить зачатки социально-психологических технологий, получивших распространение полвека спустя: «Когда гудят утренние гудки на рабочих окраинах, это вовсе не призыв к неволе. Это песня будущего. Мы когда-то работали в убогих мастерских и начинали работать по утрам в разное время. А теперь, утром, в восемь часов, кричат гудки для целого миллиона. Теперь минута в минуту мы начинаем вместе. Целый миллион берет молот в одно и то же мгновение» [25].

Автор этого стихотворения А.К. Гастев написал его в дореволюционную эпоху. После революции он стал автором книг по научной организации труда, претворяя поэзию Пролеткульта в жизнь. Как отмечает

В. Агински, стихотворения А.К. Гастева «Мы растем из железа», «Мы идем», «Мы посягнули», «Мы вместе», «Мы всюду», несомненно, повлияли на выбор Замятиным названия для своего романа [133, с. 84-90]. Поэт и изобретатель призывал добиваться невозможности индивидуального мышления путем преобразования социальной организации.

Ценности коллективизма, как и ценности индивидуализма, играют существенную роль в определении стандартов справедливости. Само понятие справедливости является контекстуальным. Четыре положения статьи 23 «Всеобщей декларации прав человека», именуемые принципами справедливости в области труда и трудовых отношений, позволяют говорить о наличии некоего универсального критерия, присутствующего как в международном праве, так и в национальных правовых системах. Каждое из этих положений обобщает социальный опыт, приобретенный человеком в течение тысячелетий, и поэтому претендует на универсальность. Между тем, социокультурные особенности труда в различных частях света и в различные эпохи показывает зависимость названных положений декларации от политико-правовых и хозяйственно-экономических условий того типа общества, в котором они были сформулированы.

Первое положение, согласно которому «каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы» [260] сегодня действительно не вызывает никаких вопросов. По сути, оно придает легитимный характер требованию, с которым обращались европейские и североамериканские профсоюзы в XIX веке и первой половине XX века к своим государствам и владельцам промышленных предприятий. Но тысячелетия до этого люди по всей земле жили и трудились в условиях, где это требования либо не имело никакого смысла или наоборот, либо, наоборот, соблюдалось как очевидное. Аграрные общества существовали как общества всеобщей занятости, а безработица грозила лишь тем крестьянам, которые были изгнаны с той земли, которую обрабатывали их родители и старшие братья. Понятие

«справедливые и благоприятные условия труда» вообще зависит от того, о каком месте и времени идет речь, ибо даже в XXI веке существенная часть населения земли добывает хлеб насущный в условиях, мало отличающихся от доисторических. При этом совершенно непонятно, кто и как мог бы изменить жизнь и труд африканских пастухов или индийских земледельцев. Данная норма обретает смысл в модернизированных индустриальных странах, в которых работники могут объединяться в независимые профсоюзы и отстаивать свои права. Не случайно этот пункт декларации дополняется четвертым, согласно которому «каждый человек имеет право создавать профессиональные союзы и входить в профессиональные союзы для защиты своих интересов» [260].

Второе положение – «каждый человек, без какой-либо дискриминации, имеет право на равную оплату за равный труд» – также вызывает массу вопросов, ответы на которые требуют либо обращения к социокультурному и культурно-историческому контекстам, позволяющим выяснить обстоятельства и возможности реализации данного права. Ну а третье положение может быть удовлетворительно интерпретировано лишь в современных индустриально развитых странах. Согласно этому положению, «каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи, и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения» [260].

Правоведы и философы сегодня различают такие виды справедливости, как пропорциональную и предоставление равного и достаточного блага. Также есть основания отличать формальную и фактическую. Это различие восходит к Аристотелю, который вслед за Платоном заложил основы теоретического рассмотрения. Но задолго до древнегреческих философов тематизация понятия справедливости возникла в народном сознании и нашла отражение в религии. При этом практически всегда она касалась только двух выделенных аспектов социального и человеческого бытия: вознаграждения

за труд, в том числе и символический, и обмена вещами или иными благами. Вознаграждение можно рассматривать как вид обмена, а можно найти в них признаки дарения.

Для экспликации понятия справедливости, необходимо обратиться к истории философской и политико-правовой мысли. Ставшее классическим аристотелевское деление справедливости на «распределительную» и «направительную». Распределительная справедливость определяется математически – в ее основе лежит принцип геометрической пропорции. Другими словами, распределение благ осуществляется в строгом соответствии с достоинством каждого участника, а достоинство, в свою очередь, определяется обществом в зависимости от знатности происхождения, собственных заслуг, ролей и социального статуса. Так, Аристотель указывал на четыре формирующих достоинство критерия: свободу, богатство, благородное происхождение и добродетель [4, с. 151].

Все эти критерия могут быть интерпретированы только в социально-историческом контексте афинского социума. Так, например, понятие свободы для жителя Афин означало, что он свободорожденный, не попал в зависимое положение за долги или был пленен в ходе боевых действий. Современное понятие свободы существенно отличается от данного и не позволяет получать преимущества в той же самой модели справедливости, интерпретированной, в контексте современного российского, китайского или испанского общества, где нет ни рабов, проданных за долги, ни плененных на поле боя, и по этой причине попавших в административную либо экономическую зависимость от других или от государства. Но в условиях античного полиса при распределении имущества, почестей или тягот именно эти обстоятельства играли решающую роль.

Направительная или уравнивающая справедливость в философском учении Аристотеля также отталкивается в своем определении от математических моделей, но на сей раз критерий справедливости строится на основе арифметики потому, что он применим не при распределении, а при

обмене. Будь то продажа товаров за деньги на рынке или обмен услугами, каждый раз учитывается равенство потенциальных участников сделки, которые обязываются предоставлять равные товары или услуги. В этом типе справедливости можно найти в качестве частного случая обмена расплату за выполненный труд, трактуемую как взаимное воздаяние. «Она задает параметры справедливого обмена благами, – отмечает А.В. Прокофьев, – в рамках рыночных отношений. Пропорциональность такому обмену придает равенство между качеством и количеством работы, создавшей обмениваемую вещь, и качеством и количеством работы, создавшей вещь приобретаемую» [216, с. 137].

Таким образом, в рамках современной социальной философии могут быть выделены дистрибутивная (распределяющая), коммутативная (обменивающая) и ретрибутивная (воздающая) типы справедливости. В процессе рассуждений о труде и трудовых отношениях мы находим не только активное использование всех вышеназванных видов справедливости, но и непрекращающийся взаимный их переход друг в друга.

Следует отметить, что в процессе интерпретации трудовой деятельности индивидов и коллективов по поводу распределения ролей, поручений или вознаграждений вырабатываются некие правила и стандарты, которые затем сами детерминируют данную деятельность. Но обсуждение справедливости трудовых отношений, естественно возникающее в ходе общения взаимодействующих индивидов, может быть прервано по двум внешним причинам. Во-первых, то, что было рождено в процессе живого общения, обсуждения и переговоров, может быть зафиксировано посредством законов или иных нормативных актов. В этом случае можно что-то обсуждать, но это не создает возможность на что-то повлиять, если оставлять в неизменности законодательство, в то время как последнее может быть составной частью сложившегося общественного порядка и изменение чего чревато социальными потрясениями. Между тем, как отмечает А. Зельстра, «превращение себя в товар человеческим капиталом и

превращение людей в экономического человека, с одной стороны, и стремление к осмысленности работы в более широком контексте жизни и жизни, в конце концов, Шалом или София, с другой стороны» [275].

Во втором случае в трудовые отношения могут вмешиваться соображения целесообразности, выгодные для того, кто владеет богатством или властью. Таким образом, принятые в обществе стандарты справедливости могут пересматриваться под углом их выгоды для тех, кто располагает ресурсами или владеет средствами производства. Но без оправдания трудовых отношений с точки зрения их справедливости эти отношения могут держаться на угрозе физического насилия или даже актуальном его применении. Образ раба, закованного в кандалы и подстегиваемого кнутом, ассоциируется лишь с примитивными видами тяжелого физического труда. Для легитимации такого типа трудовых отношений, как было показано выше, используется идея о принадлежности раба и свободного к разным типам живых существ. Данная идея присуща родоплеменному сознанию, но она не была преодолена даже в философских учениях времен античности, когда все существовавшие общества были рабовладельческими.

По мере развития европейского общества, философские учения стали все чаще обращаться к аристотелевскому наследию с целью адаптации его учения к реалиям позднего средневековья и Нового времени. Дистрибутивное понимание справедливости оказывается связано с этикой, тогда как коммутативная все более относится к области права. Т. Гоббс в своем «Левиафане» пишет о дистрибуции наказаний в соответствии с принципом компенсации за несоблюдение договорных обязательств, то есть за нарушение коммутативной справедливости. Коммутативной справедливостью благодаря римскому наследию и латинскому языку еще схоласты стали называть то, что Аристотель называл справедливостью направительной, а дистрибутивная справедливость является исторической наследницей распределительной.

Более того, сама дистрибутивная справедливость истолковывается под влиянием идей Цицерона и итальянского гуманизма в моральном, а не в социальном ключе. Это хорошо видно в трактовке понятия справедливости у автора первой новоевропейской теории естественного права Г. Гроция. «У него, – отмечает А.В. Прокофьев, – “исполнительная справедливость” (*justitia expletrix*), или справедливость в собственном смысле слова, обеспечивает защиту неприкосновенности личности и собственности, а также выполнение договорных обязательств с помощью легитимного принуждения, а «наделяющая справедливость» (*justitia attributrix*) регулирует сугубо добровольную передачу благ собственником другому человеку в соответствии с теми свойствами, которые делают другого достойным обладания этими благами» [216, с. 138-139].

Дж. Локк лишь усиливает доминирование коммутативной справедливости, концентрируя свое внимание на защите частной собственности, каковая видится им не только основой права, но и источником подлинной морали. Тем более, что основоположник классического либерализма относит к числу объектов владения не только материальные ценности, но и жизнь, и личную свободу человека. «Хотя земли и все низшие существа принадлежат сообща всем людям, всё же каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Мы можем сказать, что труд его тела и работа его рук по самому строгому счету принадлежат ему» [51, с. 277].

Таким образом, труд, рассматриваемый Дж. Локком как вид собственности, оказывается источником справедливости и соответствующим инструментом измерения, позволяющим определить меру справедливости принимаемых в процессе трудовой деятельности решений. Но при этом не распределение, а обмен лежат в основе этики, выстраиваемой Дж. Локком. Не справедливость, а благотворительность должна господствовать в сфере заботы о неимущих, труд же оценивается рынком и только рынком – таков

главный посыл формирующегося капитализма. И теоретическое его обоснование – трудовая теория стоимости.

Еще дальше в своем отрицании распределительной справедливости идет другой английский философ эмпирист Д. Юм. Он отнес распределительную справедливость к числу искусственных образований, связанных с общественными интересами и прагматическими соображениями, а не с естественными чувствами человека. «Пока каждое отдельное лицо, – писал Д. Юм, – трудится в одиночку и только ради себя, силы его слишком малы, чтобы произвести какую-нибудь значительную работу; поскольку его труд затрачивается на удовлетворение различных нужд, он никогда не достигает совершенства в каком-нибудь одном искусстве, а так как его силы и успех не всегда одинаковы, то малейшая неудача в одном из таких частных (искусств) должна сопровождаться неизбежным разорением и нуждой» [119, с. 256]. Показательно, что само рассмотрение понятия справедливости у Д. Юма неразрывно связано с анализом собственности.

Понятие социальной справедливости в Новое время стало обсуждаться не сразу. Только французские просветители впервые заговорили о том, что общество устроено неразумно и несправедливо. Правила справедливости вновь стали распространяться на процессы распределения благ и ресурсов, что прямо следовало из тезиса о неразумности социальных институций и о необходимости революционного их переустройства. Новым здесь являлось представление о том, что все общество обязано заботиться о том, чтобы у каждого из его членов был достаточно высокий уровень благосостояния. При этом впервые появляется тезис о том, что ресурсы должны распределяться под контролем общества и это распределение должно происходить именно так, чтобы каждый человек имел достаток и мог вести достойный гражданина образ жизни. Если прежде данный вопрос регулировался правом собственности, то теперь появляется новый мотив – забота общества о наименее преуспевших. Те, кому в силу исторических обстоятельств

принадлежали земля, богатство, сословные привилегии, стали восприниматься как ответственные за тех, кому не досталось ничего.

Появились критики неприкосновенности частной собственности среди тех, кто занимался философско-теоретическим рассмотрением идеи справедливости. Мысль о том, что все должны быть равны и что все ресурсы и ценности должны быть в коллективной собственности, существовала и в доисторические времена, но только в эпоху Просвещения появились теоретико-философские и политико-правовые концепции, рассматривающие идеи более справедливого распределения материальных благ. Начиная от Ж.Ж. Руссо и заканчивая К. Марксом, возникает традиция противопоставления формального и имущественного равенства. Все представители этой линии в философии были убеждены в том, что рабство и нищета являются результатом собственности на средства производства. Как писал Ж.Ж. Руссо, «с той минуты, как один человек стал нуждаться в помощи другого, как только люди заметили, что одному полезно иметь запас пищи на двоих, — исчезло равенство, появилась собственность, труд стал необходимостью, и обширные леса превратились в радующие глаз нивы, которые надо было орошать человеческим потом и на которых вскоре были посеяны и выросли вместе с урожаем рабство и нищета» [78, с. 114].

Тема справедливости неразрывно связана с темой рациональности. История современных обществ была описана как история непрерывной рационализации социальных отношений. Параллельно развивалась и совершенствовалась философская теория справедливости, объединяющая в себе моральный, правовой, экономический и социологический планы в едином социально-философском определении этого понятия. М. Вебер создал теорию социального действия, разделив все действия людей на традиционные, аффективные, целерациональные и ценностно-рациональные. В веберовском разборе идеи социальной рационализации применяется восходящая к Канту и неокантианцам традиция определения деятельности через различение понятий цели и ценности. В самом общем виде ценность

представляет собой разновидность цели, но в отличие от обычной цели ценность не может превращаться в средство для достижения новой цели. Ценность – это такая цель, к которой стремятся ради нее самой, а не ради перехода к другой цели по достижении данной.

М. Вебер создал учение о духовных ценностях капитализма, чем существенно скорректировал сложившееся в сознании европейцев представление о новой общественно-экономической формации. Еще задолго до марксизма капитализм подвергался жесткой критике со стороны традиционного христианства и романтизма. В капитализме видели лишь один дух – дух наживы. Отсюда и утвердившееся в умах современников представление о капитализме как о таком устройстве общества, в котором главной ценностью являются деньги, а традиционные ценности отступают на второй план, если не девальвируются полностью, достигая близких к нулю значений.

Свою концепцию особого типа духовности, присущего капитализму, М. Вебер вывел из специально созданной им концепции трудовой этики, которую он связал с протестантизмом. Описывая протестантскую трудовую этику, М. Вебер невольно создавал условие для выдвижения трудовой этики в качестве основания для сравнения разных типов обществ, то есть различных общественно-экономических формаций. Другими словами, религиозно детерминированная трудовая этика превращалась у М. Вебера в аналог марксистского понятия способа производства с его материальным базисом и духовной надстройкой. М. Вебер увидел в трудовой этике протестантизма базовую для капитализма систему ценностей, полагая, что точно также в основе феодального типа общества лежат ценности римско-католической церкви. «Наряду с прилежанием и умеренностью, – цитирует М. Вебер наставления Б. Франклина, – ничто так не помогает молодому человеку завоевать себе положение в обществе, как пунктуальность и справедливость во всех его делах. Поэтому никогда не задерживай взятых

твоей взаимности денег ни на один час сверх установленного срока, чтобы гнев твоего друга не закрыл для тебя навсегда его кошелек» [21, с. 72].

Согласно концепции М. Вебера, созданная протестантами этика включает в себя учение о необходимости добросовестного и усердного труда, каковой делает жизнь человека добродетельной, а также дает ему надежду на личное спасение. Последнее, как известно, и является главной целью христианина, как, впрочем, и любого другого верующего, чья религия содержит в себе веру в загробную жизнь и воздаяние. Труд в античном и средневековом обществе считался уделом рабов и бедноты, а главными человеческими достоинствами считались храбрость, ум, благородство. Не случайно же критики христианства, такие, например, как Ф. Ницше, называли его религией рабов. Античным и средневековым аристократам были присущи совсем иные ценности, включающие в себя праздность в мирное время и готовность демонстрировать отвагу на поле брани. Тяготы и трудности военного похода все же коренным образом отличались от тяжелого повседневного труда землепашца, ремесленника или купца.

Сторонники веберовской концепции подчеркивали то обстоятельство, что протестантизм – это религия, в которой к ценности повседневного производительного труда оказалась приобщена элита «продвинутых» в экономическом отношении европейских стран. И, как следствие, материальные результаты труда оказываются наградой за повседневное усердие и добросовестно выполненную работу.

Нормы и ценности протестантской религии, как и любые другие, в том числе и религиозные нормы и ценности – это универсальный регулятор индивидуального и коллективного поведения. Но эти нормы и правила не являются каноническими, они не сформулированы в Священном Писании. Фактически их вывели историки и социологи, изучавшие документы и иные источники или наблюдавшие в реальном времени жизнь современных им протестантских общин. Но исследователи сходятся во мнении, что особенности протестантского миропонимания и мироощущения в наиболее

отчетливой форме конкретизируются в интерпретациях понятий благодати. Жизненного призвания, предопределения. Отсюда и специфически протестантское видение морали, когда бережливость, деловая инициатива, предприимчивость стали чертами богоизбранности и были отделены от грехов стяжательства, алчности или сребролюбия, столь порицаемые в католицизме и православии.

Нельзя видеть в протестантской этике труда и богатства отрицание Священного Писания. В Библии достаточно обращений к теме труда и справедливости, просто эти обращения не привлекали столько внимания и не были столь популярны у толкователей до реформации. Так, например, хозяину предписывается вовремя платить заработную плату за добросовестно выполненный труд. «Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй. Плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра» (Библия, Левит 19:13).

К этому наставлению вплотную примыкает запрет на «приобретение сокровища лживым языком – мимолетное дуновение ищущих смерти» (Притчи 21:6). Также осуждается стремление к наживе с использованием мошеннических схем: «не делайте неправды в суде, в мере, в весе и в измерении: «не должны быть двоякие гири, большие и меньшие... гиря у тебя должна быть точная и правильная, ... чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь Бог твой дает тебе, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий неправду» (Второзаконие 25:13-16). Даже знаменитое утверждение Иисуса Христа о том, что суббота для человека, а не человек для субботы, может быть интерпретировано как запрет на попытки лишить человека труда заслуженного отдыха. Впервые были подвергнуты осуждению нищие и бродяги, которые в протестантском обществе стали квалифицироваться как бездельники, не желающие трудиться. Моральный долг теперь содержал в себе не только желание работать, делая то, что умеешь – в число добродетелей включается стремление к учебе и обретению профессии.

Насколько применимо к современному обществу рассмотрение моральных максим в духе М. Вебера, вопрос особый. «Особенностью современных обществ является их большая дифференцированность, причину которой связывают с изменениями в содержании общественного производства: оно стало высокотехнологичным, значительную роль в нем занимает сфера услуг, а одним из наиболее востребованных товаров сегодня считается информация. Вследствие этих трансформаций, работа за станком, в поле, на транспорте, иными словами, физический труд, с которым традиционно связывается создание общественного богатства, отступил на второй план, а в рейтинге профессиональных занятий первые места занимают люди, непосредственно не связанные с материальным производством: банкиры, биржевые аналитики и маклеры, представители IT-индустрии, офисные клерки. Появление множества новых профессий и дробление прежних кардинально изменило картину общественной жизни и потребовало пересмотра критериев справедливости» [191, с. 17].

Одна из теорий справедливости, претендующая на статус универсальной и возникшая всего лишь полвека назад, – теория справедливости Дж. Роулза. В теории справедливости Дж. Роулза рассматривается вопрос о справедливости оплаты труда в контексте анализа общественного устройства. Исследование принципа «каждому по труду» применительно к конкурентной экономике заставляет американского философа обратиться к теории распределения с минимальной эффективной производительностью. В соответствии с данной теорией, субъекты могут рассчитывать на получение дохода согласно тому, сколько ими добавляется к совокупному продукту производства. Такой подход позволяет говорить о том, что доход рабочего оплачен в соответствии с полной ценой его труда, что выглядит абсолютно честным и представляется реализацией права индивида на плоды его труда.

Дж. Роулз приводит свои аргументы, опровергающие тезис о справедливости такого общественного устройства. «Минимальная

эффективность продукта труда, – пишет Дж. Роулз, – зависит от спроса и предложения. То, что индивид вносит посредством своего труда, варьируется вместе со спросом фирм на его навыки, а это, в свою очередь, варьируется со спросом на продукцию фирм. На вклад индивида также влияет то, сколько еще индивидов предлагают сходные таланты. Таким образом, отсутствует предпосылка, что следование принципу вклада ведет к справедливому исходу, если только глубинные рыночные силы и доступность возможностей, которые они отражают, регулируются соответствующим образом» [77, с. 272].

Использование теории игр и теории принятия решений позволило Дж. Роулзу существенно модернизировать классический подход к определению справедливой оплаты за труд, восходящий к философской и политэкономической концепции К. Маркса. Дж. Роулз делает вывод о том, что базисная структура общества с конкурентной экономикой в целом справедлива. И если рыночная экономика делает упор на принцип вклада, то государственное распределение, даже если оно становится фактическим перераспределением, руководствуется принципом заботы о наименее защищенных.

Дж. Роулз исходит из предположения о рациональности человеческих действий, которые предстоит оценивать с точки зрения учета в них оценки на соответствие критериям справедливости, наряду с не менее важными критериями эффективности. Затем он делает предположение о том, что люди находятся в неведении относительно того, что является для них благом. Поэтому он предлагает учитывать случайный характер распределения результатов труда в сложных обществах, где ни принимаемые решения, ни упорный труд, ни талант, ни желание не служат достаточным условием для достижения жизненного успеха. Труд в таких обществах все менее рассматривается как средство для выживания, но как инструмент достижения достойного уровня жизни. Идея социальной справедливости – это идея равных возможностей и, одновременно с этим, идея заботы преуспевших о

тех, кому в силу случайного стечения обстоятельств или неверного выбора повезло меньше.

Дж. Роулз в своем желании модернизировать понятие справедливости исходит из необходимости учесть изменение характера труда от простого возделывания земли или обработки металла в плавильном цеху к сложным производствам, производящим высокотехнологичные продукты, доля прибавочной стоимости которой формируется с учетом неисчислимого количества разнообразных факторов. Такой труд не предполагает и простых схем расчета вознаграждения. Какое-то время считалось, что последнее формируется исходя из требований рынка, но сегодня ясно, что спекулятивный капитал, финансовое устройство самого рынка давно уже разрушили простые схемы расчета рыночной востребованности. Поэтому при установлении содержательных принципов справедливости на первый план выходит понятие честности. Универсальность принципа равных свобод не отменяет многообразия контекстов интерпретации последних.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что отношение человека и общества к труду были осмыслены как на коллективном, так и на индивидуальном уровне. Первое проявляется в общественном сознании и присутствует в различных его формах: морали, праве, философии. В результате осмысления коллективного опыта этнокультурной и этноконфессиональной жизни, а также в ходе индивидуальных размышлений философского типа рождаются и развиваются теории справедливости. Религиозные и философские учения по-разному трактуют справедливость в трудовых отношениях, отдельно выделяя справедливость в распределении трудовых нагрузок и справедливость распределения результатов труда.

Выводы по первой главе.

Особое место в исторической эволюции теории справедливости занимает утопическое мышление, сыгравшее ключевую роль в превращении темы справедливой оплаты труда в системообразующую тему социальной философии XIX веков и XX веков. Но еще более существенным выводом

можно считать понимание роли труда в формировании современного общества. Протестантская этика не просто содержит в себе в качестве отдельного раздела особую трудовую этику, но и сама целиком по своей сути является трудовой этикой. Трудовую этику дополняют многочисленные теории общественного договора, новейшая из которых, сформулированная в последней трети XX века, объясняют существование неравенства. Так, социальные отношения, регулирующие процессы производства превращаются в ключевой элемент системы ценностей, в то время как прежде это были отношения, связанные с рождением и смертью человека. Этот переход, впервые освоенный протестантами в процессе рождения капиталистического общества, стал значимым и для остальных обществ, переживающих процессы индустриализации.

Глава 2

Труд и трудовые отношения в стремительно меняющемся мире²⁾

2.1 Феномен труда в неклассической социально-философской рефлексии

Отличительной особенностью современных социально-философских концепций труда является одно важное обстоятельство – они опираются на данные различных наук. Социология и экономика, психология и культурология, демография и этнология, политология и другие социально-исторические дисциплины накопили за последние два столетия огромное количество эмпирических данных, собранных путем применения своих собственных, присущих только данной науке средств и методов исследования. Более того, все многообразие собранного эмпирического материала подверглось в этих науках анализу, обобщению, оценке, что дает философам немало оснований для осмысления данных различных наук и их интеграции в единую систему научного знания.

Следует также учесть, что со времен А. Смита и К. Маркса в самой философии произошло немало важного и существенного. Поистине, революционные преобразования были отмечены во всех ведущих отраслях философского знания, таких как онтология, эпистемология, философская антропология и философия культуры. Не осталась в стороне и социальная философия, в предметном пространстве которой одно из центральных мест

²⁾ Материалы данной главы опубликованы в работах автора диссертации: Пржиленская, Ю.Г. Трудовая этика и справедливость в социально - философских концепциях XX века / Ю.Г. Пржиленская // Философия. История. Образование. – 2023. – № 2 (8). – ISSN 2782-4551. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54683173_94032723.pdf (дата обращения: 05.06.2024); Пржиленская, Ю.Г. Труд и трудовые отношения в горизонте междисциплинарных исследований / Ю.Г. Пржиленская // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2022. – № 2 (214). – С. 10-19. – ISSN 2687-0770; Пржиленская, Ю.Г. Социально-философский анализ труда в контексте перехода к новому технологическому укладу / Ю.Г. Пржиленская // Гуманитарный вестник. – 2021. – № 2 (88). – ISSN 2306-8477. – Текст : электронный. – DOI 10.18698/2306-8477-2021-2-717. – URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/717.html> (дата обращения: 05.06.2024).

занимают труд и трудовые отношения. На смену классическим социально-философским концепциям пришли неклассические.

Классические могли быть построены на фундаменте общефилософских учений позитивизма или исторического материализма, что было характерно для XIX века. В XX веке к зависимости от философских и методологических доктрин добавилось сильнейшее влияние частнонаучного знания. Возникавшие общесоциологические теории структурного функционализма, символического интеракционизма, феноменологической социологии активно использовали накопленный материал, а вместе с ним и методы социальных или гуманитарных наук, что позволило увидеть в соответствующих социально-философских концепциях влияние психологии или филологии, биологии или политологии. Но междисциплинарность в сфере методологии или активное взаимное влияние познавательных стандартов разных наук еще не означает того качественного сдвига, который позволит позднее заговорить о неклассической социальной философии.

Основание для отделения классической социальной философии от неклассической рождается в глубинной трансформации самой идеи философии и связанной с нею идеи науки как новоевропейского воплощения античной идеи разума. Таким образом, центральная линия водораздела между классикой и неклассикой проводится по линии различного понимания разума и рациональности. Это различие касается как определения объекта познания, будь то общественные отношения или трудовые отношения, как их частный случай, так и представления субъекта о своих познавательных возможностях и границах собственных притязаний.

Впервые концепция разделения актуальной философии на классическую и неклассическую была разработана в СССР в семидесятые годы XX века [185, с. 147–207] как продолжение мысли Ф. Энгельса о том, что философия К. Маркса может быть лучше понята в контексте провозглашенного им конца немецкой классической философии [118, с. 370-371]. Написанная Ф. Энгельсом уже после смерти К. Маркса

статья представляет собой своеобразный комментарий и к идеям самого К. Маркса, и, в частности, к его мысли о том, что учения И. Канта, И. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга и Г.В.Ф. Гегеля представляют собой некое завершенное единство, которое можно считать классическим в историко-философском смысле. Так появляются понятия классической и неклассической философии, в то время как прежде под классикой философской мысли понималась прежде всего античная философия Сократа или Платона. Уже в постсоветский период понятия неклассики активно употребляется В.С. Степиным, В.А. Лекторским [50] и др. Более того, В.С. Степин добавляет третий тип научной рациональности – постнеклассический, делая концептуальную оппозицию «классическое – неклассическое» еще более сложной и нюансированной [244, с. 107-115].

Как отмечает В.С. Степин, объекты классической науки постулировались таким образом, что основной их характеристикой были предельная простота и универсальность. Действительно, стремление к простоте нашло свое выражение в понятии материальной точки И. Ньютона и прибавочной стоимости К. Маркса, потому что сама задача науки Нового времени была сформулирована как сведение всего многообразия явлений и процессов окружающего мира к простым и ясным универсальным законам. В идеале эти законы должны иметь математическую формулировку или хотя бы показывать, как из общего вывести частное и единичное. В неклассической науке на смену прежним идеалам и императивам пришли новые – в центре внимания исследователей оказались сложные саморегулирующиеся системы, элементы которых самостоятельно и стохастически взаимодействуют друг с другом. Элементы и подсистемы принципиально разнородны, они имеют собственные программы функционирования, что чрезвычайно усложняет весь комплекс взаимосвязей, будь то прямые или обратные связи. Особое внимание уделяется гомеостазису больших систем, где коррекция в виде обратной связи позволяет существенно повысить степени их сложности, что,

несомненно, способствует росту эффективности их функционирования [233, с. 45-59].

Переход научного знания от классической модели науки к неклассической связан в концепции В.С. Степина с изменением понимания рода и характера исследуемых объектов. После описания этих новых объектов как элементов объективной реальности становится явным их главное отличие от объектов классической науки. То, что в классической науке мыслилось как субстанция, теперь определяется как функция, которая, в лучшем случае, является производной от субстанции, а чаще всего представляет собой всего лишь корреляцию. В физике это проявляется в релятивизации фундаментальных физических величин, таких, например, как масса, длина, скорость, координаты; в языкознании сама картина мира ставится в зависимость от грамматики и словаря, в гуманитарных науках на первый план выходит интерес к уникальному, и герменевтика как способ интерпретативного познания. Под постнеклассической рациональностью В.С. Степин предлагает мыслить такое обращение ученых к сложным саморазвивающимся системам, в которых на первый план выходит их «человекообразный» характер.

Вопрос о том, почему самоорганизующиеся системы стали основанием для перехода к постнеклассическому этапу в развитии науки, неизбежно возникает. Эти системы были и остаются хорошо известными проекциями моделируемых в ряде частных и технических наук природных и социальных процессов. Но то, что изучение подобных систем и их моделирование привело к изменению в идеалах и нормативах познавательной деятельности, требует дополнительных комментариев. Работа с самоорганизующимися системами девальвирует саму ценность простоты и универсальности, стремление проектировать такие системы изменяет стратегическую установку ученого. Сложные самоорганизующиеся системы живут и развиваются так, что полное их описание при помощи традиционных математических формул и простых линейных уравнений в принципе

невозможно. Антропный принцип, потребовавший включение субъекта в систему, которая прежде считалась объектом, полностью изменяет вектор познавательной мысли. Многочисленные кооперативные эффекты, наблюдаемые в таких системах в сочетании с принципиальной необратимостью процессов, превращают взаимодействие их с человеком, как и самого человека, в часть этих объектов.

Феномен самоорганизации, столь подробно рассмотренный В.С. Степиным, по-иному описан в теории аутопоэтических систем Н. Лумана. Как отмечают А.М. Бекарев, Н.И. Тюрина «эволюция отношений и практик в трудовом коллективе как в социальной системе происходит под воздействием факторов и ситуаций как внутри самой системы (автопоэтическое воспроизводство), так и под влиянием внешней среды. В основе функционирования системы должна лежать способность редуцировать комплексность воздействия окружающей среды, в этом – ее рациональность» [141, с. 87].

Сегодня в отечественной социальной философии, как и в философии в целом, наблюдается разночтение в историко-типической рубрикации. Одни философы склонны считать постнеклассический этап достаточно значимым, чтобы поставить его в один ряд между классикой и неклассикой [167, с. 29-53; 158, с. 497-505]. В то же самое время другие не выделяют его вовсе [178, с. 39-48] или помещают в границы неклассики, фактически утверждая тем самым, что постнеклассика – это всего лишь подвид неклассики или поздний период в рамках этого этапа [219, с. 605-608].

Все это имеет самое непосредственное отношение к изучению труда и трудовых отношений. Разумеется, процессы производства нельзя уподобить природным процессом, однако стохастическое описание экономических явлений сегодня стало общим местом. Но в сфере организации производства, то есть в теории и технологии менеджмента сегодня теория игр становится методологией познания и проектирования организаций. Неклассическая и постнеклассическая рациональность являются определяющими и при

рассмотрении процессов духовного производства. Для классической формы науки была характерна установка, согласно которой «массовый потребитель духовной продукции отделен от её производителя лишь условностями своего социального положения, своей занятостью и нуждой, но что в принципе между их сознаниями существует своего рода "предустановленная гармония"...» [55, с. 32].

Как подчеркивают М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев, В.С. Швырев, европейская культура, пребывавшая со времен эпохи Просвещения в стадии проектирования, оказалась не готова к встрече с фабрикой, на которой в действительности производятся духовные ценности. Современный капитализм, основу которого составляет массовое производство, не мог оставить без изменения духовное производство или культурную индустрию – все большее значение приобретали процессы массовизации. Идеалы Просвещения остались в прошлом – в центре внимания оказались экономические и технологические соображения. Продукты производства – книги, картины, кинофильмы – должны максимально соответствовать ожиданиям как производителя, так и потребителя, а также должны обеспечивать максимальную прибыль при минимальных затратах. Вот почему труд в сфере духовного производства, долгое время воспринимавшийся как исключительно творческий, сегодня скорее ориентирован на эффективность и воспроизводимость, нежели на уникальность и неповторимость.

В переходе от преимущественно творческого труда к производству в рамках массовой культуры выявилась одна очень важная черта общественного сознания, которая в рамках художественного творчества оставалась в тени. Речь идет о зависимости массового сознания от тех, кто способен целенаправленно его формировать, подменяя культуру культурной политикой. При этом цели тех, кто способен разрабатывать и проводить культурную политику, могут быть разными – субъекты политического действия могут иметь разные интересы, включая и увеличение прибыли, и

укрепление власти, и формирование человека с определенными нравственными качествами. В изучении этих сторон духовного производства классическая социальная философия оказывается малоэффективна и лишь в арсенале неклассики находится подходящий методологический инструментарий.

Одна из центральных идей статьи М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева, В.С. Швырева состоит в том, что вся суть неклассики выражается в формуле: ни общественное (коллективный разум), ни индивидуальное сознание не являются независимыми от бытия. У К. Маркса это зависимость от общественного бытия, то есть материального производства, Ф. Ницше говорит о зависимости от ценностей, а З. Фрейд – о зависимости от бессознательного. И если, по мысли авторов, обеспечение работы сознания в классической философии было связано с желанием рассеять предрассудки путем просветительской активности, то неклассический этап был призван обеспечить использование предрассудков, а не их устранение. Как отмечают М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев и В.С. Швырев, «оказалось, что сами предрассудки массы в силу их внутренней сращенности с этим глубоким практическим реализмом обладают устойчивостью и прочностью, которых не предполагали классическая философия и гуманистика, что использовать их куда легче, нежели разложить, рассеять светом абсолютного самосознания» [55, с. 32-33]. Другими словами, если невозможно что-то полностью устранить, то это нечто должно быть использовано. Эта простая истина и была воплощена в жизнь теми, кто получил доступ к массовому сознанию и, как следствие, обрел возможность неограниченного манипулирования людьми через их взгляды, убеждения, желания и даже мечты.

Исследования труда и трудовых отношений методами неклассической науки и их осмысление в неклассической социальной философии добавили немало в постижение феномена труда, его смысла и сущности. Даже в контексте различия умственного и физического труда с точки зрения

психофизиологической конституции человека было выявлено немало нового и по-настоящему значимого. Как отмечают М.А. Филатов, С.В. Григорьева, Д.Ю. Хвостов и А.В. Миллер, несмотря на то, что любой труд включает в себя разнородные компоненты, один из них должен превалировать над другим: умственный над физическим или физический над умственным. И в зависимости от выбора из этих двух вариантов можно наблюдать различающиеся параметры психофизиологических функций. Ссылаясь на обширный материал, собранный о труде в условиях Севера, авторы приходят к выводу о том, что организм работающего в экстремальных условиях демонстрирует широкий разброс параметров психофизиологических функций. Работники умственного труда, попавшие в исследовательскую выборку, показали иную психофизиологическую динамику, смоделированную при помощи компартментно-кластерного подхода [240, с. 26-27]. Исследование показало, что работники физического труда переживают разнообразные функциональные перегрузки, положительно сказывающиеся на умственных способностях, что в корне противоречит концепции труда, характерной для классической философии, согласно которой тяжелый физический труд отупляет.

Одним из направлений в развитии неклассических социологических и философских исследований труда является совокупность концепций его гуманизации [236, с. 45-48]. Гуманизация труда мыслится в контексте осознания необходимости целенаправленной деятельности, направленной на улучшение условий труда. Главный критерий таких изменений – минимизация отчуждения труда, проявляющаяся в росте возможностей для реализации личности и успешного претворения в жизнь индивидуального трудового потенциала. Охватившая последние два десятилетия волна инновационной активности в передовых экономиках является важным условием для гуманизации труда и снижения антигуманных факторов [225, с. 40-46].

Одним из основных понятий доминирующей сегодня концепции гуманизации труда является понятие социальной ответственности. Социальная ответственность государства и бизнеса перед трудящимися заключается, в частности, в том, что не только деятельность, но и вся жизнь работников должна стать объектом социально-государственного регулирования. Законодательство, регулирующее размер гарантированной минимальной заработной платы, должно неукоснительно соблюдаться, а его совершенствование должно вестись параллельно с ростом размера прожиточного минимума. Это основное направление должно дополняться другими мерами, такими, например, как ответная индексация заработной платы, в случае ее инфляционного снижения, оперативная организация переобучения, современная профориентация и т.п. К мерам, направленным на гуманизацию труда относится строгая регламентация продолжительности рабочего дня и рабочей недели путем совершенствования трудового законодательства. Особое направление деятельности в этой области выступает обеспечение охраны труда и максимальное снижение производственных рисков.

Последнее направление деятельности особенно четко отражает переход от классической к неклассической исследовательской парадигме. Прежде, в парадигме классической науки и технологии, обеспечение безопасности труда регулировалось только путем введения жестких правил, неукоснительное соблюдение которых должно гарантировать от возможного вреда здоровью или опасности для жизни. Сегодня речь идет о рисках и определении управления ими в процессе трудовой деятельности и в этом заключается суть перехода к постнеклассической парадигме. Трудовая активность может таить в себе не только опасность получения травмы или потери здоровья, но множество иных рисков, в том числе и социальных, психологических и даже экзистенциальных, то есть смысложизненных.

Понятие деятельности расширяется и усложняются условия его операционализации. Так, Е.Г. Мамытов обратил внимание на актуальность

введенного в научный оборот в начале 80-х годов XX века понятия «социально-трудовые отношения» [186, с. 85-89]. Тогда, в советском общественном знании под социально трудовыми отношениями понимали те отношения, которые возникают между людьми в процессе совместно организованного производства. Другими словами, термин «социально трудовые отношения» ничем не отличается от термина «трудовые отношения» – данный термин лишь подчеркивает социальный характер трудовых отношений, демонстрируя тем самым невозможность абстрагироваться от комплекса других социальных отношений при рассмотрении вопросов трудовой деятельности.

Е.Г. Мамытов обратил внимание на то, что философское осмысление специфики трудовых отношений при социализме ставит под вопрос всю традиционную терминологию и, в первую очередь, сам термин «трудовые отношения», который в западной философской и политэкономической науке трактуется в юридическом смысле, то есть как отношения работника и работодателя. По мнению Е.Г. Мамытова, нельзя сводить все многообразие отношений, возникающих между трудящимися индивидами всего лишь к обмену труда на заработную плату – эти отношения сложны и многообразны. Более того, далеко не все они регулируются трудовым правом. Автор относит к комплексу этих отношений как те отношения, которые возникают в процессе производства, так и другие отношения, которые в марксистской традиции назывались процессами воспроизводства работника, а также отношения воспроизводства его семьи, что именуется сферой личного потребления.

Теория социалистического производства лишает труд товарной формы – единственным работодателем при социализме выступает государство, но оно не заключает сделки с работником, а принуждает его трудиться и выдает ему заработную плату в качестве регламентированной награды за труд. Можно, конечно, оспаривать термин «принуждение», но статья за тунеядство в советском законодательстве четко подтверждает правомерность данной

терминологии. Да и нерыночный смысл заработной платы при социализме четко фиксирует аналогию между трудовой и воинской повинностью – труд при социализме превращается в почетную обязанность. Если в капиталистическом обществе плата за труд определяется в соответствии с ценой рабочей силы, то в условиях нерыночной экономики речь идет о распределении «по труду» долей работников в национальном доходе. Все это оценивается негативно сторонником социально ориентированного государства Е.Г. Мамытовым, который считает, что государство должно заботиться о работнике, что невозможно при исключительно рыночном подходе к определению понятия «трудовые отношения».

Спор между сторонниками либеральной и социально ориентированной модели трудовых отношений продолжается, и каждая сторона имеет немало сторонников в нашей стране и за рубежом. Неклассическая социальная философия заставляет по-новому взглянуть на эти отношения, независимо от того, рассматривать ли их как сугубо трудовые, что соответствует современной рыночной экономике, или в широком смысле – как часть социальных отношений вообще. Отчасти это связано с тем, что капитализм приобрел новые очертания, став, среди прочего когнитивным.

О когнитивном измерении современного капитализма пишет А. Корсани, утверждая, что само понятие капитала распадается в неклассике на три измерения. Капитал предлагается рассматривать как совокупность средств производства, как денежную массу и, наконец, как «социальное отношение производства, преобладающей формой которого становится, в западных экономиках и начиная с XIX века, свободный наемный труд» [173, с. 127]. Для классического капитализма, утверждает А. Корсани, характерна четкая дифференциация труда и средств производства, что осмысливается в марксизме как отчуждение работника от предмета труда и от продуктов труда. Эта ситуация обусловлена, согласно концепции К. Маркса, институтом частной собственности на эти средства производства. Но, по мнению французской исследовательницы, это отчуждение возникает

независимо от того, являются ли владельцами средств производства частные лица или государство (общество) – наемный работник отчужден от результатов своего труда во всех этих случаях.

Исследователи классического капитализма концентрировали свое внимание на производстве товаров, будь то сталь, автомобили, одежда или продукты питания. Эти товары имеют вещественную природу и зримые физические параметры. Разумеется, духовное производство организовано более сложным образом, оно также регулируется рыночными отношениями, но оно не играет такой роли, какую играет производство товаров в индустриальную эпоху. А вот в постиндустриальную эпоху на первый план выходит производство услуг (общество потребления) и информации (информационное общество). Складывающийся в период позднего постиндустриализма когнитивный капитализм выводит вперед производство знания, где процессы отчуждения несомненно сохраняются, но имеют уже совершенно иной вид. А. Корсани полагает, что сердцевиной производства знания в условиях когнитивного капитализма оказывается биотехнонаука.

Любой экономический строй, любая общественно-экономическая формация отличается от остальных не в последнюю очередь способами регулирования вопросов собственности и самими формами собственности. Феодалное владение землей или местом на рынке существенно отличается от капиталистического. При переходе от обычного капитализма к когнитивному чрезвычайно важное значение приобретает интеллектуальная собственность и особенность правового регулирования владения последней. А. Корсани акцентирует внимание на таких предпосылках выделения когнитивного капитализма в качестве особой фазы, как регулирование интеллектуальной собственности.

Вторым важным обстоятельством А. Корсани считает приватизацию сектора услуг, оказание которых связано с биологической жизнью человека и ее общественного преломления. Именно так рождается частная собственность на то, что у автора получило название «средства жизни».

Таким образом, здесь намечается трансформация сущности капитала, который в прежней своей форме может быть определен как капитал, определяемый через труд. Теперь же, в условиях когнитивного капитализма капитал проявляет себя в его отношении к жизни: капитал-труд уступает место новому отношению, обозначаемому как капитал-жизнь. Эксплуатации труда приходит на смену эксплуатация «знания, жизни, здоровья, свободного времени, культуры, межличностных отношений (включающих общение, социализацию, сексуальность), воображаемого, образования, среды обитания и так далее. Объектами купли-продажи уже являются не только материальные и нематериальные блага, но и формы жизни, коммуникации, стандарты социализации, образования, восприятия, места проживания, транспорта и так далее» [173, с. 124].

Можно обнаружить и иные трансформации, позволяющие эксплицировать понятие труда в новых контекстах. К числу нетрадиционных форм труда и трудовых отношений можно отнести действия, направленные на организацию контроля за вышеперечисленными «формами жизни». Эти действия переключают внимание общества с промышленных услуг на услуги, обеспечивающие жизнь. Мысль французского исследователя опирается на то, что Х. Новотны и Дж. Теста назвали молекулярной эрой [273].

Молекулярная эра знаменует собой не только новые научные или практические интересы, ее смысл не сводится к переходу от главенствования технологий, разработанных физиками и химиками к технологиям, разработанным молекулярными биологами на основе конвергенции кибернетики, физической химии и биологии. Молекулярная эра знаменует собой перестройку всех общественных отношений, подстраиваясь под новые требования, рожденные применением всех этих технологий. Так, представители одного из наиболее инновационного направления молекулярной биологии занялись синтезом искусственной клетки из стандартизированных элементов, они столкнулись с необходимостью

изменения поведения самих ученых посредством разработки и внедрения «стандартов ответственного поведения» [273]. Эти стандарты рождает молекулярная эра, знаменующая собой приход нового общества – общества молекулярной эры.

Новые требования со стороны общества не могут оставить без изменения требования со стороны работодателя, который все более зависим от общественного мнения. Так, сегодня нередки случаи увольнения ученых, государственных служащих и работников фирм за высказывания или посты в социальных сетях, которые не соответствуют новым требованиям политкорректности [273]. В столь же острой форме проходят дебаты относительно научной этики, которая в последние десятилетия, прежде относившаяся к сфере обращения научного знания, фактически стала инструментом правового регулирования трудовых отношений и, тем самым, превратилась в раздел трудового права. Критическая рефлексия специалистов по биоэтике сочетается с общественным дискурсом и формирует его, а вслед за ним и новые производственные отношения в сфере производства и внедрения нового знания. Это относится не только к сфере биологических или генетических исследований, но именно в этой области процессы развиваются в наиболее наглядной форме и демонстрируют проявленные тенденции максимально отчетливо.

Многие авторы убеждены в том, что участие философов-биоэтиков в формировании новых общественных отношений связано с внутринаучными процессами, изменившими способы получения знания и механизмы его преобразования в технологии и внедрения в практики [237, с. 74]. Такая интерналистская точка зрения верна лишь отчасти. Отношение науки и общества изменилось не менее кардинально.

П.Д. Тищенко и Б.Г. Юдин объясняют этот феномен появлением технонауки, которая и ответственна за рождение концепции неклассической социальной философии. В технонауке изменяется традиционное для классической науки разделение труда между теми, кто производит

фундаментальные исследования и осуществляет прикладные разработки. Еще более существенным становится трансформация системы потребления новых знаний и технических достижений. Но особую роль играет и содержание знания, превращающее науку из сфер знания о мире и человеке в средство влияния на жизнь. Это было и прежде в медицине, где врачи боролись за здоровье больного, предотвращая одни болезни и побеждая другие. Сегодня на место врачеванию приходит индустрия здоровья, в корне меняя понятие труда и понятие капитала, связывая их при помощи знания.

О преобразовании характера труда в обществе когнитивного капитализма написано и сказано немало. Как отмечает Я.В. Григорова, происходит замена абстрактного труда универсальным трудом. По мнению автора, от труда вообще индивиды переходят к всеобщей деятельности, в котором человек прежде всего реализует себя, а не создает прибавочную стоимость. Это происходит потому, что абстрактный труд индустриальной (модернистской) экономики претворяет себя в массу стоимостей, а универсальный труд постиндустриальной (постмодернистской) экономики воплощает в себе труд ученых, художников, конструкторов и т.п. [152, с. 38]

При этом Я.В. Григорова обнаруживает в этом мире творческой активности и созидания новые формы угнетения трудящихся. Это связано, по мнению автора, с желанием владельцев капитала извлекать прибыль из творчества трудящихся, в то время как прежде прибыль извлекалась из тяжелого и рутинного труда. Нужда в эксплуатации творчества приводит к разрушению оно, а вместе с ним и к разрушению личности самого творца. «Это было такое "регулирование" – которое осуществлялось не только не на основе формирования всесторонне развитой свободной личности, но наоборот, – пишет Ю.Н. Давыдов, – на базе дальнейшего усиления ее односторонности, предельного угнетения ее свободы» [30, с. 99]. Творчество и свобода несовместимы с желанием получения прибыли, что и становится главным в вынесенном Я.В. Григоровой и еще раньше Ю.Н. Давыдовым

приговором капитализму, независимо от того, идет ли речь о традиционном или о когнитивном капитализме.

Между тем, возвращаясь в проблеме различия между классическим и неклассическим применительно к сопоставлению двух капитализмов. Основное различие, называемое А. Корсани, заключается в том, что производимые традиционным капитализмом вещественные или материальные товары потребляются единожды, в то время как производимые когнитивным капитализмом знания допускают многократное и ничем кроме авторского права не ограниченное использование [173, с. 140]. То, что произведено в качестве материальной вещи, выходит на рынок как товар, может быть приобретено покупателем и употреблено после индивидуального присвоения.

Результатом потребления является разрушение в ходе эксплуатации или естественное старение за исключения случаев сакрализации материального предмета или его превращения в экспонат музейной коллекции. Их обобществление приводит лишь к их попеременному пользованию, но не к тиражированию или неограниченному использованию многими. И это порождает противоречие, которое, по мнению французской исследовательницы, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что знание в силу своей природы будет постепенно преодолевать давление государства и юстиции, утверждающих приоритет владения и авторского права. Это, в свою очередь, должно привести к радикальным изменениям в области труда и трудовых отношений, вернуть творчеству утраченную было прежде гармонию. Вывод автора однозначен: необходимо направить био-технонауку не на повышение реализуемых в ее рамках проектов конкурентоспособности, а устремить ее ресурсы в сторону устойчивого развития всего социума [173, с. 142-143].

Понятие когнитивного капитализма все еще находится в стадии концептуальной разработки. Гораздо лучше разработана концепция экономики знаний, суть которой в том, что изменение характера труда

находится в прямой зависимости от роста роли знания составляющей [149, с. 5].

В концепции экономики знаний речь не идет об обычных знаниях, из которых состоит та или иная производственная технология и которым обучают будущих специалистов в специализированных (высших и средних специальных) учебных заведениях. Благодаря цифровизации все более ценным считается знание, которое не может быть формализовано и переведено в статус простой информации. Особое значение приобретает индивидуальный и коллективный опыт, в том числе экстремальный, а также компетенции, позволяющие максимально оперативно реагировать на возникновение нестандартных ситуаций, готовность к самоорганизации, навыки, которые называют мягкими или гибкими (софт скиллз).

К мягким навыками относятся знания и умения, которые принадлежат миру повседневности, они важны, потому что даже очень тщательно разработанные инструкции не могут предусмотреть многообразие жизненных ситуаций. Софт скиллз позволяют оценить на месте и быстро среагировать на ту самую ситуацию, которая складывается в данный конкретный момент времени. Вместо четких технологий востребованными оказываются такие формы организации труда как управление знаниями, управление мотивацией и т.п. Не случайно даже сфера производства становится все более похожей на сферу услуг по смыслу происходящих с трудом и трудовыми отношениями изменений.

А. Горц отмечает, что теория А. Смита, как и все остальные теории стоимости, составляющие сердцевину истории политико-экономической мысли, не работают при попытке измерить труд в экономике знаний в единицах времени. Но как без четкой методики оценки трудозатрат можно говорить об экономике вообще и о любой ее разновидности? По мнению А. Горца в последнем случае необходимо оперировать такими понятиями как «компонент поведения» и мотивация, ибо мыслящиеся в этих понятиях процессы и явления приводят к созданию новой стоимости. Экономика

знаний превратила поведенческую составляющую в новый вид капитала – человеческий.

Понятие человеческого капитала в экономике знаний означает не совсем то, что принято понимать под ним в позднесоветской и постсоветской экономической науке. В литературе нередко можно обнаружить мысль о том, что наращивание человеческого капитала связано с улучшением качества образования, переподготовкой и повышением квалификации, а также ростом заботы руководства о благосостоянии сотрудников путем созданием условий для творческого развития талантливых кадров, а также возможного привлечения таких кадров со стороны. Даже Всемирный Банк опубликовал Проект ускоренного развития человеческого капитала, которое мыслится как осуществление «инвестиций в людей в интересах достижения социальной справедливости и экономического роста» [261]. Инвестиционная деятельность определяется в его документах как стремление к наращиванию у персонала технологических компетенций, повышению интенсификации труда, развитию системы мотивации и совершенствованию корпоративной культуры.

Между тем, в жизни все происходит ровно наоборот. Первым значимым фактом в реальной трансформации труда по законам экономики знаний стал перевод сотрудников с фиксированного оклада на «сдельщину». Каждый сотрудник стал рассматриваться как отдельное предприятие, чья эффективность определяется его собственной эффективностью или рентабельностью вложений в его участие в процессе коллективной трудовой деятельности. И если участник конвейерного производства вне зависимости от своих усилий тратит практически одно и то же количество усилий и получает одну и ту же заработную плату, то для менеджера или иного работника, чей труд отличается по функциям от других, оценка его вклада перестает все менее зависеть от субъективной оценки руководства его нужности.

Экономика знаний радикально меняет мотивацию всех участников трудовых отношений – они вступают в соревнование друг с другом, оставаясь при этом звеньями одной производственной цепи. Конкурирующие при этом звенья, которые прежде конкурировали в рамках внутриорганизационного соревнования, которое в советское время называлось социалистическим, теперь оказываются вовлечены в условия полноценную рыночную конкуренцию. То, что не позволял конвейер при производстве материальных товаров, теперь позволяет процесс производства знаний [213]. «На место наемного рабочего, получающего зарплату, – пишет А. Горц, – приходит трудящийся предприниматель, который сам заботится о своем образовании, повышении квалификации, медицинском страховании и т. д. Возникает "человек-предприятие". Место эксплуатации заступают самоэксплуатация и самосбыт со стороны «Я-АО», выгодные крупным фирмам — клиентам самопредпринимателей» [149, с. 6]. Так на смену «мертвого знания», воплощенного в машинах и технологиях, приходит «живое знание», находящееся в активном отношении к тем, кто его производит и потребляет. Это другая сторона явления, названного Э. Тоффлером и Х. Тоффлер экономикой протребителей. «Подобно ремесленнику доиндустриальной эпохи, – утверждал Э. Тоффлер, – обладавшему набором ручных инструментов, новые интеллектуальные рабочие (если хотите, то именно так будем их называть) обладают мастерством и информацией, которые и составляют их набор духовных инструментов. Новые рабочие значительно более похожи на независимых ремесленников, чем на взаимозаменяемых рабочих конвейера» [92, с. 33].

О специфике понимания труда в теориях модерна, которые составляют ядро неклассической социальной философии, можно судить по концепциям информационного общества и общества потребления. Согласно Ф. Уэбстеру, в теориях информационного общества можно выделить следующие основные подходы: технологический, экономический, пространственный [94]. Труд и трудовые отношения, а также сфера занятости выступают у него как одно из

оснований для классификации теорий модерна (или постмодерна). Такие авторы как М. Пайор, Ч. Сейбл, Л. Хиршхорн выделяют в качестве критерия современности понятие гибкой специализации, Д. Харви подчеркивает значение гибкой аккумуляции, М. Альетта, А. Липиц называют свою концепцию регуляционной теорией. К этим концепциям вплотную примыкает теория социальной структуризации Э. Гидденса и многочисленные интерпретации постмодернизма (Ж. Лиотар, Ж. Бодрийяр и др.) [213].

Понятие труда в этих концепциях модерна и постмодерна рассматривается с точки зрения их перехода от производства материальных предметов к производству смыслов и символов. Отсюда и связь вещественного потребления с потреблением символов в современном обществе, которое Бодрийяр называет обществом потребления [262].

Ж. Бодрийяр обращает внимание на то, что потребление, ставшее системообразующей силой, стало влиять на производство, а, следовательно, и на характер труда, и на структуру трудовых отношений. Французский философ отмечает, что радикально изменились цели, которые ставит себе производитель. Те, кто своим трудом производят материальные ценности, не стремятся более к получению потребительной стоимости, которая зависит, среди прочего, от прочности произведенного продукта, его надежности и долговечности. Производители хотят, чтобы произведенное ими и проданное потребителю было потреблено и как можно скорее вышло из строя и было отправлено в утиль, потому что это заставит потребителя идти в магазин для приобретения нового товара, сходного по своим потребительским качествам с ранее приобретенным.

Таким образом, отмечает Ж. Бодрийяр, чем скорее выйдет из употребления ранее приобретенная мебель или одежда, техника или оборудование, тем быстрее будет работать конвейер и больше заказов получит производитель. Он называет технологическим саботажем и организованной устареваемостью путем влияния на потребление моды искусственное ускорение вывода из строя ранее приобретенных вещей.

Так и получается, что на скорость потребления товара влияет не только его качество и долговечность – сокращать срок службы может мода или общественное мнение, требующее демонстрировать окружающим все возрастающие траты на приобретение новых вещей. Формируется особая культура потребления, соединяющая потребление с досугом, превращая семейное времяпровождение по выходным, туризм и иные формы досуга в непрекращающийся шопинг. Торговые центры сливаются с развлекательными и превращаются в торгово-развлекательные, потому что эти центры соединяют возможности посетить разнообразные магазины и, одновременно с этим, посмотреть кино или покататься с детьми на аттракционе. Труд перестраивается, его организаторы максимально подстраиваются под такую организацию взаимодействия потребителей и производителей. Но при этом, как отмечает Ж. Бодрийяр, сформулированные экономистами на основе теории естественных потребностей аксиомы и постулаты утилитаризма, позволяющие рассуждать о рациональности и полезности вещей утрачивают смысл – потребности не просто формируются, они буквально навязываются потребителю, очно также как назойливый продавец на рынке стремится навязать свой товар. Но если его назойливость очевидна и бросается в глаза, то навязывание потребностей происходит как-то незаметно, через ценности потребительской культуры и стандарты потребительского поведения. Таким образом «система производства живёт только ценой этого уничтожения, этого подсчитанного постоянного "самоубийства" совокупности объектов, – пишет Ж. Бодрийяр, – реклама реализует чудо значительного увеличения потребления, преследуя цель не добавить, а лишить товары потребительской ценности, лишить их ценности времени, подчиняя ценности моды и ускоренного обновления» [262].

Французский философ с тревогой отмечает, что движущей силой, создающей общество потребления, является социальная технология, которая принуждает индивидов к потреблению. Для ее обозначения Ж. Бодрийяр использует понятие системы веселья (Le Fun-System), показывая, как в

современных СМИ читателям буквально навязывается мысль о том, что потребление перестало быть личным делом граждан, превратившись в их гражданский долг. Он рассматривает сложившуюся систему потребления в качестве источника формирования особых производительных сил, главной отличительной чертой которых является их подконтрольность. Новые производительные силы демонстрируют способность обслуживать потребление, подчиняться его логике потребления и даже превратиться в его органическую составляющую.

В концепции, рассматривающей современное общество как общество потребления важное место занимает вопрос о мотивации потребляющих. Здравый смысл и обыденное мышление подсказывают, что главным мотивом наращивания потребления может быть только гедонизм. Но оказывается, что человек в обществе потребления, вступающий в конкуренцию с другими потребителями и соревнующийся с ними в том, кто способен больше и разнообразнее потреблять, не стремится к наслаждению. Прочтение теории трудовой этики М. Вебера в контексте концепции символического потребления дает неожиданный результат. Немецкий социолог реконструировал связь между пуританским самосознанием и капиталистическим предпринимательством, что позволило ему приписать пуританам отношение к своей личности как к капиталу для инвестирования в свою карьеру и судьбу.

Ж. Бодрийяр убежден в том, что общество производства превращается в общество потребления тогда, когда обычным людям «вменяется обязанность наслаждаться». Французский философ даже сравнивает вынужденного потребителя с предприятием, продуцирующим наслаждение и удовлетворение – вся система ценностей перестраивается под искусственно сконструированный культ удовольствия, наслаждения и счастья. Ответственный гражданин как будто должен влюбляться, расхваливать себя и других, наслаждаться, веселиться и стремиться к дальнейшим победам в процессе потребления.

Точно так же, как в средневековом доиндустриальном обществе активно эксплуатировался идеал аскетизма и подавления желаний, а стремление к удовольствию объявлялось греховным, в постиндустриальном обществе идеалом становится беспрерывно веселящийся и неограниченно наслаждающийся индивид. «Для потребителя, для современного гражданина, – отмечает Ж. Бодрийяр, – не стоит вопрос о том, чтобы освободиться от этого принуждения к счастью и удовольствию, которое в новой этике является эквивалентом традиционного принуждения к труду и производству. Современный человек проводит все менее и менее свою жизнь в труде на производстве, а все более и более он проводит ее в производстве и непрерывном обновлении своих собственных потребностей и своего благосостояния» [262].

Общество потребления, как и все его исторические предшественники, имеет свою эффективную систему социального контроля, заставляющую индивида строго следовать его идеалам и неукоснительно стремиться к социально одобряемым целям. Все его возможности и внутренние силы должны быть направлены на отдых и развлечение, он обязан быть счастливым и выглядеть таковым, в противном случае окажется невыполненной одна из центральных функций общества – функция латентности и поддержания образца. Нарушение одной из жизненно важных функций с неизбежностью поставит под сомнение целостность социума и прочность внутрисоциальных связей и взаимодействий. Если его члены забудут о своих потребительских обязанностях, им напомнят, если они ими пренебрегут, то окажутся в ситуации общественных изгоев и маргиналов. Обвинение в асоциальности тех, кто отказывается потреблять, действует как «естественный» социальный контроль, что делает избыточным силовое или административное принуждение.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что общество потребления – это общество нового типа, что сказывается на роли труда и трудовых отношений. В обществе потребления труд перестал быть

системной, структурной и функциональной частью рационально организованной общественной жизни. Независимо от того, был ли этот труд вольным или подневольным, была ли оплата работка справедливой или не справедливой, рациональность такого труда с точки зрения его функций по отношению к жизни социума не вызывает сомнений. Люди прилагают систематические усилия для создания материальных благ, необходимых для своей собственной жизни и для жизни остальных членов общества. В результате разделения общества и институциализации неравенства не каждое усилие трудящихся непосредственно направлено на производство продовольствия или жизненно необходимых вещей – часть этих усилий идет на производство символических благ, подчеркивающих неравенство, другая часть иным образом расходуется на поддержание института неравенства. Но никогда эта часть не доминировала и не диктовала всей системе труда конечное целеполагание в такой степени, как это происходит в обществе, где потребление существует ради потребления.

2.2 Труд и трудовые отношения в горизонте междисциплинарных исследований

В предыдущих параграфах анализу подвергалось развитие философской мысли, исходящей из того, что труд есть феномен, доступный непосредственной философской рефлексии. Так понятие труда оказалось в поле зрения вкупе с понятиями богатства народов, становление человеческого рода, эксплуатации, свободы. Вторым важным фактором, направляющим философскую мысль на феномен труда, выступает развитие таких общественных наук как экономика, политическая экономия, социология, психология, статистика, эргономика, культурология и т.п. Полученные в ходе конкретных научных исследований данные изменили

угол зрения философов, а также повлияли на качество производимого ими анализа.

Основной интерес экономистов и социологов при изучении изменений как на национальных рынках труда, так и на мировом, в последние десятилетия привлекали явления, которые Бурдье называл «flexploitation» [270]. На русский язык данный термин может быть переведен как «гибкая эксплуатация», что позволяет распространить понятие гибкости на сферу трудовых отношений. Как отмечает Росс, стремление к гибкости в отношениях связано с усложнением задач, которые решаются современными производителями и иными участниками экономических процессов, а также превалированием неолиберальной парадигмы и потребностей глобализации [274]. Следует заметить, что еще М. Кастельс вопреки всеобщей распространенности мифа о гуманизации капитализма, предсказывал его ужесточение. При этом американский философ отмечал, что новый капитализм будет еще более жесток в целях, сочетающий свою жестокость с кажущейся более гуманной гибкостью средств [43, с. 501].

М. Кастельс развенчивает многочисленные концепции труда неолиберального толка. Согласно этим концепциям, оптимизация процессов производства, осуществляемая путем саморегуляции, должна естественным образом привести к соответствию между потребностями всех участников рынка труда. Но при всеобщем признании приоритетным направлением любого развития экономики того направления, которое обеспечивало бы рост производительности, ни о какой гуманизации не может быть и речи. Действительность последних десятилетий подтвердила худшие опасения, когда массовое внедрение трудосберегающих технологий привело к стагнации рынков труда и, как следствие, стагнации развития общества.

Прежде всего для характеристики кризисных явлений на рынке труда исследователям понадобилось определить понятие нормы, отклонением от которой были бы названные явления. Нормальными трудовыми отношениями специалисты считают гарантированные государством и

защищенные правом отношения между работодателем и работником. Государство предоставляет наемным работникам социальную защиту в виде тарифных соглашений, оно участвует в деятельности профсоюзов, которые при этом сохраняют свою независимость. Государство следит, чтобы в отношениях работника и работодателя фиксировался общий уровень развития экономики, и чтобы работодатель соблюдал экономические права индивида, касающиеся условий труда, а также уровня заработной платы, не допуская ее необоснованного снижения или занижения. Особую ценность здесь представляет набор гарантий для наемного работника относительно будущего, страхуя его тем самым от разнообразных социальных рисков, будь то болезнь или безработица. Все это полностью соответствует понятию социального государства, которое прописано в конституциях многих европейских государств, в том числе и в Конституции Российской Федерации.

Наступивший на рубеже тысячелетий кризис трудовых отношений получил название прекаризации занятости. Это явление получило достаточно широкое распространение во всем мире, не обошло оно и Россию. Общие его черты в разных странах, чья специфика накладывает отпечаток и на культуру, и на экономику, не оставляют сомнений что прекаризация занятости носит универсальный характер и выступает как один из главных трендов социальной жизни. В Европейском союзе еще десятилетие назад была создана специальная комиссия, которая занялась исследованием общих закономерностей и особенностей прекарности в каждой из экономик его членов. Например, в Германии наблюдается расширение и углубление такого явления, которое немецкие социологи называли атипичной занятостью, не сводя его полностью к понятию прекариата [264].

К атипичным формам занятости А. Вагнер относит снижение количества времени труда, то есть сокращенная продолжительность рабочего времени, независимо от того, относится ли это к ежедневной, недельной или месячной продолжительности рабочего времени. Разумеется,

работник, получающий за меньшее время труда меньшую заработную плату, лишен возможности сохранять уровень жизни, который был бы достижим при полной занятости.

Также девиантным (отклоняющимся) типом трудовых отношений можно считать срочную занятость, когда работник связан с работодателем срочным трудовым договором. Эти отношения удобны работодателю, но, как правило, неудобны наемному работнику, потому что на них не распространяются сложившиеся формы защиты прав работника, например, от необоснованного увольнения. Сюда же относятся временная занятость, незначительная занятость и любые другие виды случайного заработка, когда работник не уверен в том, найдет ли он работу завтра.

Европу и Америку, Азию и Африку процессы прекаризации охватили в связи с разрушением классической капиталистической экономики. Эта экономика сформировалась в XVIII–XIX столетиях и достигла своего расцвета к середине XX века. Центральным звеном классической капиталистической экономики, продуцирующим стандарты трудовых отношений, выступает завод или фабрика, где наемные работники трудятся в соответствии со своей квалификацией на протяжении длительных сроков, иногда всю жизнь. Работодатель, с одной стороны, ценит квалифицированных и дисциплинированных работников, потому что их трудом создается прибавочный продукт, а значит и будущая прибыль предприятия. С другой стороны, работодатель стремится к минимизации затрат и максимизации прибыли, что приводит его к поиску выгоднейших условий для ведения бизнеса, сводящихся в сфере трудовых отношений к наименьшей социальной ответственности перед работником. Наемные работники объединялись в профессиональные союзы и добивались все большей защищенности, что затем и было утрачено в постиндустриальную эпоху.

Универсальный характер прекаризации труда проявился и в том, что ее признаки можно увидеть и в обществах с коллективистскими ценностями, и в

обществах, где отмечается высокая степень индивидуализма. Так, даже известное своей приверженностью к традиции пожизненного найма сообщество наемных работников Японии, демонстрирует движение в том же направлении – растет число тех, кто занят на низкооплачиваемой работе и не имеет устойчивого графика работы.

В стационарном обществе трудовые отношения только юридически сводятся к набору соглашений, регулирующих отношения между работником и работодателем в процессе трудовой деятельности. Но в масштабе социальной жизни трудовые отношения включают в себя создание предпосылок для появления на рынке труда работников, подготовленных для выполнения ими трудовых функций, что требует от общества заботы и участия в формировании квалифицированных кадров. Данная работа должна носить системный характер и включать в себя структуры, обеспечивающие профессиональную подготовку, дополнительное образование, переподготовку систему повышения квалификации, средства, обеспечивающие необходимую мотивацию и т.п. Таким образом, отношения между работником и работодателем должны быть включены в систему труда и трудовых отношений. Эта система может строиться по-разному, но процессы прекаризации труда свидетельствуют о серьезных сбоях в ней.

Следует различать феномен прекаризации в странах с высокоразвитой экономикой и странах, где оплата труда находится на достаточно низком уровне и где она мало отличается от оплаты, характерной для прекариата. При этом различия в качестве жизни есть, и они весьма существенны. По мнению О.И. Шкаратана, В.В. Карачаровского и Е.Н. Гасюковой, низкооплачиваемые работники, не опасющиеся потерять работу, имеют более обеспеченные и благополучные семьи, круг их общения также состоит из имеющих постоянную работу и благополучных людей. Это объясняется негативным влиянием прекаризации на социальные группы, слои и страты. Авторы подчеркивают, что опасения потерять работу могут быть характерны и для высокообразованных и высококвалифицированных работников, для

которых данное обстоятельство может представляться гораздо более катастрофическим событием. Поэтому они выделяют две зоны нестабильности, одну из которых составляют низкооплачиваемые категории населения, тогда как во второй зоне сконцентрированы высокооплачиваемые работники. Первую О.И. Шкаратан, В.В. Карачаровский и Е.Н. Гасюкова называют «естественной», а вторую – «аномальной». Они считают, что факторы, способствующие переходу в группу прекариата, в России и Европе различаются. В европейских странах образование может играть существенную роль, предохраняя его обладателя от прекаризации, а в российском обществе более важным выступает социальное происхождение, которое способно обеспечить индивиду и культурный капитал, и властный ресурс [249, с. 101].

Трудовая деятельность напрямую зависит от института неравенства, которое в современном мире также не остается прежним. Даже в западных обществах, где уровень благополучия и материального благосостояния поднялся на недостижимую для бедных стран высоту, в последние годы наблюдается нарастание структурных рисков и связанной с ними турбулентности. Прекаризация труда никогда не приобрела бы столь угрожающих масштабов, если бы она не была выгодна тем, кто выигрывает от роста социального и имущественного неравенства. Как отмечает Э. Аткинсон, по мере снижения издержек на оплату труда и обеспечение социальных гарантий работникам, владельцы производств и их акционеры становятся только богаче, концентрируя тем самым в своих руках все больше власти и влияния [6, с. 55-57]. Параллельно увеличению «отрыва» богатых от основной массы населения растет разочарование в идеалах развитой рыночной экономики. Этот «отрыв» все явственнее ощущается как в сфере потребления, так и в области доступа к таким благам цивилизации, как современная медицина и образование. Как следствие, снижаются иллюзии о доминировании в развитых обществах обеспеченного и процветающего среднего класса.

В российском обществе, где последние десятилетия система защиты труда находилась в режиме адаптации от социалистической экономики к современной рыночной, что не могло не сказаться на ее надежности и эффективности. По этой причине Правительство Российской Федерации предложило целый ряд инициатив в сфере трудового законодательства, направленных на социальную поддержку трудящихся, что свидетельствует об осознании серьезности ситуации и необходимости усиления мер правовой защиты. Стал предметом заинтересованного обсуждения размер прожиточного минимума, что также является позитивным знаком того, что российские элиты способны прислушаться к мнению экспертов, но вот их готовность к радикальным шагам и прорывным решениям в этой области все еще вызывает сомнение.

Как отмечает В.А. Аникин, монетарные механизмы и факторы стратификации в современных обществах значительно менее эффективны, потому что та же прекаризация превращает работников в заложников социальной инфраструктуры, развитой весьма неравномерно. Имея ежемесячные доходы, двукратно превышающие средние по региону, индивид может не иметь при этом доступа к качественной медицине и образованию, а также быть слабо защищенным на своем рабочем месте. Так, неравномерное развитие социальной инфраструктуры повышает роль немонетарных механизмов и снижает значение монетарных [135, с. 31].

Социологи и экономисты повсеместно констатируют новый вид неравенства – цифровое. Опасность этого вида неравенства связана с тем, что в условиях цифрового неравенства депривация становится системной. Так, при обычном неравенстве индивиды находят способы компенсации собственной бедности и ухитряются более или менее успешно противостоять возможной депривации. Но при цифровом неравенстве отсутствие возможности удовлетворять основные физиологические и социальные потребности носит уже тотальный характер, вызывающий глубокую аномию,

проявляющуюся либо в виде депрессии, либо агрессии, что во всех случаях подрывает стабильность и поступательное развитие общества.

В.А. Аникин обосновывает тезис о невозможности решения этой проблемы введением прогрессивной шкалы налогов или иными подобными методами. Он убежден, что стремление если не к преодолению неравенства, то к снижению разрыва не может быть достигнуто исключительно монетарными средствами и методами. На основе анализа статистики и иных собранных экономистами и социологами данных В.А. Аникин приходит к выводу о том, что российский социум с точки зрения стратификации «представляет собой общество вертикально интегрированных классов» [135, с. 32].

Далее российский социолог выделяет три категории крупных страт, которые можно было бы называть классами. Это так называемый высший средний класс, который составляет примерно 13% от общего числа россиян, на долю которых большая часть богатства и привилегий. Далее выделяется несколько страт среднего класса, которые можно отнести к низшим его стратам. К числу последних относится примерно 47% населения, которые делят оставшуюся не очень значительную долю богатства и социальных благ. 40% населения страны по этой схеме вообще лишены благ, богатств и привилегий, что позволяет отнести их к социальному низу и охарактеризовать как депривилегированные нижние классы.

Характеристика российского общества завершается в приведенном анализе как социальная общность, состоящая из двух полюсов: бедных и богатых. Вместо среднего класса в нем обнаруживается разнородная и вполне аморфная прослойка. «Особенность сложившегося в современной России социального неравенства в том, – заключает В.А. Аникин, – что как минимум один из этих нижних классов имеет ярко выраженную неэкономическую природу, поскольку на 59% состоит из негативно привилегированных получателей трансфертов (неработающих пенсионеров) и на 27% – из той части рабочей силы, которая не интересна рынку даже как

“трудовой ресурс”» [135, с. 39]. Можно также сделать вывод о неэкономическом характере неудовлетворенности потребностей этой социальной страты, которая является результатом недостаточной интеграции в сферу инфокоммуникативных технологий и отсутствием доступа к образованию.

Среди множества социально-философских теорий современности особняком находится концепция общества риска, предложенная немецким исследователем У. Беком два десятилетия назад и сопровождаемого красноречивым подзаголовком о «другом модерне». У. Бек отмечает, что стремительное и неконтролируемое развитие техники привело среди прочих к одному неожиданному последствию – росту неопределенности. Неопределенность касается как настоящего, так и будущего, оно относится как к технической сфере, так и к сфере социального. И одна из наиболее уязвимых для негативного воздействия фактора неопределенности оказывается сфера труда и трудовых отношений.

Среди главных причин, порождающих неопределенность, немецкий ученый называет все углубляющееся разделение труда, которое он считает критическим. «Доведенное до крайности разделение труда порождает всё, – пишет У. Бек, – и побочные последствия, и их непредсказуемость, и реальность, которая придает этой «судьбе» облик неотвратимости. Сверхспециализация есть действующая модель общественной практики, которая сгущает фатализм последствий в своего рода круг самоподтверждения» [11, с. 274].

Неопределенность затрагивает и радикально преобразует многие аспекты труда как социального института. Послевоенные Германия и Франция вырвались вперед и опередили другие страны в социально-философском осмыслении роли гражданского общества, которое может и должно стать более успешной альтернативой государству в отстаивания интересов трудящихся, которые во многих аспектах расходятся с интересами капитала. У. Бек в другой своей книге, посвященной

глобализации, пишет о том, что само восприятие конфликта труда и капитала претерпело существенную эволюцию [10, с. 24-25]. Ранее в образе этого конфликта выводилась на первый план пара «хозяин — батрак», которая была ясна и отчетлива, потому что задавала координаты субъектов и расшифровывала смысл противостояния интересов. Трудящийся в обществе классического капитализма, по мнению У. Бека, мог делегировать право отстаивать свои экономические и социальные интересы специально созданным организациям – профсоюзам. Это важный момент диалектического развития конфликта между трудом и капиталом, потому что сам трудящийся не может бастовать или предпринимать иные активные действия в одиночку – его связывает с работодателем трудовое соглашение.

Теперь отношение между трудом и капиталом перестало сводиться к паре «хозяин — батрак», потому что в качестве работодателя чаще всего выступает транснациональная корпорация, которая в состоянии успешно игнорировать национальное трудовое законодательство. Далее У. Бек приводит пример концерна «Фольксваген», который еще в 2001 году смог снизить заработную плату сотрудникам, при этом заставив их больше работать. Новая модель была названа более гибкой, но ее внедрение никогда бы не прошло столь безболезненно и не вызвало бы одобрение общественности, если бы не оказалось альтернативой переноса части производства в Словакию или в Индию.

Теоретические конструкции, связанные с социально-философским осмыслением понятия прекариата приводят Г. Стендинга к выделению этой группы в отдельный социальный класс. Британский исследователь даже заносит его в число основных классов современного общества и называет его «новым опасным классом» [89, с. 20]. Г. Стендинг в своем анализе прекаризации труда и эмоционально-психологической реакции на нее со стороны трудящихся проводит различие между такими понятиями, как гарантия занятости и гарантия рабочего места, что на первый взгляд представляется практически одним и тем же понятием. В подтверждение

своего тезиса он приводит факты, связанные с деятельностью компании «Франс Телеком», где несколько десятков тысяч имели формальные гарантии трудоустройства, но руководители постоянно переводили их с места на место, меняя при этом должности и места работы. Результатом непрекращающегося беспокойства сотрудников по поводу их нестабильного положения относительно рабочего места произошли суициды, число которых дошло до трех десятков.

Из приведенного примера видно, что люди, рассчитывающие на долгосрочный и предсказуемый труд на одном рабочем месте, не смогли пережить отсутствие стабильности, хотя гарантии трудоустройства у них были. Таким образом, утверждает Г. Стендинг, рабочее место может быть незащищенным, и занимающий его работник оказывается так же незащищен. Еще более показателен пример тех, кто является государственными служащими. Несмотря на зримые гарантии и прекрасный социальный пакет, их работа является службой, они могут быть перемещены с одного места на другое с совершенно иным функционалом и иными условиями работы, в любой миг вышестоящее руководство может таких сотрудников «бросить на прорыв», исключая любую возможность выбора. Так было всегда, но это компенсировалось иными благами, и выбор в пользу службы осуществлялся, как правило, единожды, то есть всего лишь раз в жизни.

В экономической науке принято делить всю экономику на первичный, вторичный и третичный секторы. К первичному сектору относятся все виды экономической активности, в которых человек контактирует с природой непосредственно и присваивает добытые из ее недр богатства. Скотоводство и земледелие, добыча полезных ископаемых, выращивание леса, рыболовство и иные подобные промыслы составляют этот сектор экономики. Ко вторичному сектору принято относить обработку и переработку добытых природных ресурсов, а также строительство. В доиндустриальных обществах почти вся экономика сводилась к первичному сектору, в индустриальных обществах росли объем и значение вторичного сектора.

Третичным сектором называют сферу услуг и то, что в последние десятилетия доля этого сектора в экономике неуклонно росла, позволило Г. Стендингу назвать всю современную экономику постиндустриального общества третичной. Более того, он даже ввел понятия третичного труда, третичного рабочего места, третичного времени, полагая, что третичное рабочее место и время формирует у работника особые рабочие навыки, которые он также назвал третичными.

Главными параметрами, определяющими состояние тела в пространстве, являются не пространство и время, как это можно усвоить благодаря школьному курсу физики, в котором рассматриваются основные понятия ньютоновской механики. Но из истории философии известно, что время и место – это фундаментальные категории аристотелевской метафизики. В социальной философии важную роль играют категории социального пространства и социального времени, позволяющие увидеть смысловую составляющую происходящего в обществе. Индивид может физически сидеть в одном и том же кресле на своем рабочем месте, но его социальные акции начинают расти, а вместе с ними растет и социальный капитал, он поднимается в общественном мнении. Эти метафоры работают тогда, когда общество замечает те или иные действия (или высказывания) индивида и положительно на них отреагирует. Или индивид «поднимается по служебной лестнице», переходя из кабинета в кабинет, но необязательно с этажа на этаж – еще одна метафора, точно передающая социально-философский смысл внутриорганизационных кадровых перемен и перемен в жизни человека.

В рассматриваемом нами анализе, даваемом Г. Стэндингом, рассуждение об изменении рабочего места и рабочего времени речь идет о совершенно иных метафорах и смыслах. Что такое третичное рабочее место и что такое третичное рабочее время в сравнении с их «вторичными» предшественниками? Британский исследователь разбирает буквально понятия «пространство» и «время», потому что их физическое изменение

вполне очевидно, хотя и не сводится к механическому уменьшению или увеличению. Скорее речь идет о социально-антропологическом наполнении этих понятий, при этом не подразумевающих их семиотизацию или какую-либо иную символизацию.

Г. Стэндинг обращает внимание на то, что появившееся в индустриальную эпоху различие рабочего места и дома, ушедшее вновь в эпоху постиндустриальную, разрушила и четкое разбиение личного времени на рабочее и нерабочее. Но только четко очерченное и отдифференцированное от всех остальных мест пребывания индивида рабочее место может становиться предметом правовой защиты и быть объектом социального страхования. Лишь немногие среди всех занятых на промышленном производстве относились к разряду служащих и могли покидать рабочее место, формировать собственные трудовые траектории в течении рабочего дня или рабочей недели. Но даже они оценивались по тому, сколько времени они проводили за своим рабочим местом и как часто его покидали. А пролетарии просто шли к станку или конвейеру, и контроль за их пребыванием на рабочем месте, а также за их поведением в процессе производства становился по мере совершенствования все более тотальным.

В третичном обществе ситуация меняется и для многих дом вновь превращается в рабочее место, будь то импровизированная мастерская или продолжение офиса. Происходит и обратная трансформация – кабинеты служащих все больше «одомашниваются» путем размещения там семейных портретов, слушания на работе музыки или просмотра телепередач вполне допустимы, особенно для занятых в сфере обслуживания. Как отмечает Г. Стэндинг, третичное рабочее время приводит к тому, что становится невозможно по-прежнему контролировать знание, этику и время.

Прекариат находится в постоянном цейтноте потому, что обычно занят на разных работах или вовлечен в выполнение различных проектов. В третичной экономике проявляет себя «неделимость использования времени», потому что никто не контролирует более, за какой именно временной

интервал сделана та или иная работа. «Работа, – пишет Г. Стэндинг, – это не только труд, то есть деятельность, направленная на производство конечного продукта. В третичном обществе с гибкой рабочей силой много времени уходит на "работу ради работы", а именно работу, которая хоть и не обладает рыночной стоимостью, но, тем не менее, делать ее либо необходимо, либо желательно. Одна из самых характерных для прекариата форм "работы ради работы" – это поиск вакансий на рынке труда» [89, с. 145].

Не все разделяют опасения по поводу изменений в характере и сущности труда, связанном с его прекарризацией, не все видят один лишь негатив в жизни человека, пополнившего ряды так называемого прекариата. В первом параграфе данной свободных агентов главы уже разбиралась концепция Д. Пинка, в которой само название этого явления иное. Вместо стэндинговского прекариата, автор использует термин «свободные агенты», видя значительно больше преимуществ, нежели недостатков в этом новом явлении в области труда и трудовых отношений [69].

Российский исследователь Р.И. Анисимов сравнивает подходы этих двух авторов, показывая, что столь радикальное расхождение позиций двух авторов может быть объяснено различием их политических предпочтений: европеец Г. Стэндинг явно симпатизирует социал-демократическим ценностям, в то самое время, как американец Р. Пинк проявляет приверженность идеалам либерализма [136, с. 49]. Избранные исследователями методологические основания также различны – холизм первого позволяет говорить о прекариате как о новом социальном классе, тогда как методологический индивидуализм второго концентрирует его внимание на социальных атомах – акторах. Индивиды, в соответствии с концепцией Д. Пинка, сами выбрали более удобный для них способ труда, хотя и не без помощи внешних обстоятельств, которые сложились благополучно для этого. Г. Стэндинг убежден в том, что особого выбора для попадания в класс прекариата ни у кого не было, и рекрутированные в эту

страту работники не проявляли какой бы то ни было инициативы, они подчинились сложившимся на рынке труда обстоятельствам.

Российский автор находит различия и в разных подходах к выбору объекта и формулированию предмета исследования. Г. Стендинг в первую очередь интересуется изменениями в организации и условиях труда, что он и делает предметом исследования. У Д. Пинка предмет существенно иной – американский экономист обращается к изменениям, произошедшим в сфере квалификации работников. Эти различия, по мнению Р.И. Ансимова, есть результат различий в избранных для исследования объектах. Внимание исследующего прекариат британца привлекают работники предприятий в условиях нестабильной занятости, а увлеченный описанием свободных агентов ученый обращается к феномену самозанятости и самоорганизации на рынке труда.

Неудивительно, что в итоге одно и то же по своей сути явление, будучи изучено столь непохожими людьми и столь разными способами, позволяет им дать различные прогнозы. В первом случае прогнозируются социальные потрясения, а во втором речь идет о замене институционализированного труда неинституционализированным, то есть трудом самозанятых. Сам автор скорее согласен с концепцией Д. Пинка, что приводит его к заключению о том, что большинство самозанятых не только не могут, но и не хотят возвращаться к более привычным формам институционализированного труда [136, с. 50].

Ж.Т. Тощенко встраивает понятие прекариата в концептуальную конструкцию марксистской философии. В историческом материализме одним из ключевых являлось положение о пролетариате как об особом классе, особенность которого состоит в отчуждении пролетария от результатов его труда. Прекариат понимается российским социологом как социальный класс, отчужденный от всего общества, от всех остальных социальных групп. Для его эксплуатации в трудовые и экономические отношения внедрены «особо изощренные формы эксплуатации», при которых эксплуатации

подвергается не только труд, но и знание, и даже квалификация. Более того, Ж.Т. Тощенко утверждает, что объектом эксплуатации в конечном счете становится качество жизни [236, с. 3].

Парадоксализм социального бытия прекариата проявляется уже в одном из возможных его определений: к прекариату можно причислить тех членов общества, которые «постоянно» находятся на «временной» работе. Трудоустройство представителей прекариата определяется как эпизодическое, а сам труд обычно носит нелегальный или полунелегальный характер, что сводит к нулю и без того крайне слабую социальную защищенность трудящихся. Ж.Т. Тощенко приводит в качестве примера отношения власти к прекариату выступление вице-премьера правительства Российской Федерации О. Голодец, которая назвала сектор рынка труда «нелегитимным». Можно согласиться с теми, кто считает урезанными не только права представителей прекариата, но и их социальный статус.

Отечественные исследователи прекариата, родившиеся и выросшие в стране, где еще сильны воспоминания о высоком уровне социальной защищенности, в целом характерном для стран социалистического выбора, особенно остро воспринимают нынешнее положение самозанятых. При этом совершенно очевиден тот факт, что труд по краткосрочному найму существовал с древнейших времен, имел место и в индустриальном обществе, независимо от того, было ли оно капиталистическим или социалистическим. Работа по временному трудовому договору или даже без юридически оформленного и официально зарегистрированного договора может занимать в общем объеме трудовой деятельности долю, не превышающую десяти процентов, а может вырастать до тридцати или даже до сорока. В последнем случае можно говорить о качественных изменениях в обществе и о масштабной прекаризации труда. То, что прежде было незначительным в масштабах всего трудящегося населения явлением, дополняющим основные формы труда, теперь выходит в качестве

определяющего тренда, ломающего традиционную структуру общества, преобразующего трудовые отношения.

Разумеется, у названного тренда есть свои источники и свои движущие силы. Развитие precarious трудовых отношений было выгодно как производственному, так и финансовому капиталу. Теоретическое обоснование естественности роста прекариата было дано в рамках неolibерализма, где люди, оказавшиеся за бортом финансового благополучия, рассматриваются как лишние и не имеющие «права голоса» в определении пути развития страны, в том числе и через демократические выборы. Они фактически лишаются статуса граждан, оставаясь лишь на бумаге полноправными членами общества, ибо им перекрыт доступ ко всем социально значимым ресурсам. Как отмечает В.С. Мартьянов, прекариат – это порождение неolibеральной политики, проводимой в эпоху глобализации самыми разными правящими партиями. Российский социолог убежден, что необходимо вернуться к пониманию того, что только такое общество будет процветающим и гармонично развивающимся, в котором все слои населения будут представлены во власти. Так, по его мнению, концепция базового дохода изменяет прежде казавшиеся незыблемыми представления о том, что такое демократия [188, с. 141-153]. Граждане оказываются равны не в силу наличия у них статусов или ресурсов, а по причине самого факта своего существования в мире.

Таким образом, политические расхождения в понимании того, каким образом должна быть устроена экономика, оказываются расхождениями в понимании сущности труда и трудовых отношений в желаемом образе будущего. Неolibеральная концепция труда мыслит его как сложную систему действий и отношений между людьми, которая сформировалась и функционирует вне государства, а государство следит за соблюдением права при решении тех же правовых споров. Их оппоненты полагали, что именно государство должно активно вмешиваться в развитие хозяйства и, как его часть, объектом вмешательства становится труд.

Государство в антилиберальном понимании – главный субъект, регулирующий всю систему труда и планирующий развитие экономики. Либералы убеждены, что проведение антилиберальной политики в сфере труда и трудовых отношений неизбежно приводит к падению эффективности такой регулируемой трудовой деятельности, к снижению экономического роста. Так политический дискурс и политические установки оказываются важнейшим фактором развития экономики, хозяйства и системы трудовых отношений. Вопрос о справедливости оказывается связан с вопросом об эффективности сложившейся системы экономических и социальных отношений [209].

2.3 Трудовая деятельность в стремительно меняющемся обществе

Весь предыдущий анализ проводился исходя из допущения того, что речь идет о труде в условиях сбалансированной экономики и устойчивого развития общества, когда к труду относятся как к функциональному элементу системы. Но главный смысл феномена труда раскрывается в контекстах, когда о нем говорят как о средстве выживания человека как естественного существа, наряду с другими средствами, такими как, например, собирательство и охота. Эти формы получения необходимых средств к существованию были единственно доступными на заре существования человечества при переходе от *homo habilis* к *homo sapiens*, затем сменились трудом, сохранившись разве что в форме воровства и грабежа. Между тем, в современном обществе труд по-прежнему является источником самого необходимого, он же выступает как фундамент социального и антропологического бытия. Но современный мир превратился в сложный, а связи между трудом и социумом стали настолько непрозрачны, что без специальных средств познание их становится невозможным. Это хорошо осознавали ученые, еще два столетия назад обратившие внимание на

труд как на источник общественных богатств и на фундамент общественного бытия.

Некоторые философы и публицисты пишут о том, что в XXI веке традиционные формы трудовых отношений уходят в прошлое. Причиной этого радикального изменения им видится изменение социального содержания самого понятия работы [208]. «Научно-технический прогресс, – утверждает Л. Грэттон, – кардинально изменил модели рабочих процессов. Технологии также влияют на более глубокие аспекты трудовой деятельности, а именно на способы взаимодействия сотрудников, их ожидания от своих коллег и даже на этические принципы и человеческие слабости. Не нужно быть приверженцем технологического детерминизма для того, чтобы понять, что развитие технологий является главным детерминантом правил игры, в которую играет вся цивилизация» [29, с. 30].

По мнению Д. Нейсбита, иерархические структуры управления будут вытеснены сетевыми. Этот прогноз был сделан еще в 1984 году, когда речь шла не о сетях, построенных в условиях тотальной цифровизации средств коммуникации – сети, рождаемые кибернетическими устройствами, проектировались и прогнозировались без учета столь расширенного и углубленного влияния на социум. Речь шла о переходе от вертикального управления к горизонтальному, то есть от отношений субординации к отношениям координации и, отчасти, к самоуправлению. Именно такие виды управления проявляют все большую эффективность по мере развития управленческих систем благодаря гибкости и интенсивной поэлементной коммуникации. Разумеется, появление всех этих качеств было связано с усложнением систем производства и управления, обусловленным конкуренцией.

Появившиеся спустя три десятилетия новые технические возможности превратили сетевые организации в универсальные средства перестройки трудовых отношений [208]. «Смысл существования сетей, – пишет Д. Нейсбит, – способствовать самопомощи, обмениваться информацией,

изменять общество, улучшать производительность и условия труда, делиться ресурсами. Они построены так, чтобы передавать информацию путем более быстрым, более привычным человеку и более экономным в смысле расхода энергии, чем любой другой известный процесс» [63, с. 277]. Далее американский футуролог приводит мнение Д. Липнек и Д. Стэмпса, которые еще в конце XX называли сетевую коммуникацию особой гуманитарной технологией, которая адекватна эпохе, требующей все больше информации и потребляющей все меньше энергии. Такой «информационно-энергетический» подход к объяснению социальной коммуникации позволяет вспомнить о том, что труд во все времена был связан с техникой и технологией переработки природного сырья в нужные человеку продукты потребления, а также обеспечению этого процесса. Но социальные сети кажутся так мало связаны с энергией и так сильно привязаны к техническим возможностям производить, передавать и обрабатывать информацию, что данный тезис выглядит убедительно.

Немногие руководители оказались психологически готовы отпустить своих подчиненных из зоны «шаговой доступности», хотя возникающие возможности контроля за работниками в режиме «онлайн» многократно превосходят прежние. Данное обстоятельство создает условия не только для повышения эффективности управления и не только для роста производительности труда. Новые формы контроля и управления повышают возможность для сверхэксплуатации, противодействие которой возможно лишь посредством объединения усилий самих трудящихся и органов, связанных с охраной и защитой труда. Со временем станет ясно, что итоговая эффективность достигается не путем сверхэксплуатации, а путем внедрения все более прогрессивных методов управления и форм труда. Сетевая организация позволяет сделать процесс совершенствования производства существенно более интенсивным.

Любая перестройка дает основание не только для анализа общего характера изменений с точки зрения их влияния на функционал

перестраиваемой системы. Так, даже локальные перемены в сфере труда и трудовых отношений обязательно почувствует все общество или, по крайней мере, те его члены, которые являются потребителями результатов труда, будь то товары или услуги. Но в самой подсистеме труда целесообразно проводить другой анализ, который позволил бы выявить тех, кто выиграл в результате перестройки и тех, кто проиграл. На поверхности окажется эмоциональная оценка «плюсов» и «минусов»: новый тип взаимодействия может принести облегчение интровертам, усложнив жизнь экстравертов. Профессиональный коллектив никогда не воспринимался одинаково, да и сами профессиональные коллективы никогда не были похожи друг на друга. Если одним коллеги на работе могли заменить семью, то другим – лишь ее дополнить. Всегда было немало и тех, для кого общение с коллегами превращалось в нелегкое испытание и даже в наказание. В сети коммуникация с начальством и сослуживцами превращается в более формальный процесс, хотя, как и прежде, остается место для симпатий и антипатий, обид и сведения счетов.

Аналитики утверждают, что в результате переход к сетевым формам организации труда, связанным с активным внедрением ИТ-технологий, потребность в управленцах среднего и младшего звена должна снизиться, такое же снижение спроса ожидается и на рынке квалифицированных рабочих кадров. Одновременно с этим растет спрос на услуги работников, не имеющих квалификации или имеющих низкую квалификацию (курьеры, мойщики окон, дворники, разносчики еды и т.д.) [208]. «В целом средний класс, – пишет В. Коровкин, – резкий подъем благосостояния, которого в середине XX века определил идеологию современного западного мира, оказался в самом уязвимом положении в современной экономике. Его относительные доходы падали с 1970-х годов, и в эпоху постцифровой экономики это падение может ускориться. Социальные и идеологические последствия такого падения могут быть близки к катастрофическим» [267].

Нетрудно видеть, что переход к более гибкой организационной среде приведет к выигрышу тех, чьи навыки и умения оказываются более востребованными в новых условиях. На второй план отходят те качества и компетенции, которые ценились в организациях прежде, такие, например, как готовность демонстрировать лояльность требованиям организации или показное трудолюбие. В условиях, когда менее видны усилия, но более виден результат, ориентация на результат приведет не только к перестройке внутриорганизационных отношений – с неизбежностью произойдет трансформация индивидуального и коллективного целеполагания. Более того, эта трансформация будет заметна как на уровне личности, так и на уровне отдельной организации и даже в масштабах всего общества. Но при этом изменение оценки труда не должно сводиться к гонке за формальными показателями, как не упрощалась бы при этом система контроля за деятельностью сотрудников.

Стремление к упрощению выглядит рациональным, но в действительности оказывается таковым далеко не всегда. Важно, чтобы приходящее на смену рациональное упрощение не уничтожало бы продуктивную сложность других сторон реформируемой системы. Так, переход оценки труда научных работников российских исследовательских и образовательных организаций исключительно по их публикациям в журналах, входящих в зарубежные системы цитирования, приводит этих работников к такой реорганизации целеполагания, которая оказывается несовместима с сущностью научной деятельности.

Последние концепции современности вернулись к использованию понятия капитализма. Для идентификации модерна появились такие термины как «поведенческий капитализм» и «подглядывающий капитализм». Термин «поведенческий капитализм» ввел А. Герте, понимая под этим новым явлением особую форму интереса производителей товаров и услуг к внутреннему миру потенциального потребителя, направленную на такое изменение этого внутреннего мира, которое могло бы стать причиной

изменения в поведении человека. Как и всякий капитализм, поведенческий капитализм направлен на максимизацию прибыли при минимизации затрат, поэтому главной, если не единственной целью вмешательства во внутренний мир человека и изменения его поведения является активизация его стремления тратить деньги [208]. «Поведенческий капитализм, – пишет А. Герте, – это вариант капитализма, при котором поведение человека становится центральным фактором производства и предоставления товаров и услуг» [271].

Некоторые связывают рождение новой формы капитализма с охватившей мир эпидемией коронавируса COVID-19. Как отмечают К. Шваб и Т. Маллере, пандемия выступила той силой, которая способна кардинально изменить экономики всех стран, в том числе и наиболее развитых. Такое изменение экономик не может не сказаться на остальных сторонах общественной жизни, не говоря уж о жизни отдельного человека, его желаниях, намерениях, ценностях. Изменяются фундаментальные условия жизни общества и его развития.

«Мир больше не будет прежним, – пишут К. Шваб и Т. Маллере, – капитализм примет иную форму, у нас появятся совершенно новые виды собственности помимо частной и государственной. Крупнейшие транснациональные компании возьмут на себя больше социальной ответственности, они будут активнее участвовать в общественной жизни и нести ответственность ради общего блага» [276]. Авторы этой книги – убежденные глобалисты. Они предсказывают существенное снижение роли национальных правительств в результате длительного воздействия режима ограничений, вызванных эпидемией коронавируса COVID-19.

Как известно, эпоха глобализации уже давно знаменуется ослаблением роли государственных структур в управлении транснациональными корпорациями. Но теперь это изменение становится значительно более ощутимым – транснациональные корпорации получают инструменты влияния на правительства через национальные экономики, гораздо более

подчиненные внешним управляющим компаниям. Таким образом формируется новый правящий класс, объединяющий части национальных элит и вносящий в них раскол, готовящийся перейти к новой форме диктатуры – глобальной диктатуре. Ее сторонники не скрывают своих намерений, провозглашая новый мировой порядок главным итогом происходящего. Не случайно главная мысль книги выражена в виде ответа на вопрос о том, когда произойдет возвращение к нормальной жизни. Отрицательный ответ, даваемый К. Швабом и Т. Маллере, является выражением идеи о том, что в борьбе с опасностями пандемии люди необратимо изменили не только экономические структуры и институты. Изменению подверглись политические и социальные порядки, изменив всю систему межличностных коммуникаций, что не могло не сказаться на мировоззрении, картине мира, системе ценностей.

Примечательно, что цитируемый выше К. Шваб четырем годами ранее опубликовал другую книгу, названную вызвавшую не менее заметный отклик в научном сообществе. Изложенная в ней концепция новой промышленной революции стала популярной среди экспертов и журналистов, стала предметом обсуждения для широких слоев образованной общественности. Эта книга называется «Четвертая промышленная революция», в ней подробно разбирается масштаб и глубина влияния новейших технологий на жизнь людей [208]. «Мы стоим у истоков революции, – пишет К. Шваб, – которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение. По масштабу, объему и сложности это явление, которое я считаю четвертой промышленной революцией, не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества. Нам еще только предстоит осознать всю полноту темпов развития и размаха новой революции» [108, с. 8]. Показательно, что среди множества сторон жизни человека и общества, автор выделяет три наиболее значимые с точки зрения революционирующих мир изменений: жизнь, труд и общение.

Среди тех конкретных изменений в сфере труда, которые заметны уже сегодня, К. Шваб выделяет сдвиги в области занятости работников, чья квалификация в значительной степени обусловлена профессиональными знаниями и навыками. Также заслуживает внимания перестройка самого рынка труда, когда все большее значение приобретает труд, основанный на выполнении конкретных заданий и краткосрочные трудовые контракты, в то время как в прежние времена и работодатель, и работник стремились к долгосрочным трудовым соглашениям [208]. «Цифровые технологии и глобальная коммуникационная инфраструктура, – замечает К. Шваб, – существенно меняют традиционные представления о работе и об оплате, способствуя появлению новых типов работ, отличающихся чрезвычайной гибкостью и по своей сущности носящих временный характер (так называемая «экономика по требованию»). ... Каждый работник, по сути, становится подрядчиком, больше не имеющим возможности пользоваться выгодами надежного и многолетнего трудоустройства» [108, с. 58].

К. Шваб обобщил многие тенденции, уже давно наблюдающиеся на рынке труда в связи с автоматизацией и цифровизацией работы и межиндивидуальных коммуникаций. Над некоторыми профессиями нависла угроза радикальных трансформаций, если не полного исчезновения. Те формы занятости, в которых центральное место занимал механический труд, требующий предельной внимательности и точности, быстрее всего снизили потребность в людях, заменив их не знающими ни промаха, ни усталости автоматами. Теперь речь дошла до бухгалтеров, документоведов, финансовых аналитиков, юристов, журналистов и даже врачей. Эти профессии не исчезают, но число занятых там людей может быть уменьшено достаточно значительно. Каждая предыдущая революция приводила к сокращению рабочих мест в отдельных отраслях производства, прежде считавшихся преуспевающими. Но при этом каждый раз сокращение носило структурный характер и компенсировалось ростом потребности в специалистах для новых отраслей.

Так, в качестве особенности четвертой промышленной революции то, что в новых отраслях экономики создается гораздо меньше мест, чем сокращается в других отраслях. Замена людей машинами оказывается более перспективным путем, нежели повышение производительности труда или внедрение инноваций [208]. «Фактически в подавляющем большинстве случаев, – отмечает К. Шваб, – слияние цифровых, физических и биологических технологий, обеспечивающее текущие изменения, будет способствовать усовершенствованию человеческого труда и когнитивной деятельности, то есть лидерам придется готовить кадровые ресурсы, развивать модели образования для работы, а также создавать взаимосвязанные и интеллектуальные машины с постоянно расширяющимися возможностями» [108, с. 36]. Революционизирующее воздействие четвертой промышленной революции не может остаться без последствий для рынков труда и рабочих мест, – экономика, наука и техника превращаются в три части одного целого.

Многие философы отметили среди особенностей современного перехода к новому технологическому укладу от предыдущих. Слишком высокий темп изменений технической среды не позволяет системе социальных отношений своевременно реагировать, сама способность приспособливаться оказывается недостаточной. Система трудовых отношений, прежде бывшая одной из самых устойчивых и консервативных, теперь должна перестраиваться с невиданной прежде скоростью. Все это изменяет характер труда в подавляющем количестве отраслей и профессий, что рождает высокий уровень неопределенности для большинства работников. Теоретики, стремящиеся к выявлению и описанию основных эффектов, характерных для современного рынка труда, выделяют два основных: дизруптивный эффект и эффект капитализации.

Дизруптивным (разрывающим) эффектом называется комплексное воздействие на рынок труда прорывных инновационных технологий, позволяющих автоматизировать процессы производства и приводящих к

сокращению рабочих мест. Теряющие работу не могут найти аналогичную на другом предприятии и нуждаются в переквалификации. При этом замена труда на капитал приводит к эффекту капитализации, а это, в свою очередь, вызывает рост спроса на товары и услуги, что стимулирует рост занятости в новых и даже старых отраслях. Так происходит компенсация разрушительного влияния первого эффекта созидательным воздействием второго. Но данное равновесие в реальности выглядит очень хрупким.

Одним из главных следствий технологической революции и перестройки рынка труда называют дрейф в области трудовых навыков и профессиональных компетенций. С одной стороны, растет спрос на работников, способных продуцировать и внедрять инновации, а также работать и принимать решения в условиях высокой степени неопределенности. То, что раньше считалось в высокой степени творческим трудом, уже сегодня заменяется компьютером, который оказался способен не только играть в шахматы, но и продуцировать художественные и учебные тексты, заменяя писателей, композиторов, архитекторов и др.

Особое место на современном рынке труда занимает фриланс – тип занятости, при котором работник обладает достаточной востребованностью для того, чтобы работать на себя, самостоятельно находить заказчиков и предоставлять им необходимые услуги. Фриланс не является чем-то новым – во все времена находилось достаточно людей, выбравших этот способ «заработать себе на жизнь». И в античном мире, и в средние века существовали бродячие артисты, фокусники и укротители животных, чей ежедневный заработок всецело зависел от благодарности случайных зрителей. И тогда их жизнь отличалась от жизни большинства современников, будь то крестьяне или горожане, свободой, с одной стороны, и отсутствием уверенности в завтрашнем дне, – с другой.

Одним из первых обратил свое внимание на фрилансеров американский исследователь Д. Пинк, который отнес к этой группе современных писателей, фотографов и других «свободных художников», чья

деятельность полностью зависит от заказчиков. Само название «free lance» переводится как «вольный копейщик» это слово обязано своим появлением средневековым французским или швейцарским наемникам, которым было все равно, на чьей стороне и против кого воевать, лишь бы им платили за это. Д. Пинк ссылается на данные социологических исследований, согласно которым большинство фрилансеров довольны своим положением [69, с. 37-38]. Любопытно, что многие из них изначально не собирались стать на путь фриланса, но, потеряв работу и будучи вынуждены заняться этим видом деятельности, затем, когда представилась возможность, не пожелали вернуться к прежней жизни.

Американский исследователь убежден, что, несмотря на все отрицательные стороны фриланса, за этой формой организации труда будущее. Свободные агенты буквально отвоевывают рынок труда, а наиболее успешные корпорации все более проявляют стремление к сокращению штата. Основная причина новой позиции фирм – осознание неэффективности больших штатов в результате отсутствия у них необходимой гибкости и мобильности. Коллективы, существующие «слишком долго» демонстрируют стремление к консервации собственной структуры, частью которой является иерархия, выстроенная на основе разделения труда, закрепления ролей и фиксации оценки профессиональных компетенций. Такие коллективы теряют конкурентоспособность в быстро меняющемся мире, даже если их отдельные члены или даже большинство готовы переучиваться и способны осваивать новые виды деятельности [208].

В качестве альтернативы традиционным предприятиям, считавшим накопление человеческого капитала одним из главных факторов развития, Д. Пинк приводит примеры компаний, которые выбрали новый тип организации труда – проектный. В этом случае задачи, поставленные и выполняемые фирмой в данный период времени, становятся основой для создания временных команд, состоящих из специалистов, собранных под данный проект и лишь на время выполнения этого проекта. Так,

хозяйствующие субъекты, в правовом пространстве по-прежнему представленные как компании, в экономическом и управленческом отношении предстают как бизнес-проекты. При этом становится неважно долголетие хозяйствующего субъекта, прежде признававшееся экспертами залогом его надежности и успешности. Гораздо важнее экономическая эффективность, сколь скоротечным он бы не казался сторонним наблюдателям.

Д. Пинк подробно разбирает как положительные, так и отрицательные стороны этого явления, которое предстало сегодня в новом качестве. К положительным сторонам фриланса он предлагает отнести свободу, возможность оставаться собой, ответственность и индивидуальные критерии успеха. Свобода, которая выступает как неизбежный спутник фриланса, становится альтернативой социальному контролю, неизбежному в любой организации, где работники собраны в трудовые коллективы. Их деятельность определяется корпоративными инструкциями и организационной культурой, дающими немало поводов для подавления личности любой, в том числе и умеренно свободолюбивой личности. Этой же цели служат критерии успеха, которые вне трудового коллектива определяются гораздо более свободно и вариативно, чем внутри него.

То, что представляется большинству современников отрицательными сторонами фриланса, Д. Пинку кажется набором заблуждений и даже мифов. Чрезвычайно популярен, причем не только в США, но и в России, взгляд на свободных агентов как на лиц, не способных «переживать» за работу. Еще с советских времен сохранилось убеждение в том, что «шабашники» склонны к халтуре значительно больше, чем те, кто трудится всю жизнь на одном месте, отдавая всю жизнь своему предприятию. Крайне негативный смысл вкладывался в слово «летун», которым и сегодня называют человека, легко и часто меняющего место своей работы.

Нередко можно услышать и то, что отсутствие постоянной работы и трудового коллектива рождает у индивида то самое чувство одиночества,

которое стало источником философии экзистенциализма. Таким образом, можно говорить о том, что, несмотря на все достоинства фриланса, рост его значения нельзя оценивать сугубо положительно [208]. «Свободно занятые наемные работники, – отмечает О.В. Полетаева, – демонстрируют высокий уровень самодостаточности и умеренный социальный оптимизм, развитую профессиональную мобильность и низкую социальную активность. Неоднозначное самочувствие фрилансеров связано с их противоречивым положением в социально-структурном пространстве: оно характеризуется промежуточными позициями между экономическими и профессиональными стратами, незавершенностью процесса социальной идентификации и адаптации» [130, с. 11].

Экзистенциальные и психологические проблемы тех, кто переходит на фриланс, только начинают изучать. Возможные последствия этого процесса могут быть масштабны и столь же неоднозначны, как нынешнее самочувствие фрилансеров. Вполне возможна существенная перестройка социальных институтов и культурные изменения, а также формирование новой ментальности, если количество свободных агентов продолжит расти. Также нельзя исключать, что у большинства фрилансеров возникнет то самое чувство тошноты, которое поразило европейских интеллектуалов в первой половине XX века, и было описано в романах Ж. П. Сартра «Тошнота», А. Камю «Чума» и ряде других выдающихся литературно-философских произведений. В этом случае можно будет говорить о том, что для полноты картины обсуждаемого здесь явления невозможно ограничиться средствами и методами традиционного научного анализа и обобщения. Понимание социальных и антропологических последствий перемены в структуре труда и трудовых отношений зависит от уровня и глубины философского осмысления.

Первые попытки осмыслить рост чувства одиночества у людей, многие из которых не покидали свои семьи, трудовые коллективы и компании, как уже отмечалось выше, принадлежат основоположникам экзистенциализма.

Ж.П. Сартр, М. Камю, Г. Марсель, Н.А. Бердяев и другие противопоставляли лично переживаемое существование универсальной и поддающейся формулированию сущности, что позволяло им связать современность с погружением во внутреннее одиночество и даже объявлять его неизбежным спутником свободы. Еще в XIX веке родилась мысль о том, что нет страшнее одиночества, чем одиночество в толпе. Это переживание резко усилилось по мере развития капиталистического общества, в котором каждый индивид вынужден брать на себя ответственность за собственную судьбу. Если в традиционном обществе жизнь человека предопределена традицией и происхождением, то в современном мире человек регулярно оказывается перед выбором, и каждый такой выбор предопределяет будущее. Бремя ответственности оказывается тем тяжелее, чем больше возможностей выбирать и большее число вариантов предлагает ему современный мир.

Позднее тему одиночества поднял испытавший влияние экзистенциализма Г. Маркузе. Будучи также наследником марксистской и фрейдистской философских традиций он рассматривал эту проблему не в антропологической, а в социальной и психологической плоскости. Отсюда и заострение видным представителем франкфуртской школы темы репрессивности, которая связывается с изменениями в сфере труда и трудовых отношений [208]. «Новое качество, – писал Г. Маркузе, – возникает в силу прогрессирующего перехода власти от человека к техническому и бюрократическому аппарату, от живого труда к мертвому, от личного управления к дистанционному, от машины к группе машин и целостной механизированной системе... Она освобождает индивида от автономного существования в труде и досуге, в его потребностях и их удовлетворении, в его мыслях и чувствах» [59, с. 66].

Социальное одиночество имеет сложную природу и для его определения необходимо обратиться к средствам и методам различных наук, главными среди которых являются социология и психология. И. Ялом убежден в том, что в чувстве одиночества нет ничего девиантного – человек

должен периодически переживать это чувство, потому что такова его собственная природа [123]. Экзистенциализм позволяет понять, почему переживание одиночества одним человеком так сильно отличается от опыта другого – переживание вообще уникально и неповторимо, точно так же как уникальна и неповторима сама человеческая жизнь. Индивид в своем противостоянии условиям мира обречен на страдание и переживание собственной жизни, а в обществе, где труд становится одним из центральных понятий, переживание условий труда превращается в главный фокус переживания человеческой экзистенции.

Другой экзистенциальный психолог К. Мустакас вводит понятие суеты одиночества и описывает защитные психологические механизмы, создающие иллюзию нормального существования в условиях действительного отрешения от того, что при иных условиях определялось бы как действительно важное. Таким образом, сбой в системе целеполагания превращается в источник имитации: вместо активности ради достижения блага человек демонстрирует, по мнению К. Мустакаса, активность ради активности [62].

Г. Маркузе впервые объяснил переживание одиночества процессом социальной индивидуализации, которая затрагивает труд и приводит к его сублимации под давлением буржуазной культуры, репрессивной по своей сути [208]. «Благодаря разделению труда, – пишут М. Ванг, М. Леффлер, – физические функции, выполняемые работниками, сократились до механического минимума. И так как труд в большей степени не приносит удовлетворения, то все другие желания должны быть максимально сублимированы с тем, чтобы перенаправить энергию в сторону «налогооблагаемой» деятельности – на зарабатывание денег» [266, с. 133].

По мере того, как все более отчетливо проявляется тема взаимосвязи труда и целеполагания, становится все более явственной смыслообразующая функция культуры. Именно культура, содержащая в себе систему ценностей, позволяет любому обществу формулировать цели, воплощенные в

институтах, структурах и отношениях. Можно увидеть здесь реальное взаимодействие институтов и ценностей, которое организует практики, выстраивая соотношения целей и средств, необходимых для их достижения. Роль труда в этих условиях и растет, и снижается одновременно. Труд может выступить как средство избавления от чувства одиночества, а может и, наоборот, – стимулировать его. Как отмечает А.О. Смирнова, отличительной особенностью современной жизни является всеобщая заикленность на личном успехе, что приводит к постоянному стремлению к карьерным достижениям. Люди, обеспокоенные повышением личного и социального статуса, устремлены к росту статусного потребления, перестают чувствовать гармонию с самим собой. Так рождается новый вид психической девиации, называемый трудоголизмом. Ради успеха на работе люди в большинстве своем готовы пожертвовать общением с друзьями и семьей, они считают количество зарабатываемых денег главным критерием жизненного успеха [232, с. 169-170].

Процессы социальной индивидуализации были исследованы английским философом и социологом З. Бауманом, чья книга «Индивидуализированное общество» стала первым трудом, где индивидуализация личности рассматривается как системообразующий процесс, самым радикальным образом трансформирующий социальную реальность. Смысл этой трансформации состоит, по мысли автора этой концепции, в том, что индивид оказался по-иному включен в сети социальных отношений: он стал менее зависим от мнения окружающих, и произошло это не вопреки их воле, а как-то само собой. При этом социальные связи и отношения не были разрушены, как это бывает в процессе индивидуальной или коллективной маргинализации. Все эти связи. Как и все общественно значимые институты сохранились, но они перешли в совершенно иное качество. Индивид, не будучи исключенным из системы социальных связей, стал испытывать их детерминирующее воздействие в значительно меньшей степени, чем прежде [208].

3. Бауман отмечает появление на фоне глобального хаоса обособленных локальных порядков, новые конфигурации в построении баланса между свободой и социальной безопасностью, переосмысление роли общественной критики, а также эволюцию всех базовых институтов, таких как наука, образования, государство, семья и т.п. На первое место он ставит процесс преобразования роли и места труда в индивидуализированном обществе.

В другой своей работе, названной им «Текущая современность», 3. Бауман описал новую социальную реальность как нечто текучее, то есть неспособное оказывать сопротивление воздействию со стороны индивидов [8, с. 146-147]. Институты в обществе классического модерна были жесткими потому, что они более или менее отчетливо регулировали действия людей и их взаимодействия. Социально-философское определение понятия института сводит сущность последнего к совокупности ролей и статусов, призванных удовлетворять ту или иную социальную потребность. При этом каждая роль и каждый статус должны быть интерпретированы одинаковым образом как их исполнителями, так и остальными участниками межиндивидуальных взаимодействий. Только так институты могут в обществе модерна выполнять те нормативные и регулятивные функции, которые в традиционном обществе обеспечивались их аналогами – обычаями, традициями или ритуалами.

В обществе позднего модерна, по мысли 3. Баумана, социальные институты стали «текучими» в том смысле, что выросла их способность сохранять свой функционал, не оказывая ощутимого сопротивления внешним воздействиям. Другими словами, за счет роста интерпретативной составляющей институты допускают значительно более высокий уровень ролевой и статусной вариабельности. Метафора твердого и жидкого, применяемая здесь, подчеркивает способность жидкостей и газов непрерывно изменять свою форму под внешним воздействием, что не приводит, в отличие от твердых тел к разрушению их внутренней структуры [9, с. 7].

Такое понимание современных институтов с неизбежностью ведет к столь же «текучим» образам труда и трудовых отношений. Та самая идея фриланса находит теоретическое обоснование в концепции индивидуализированного общества в двух основных перспективах: внешней и внутренней. Внутренняя перспектива задается пониманием того, что современность изменила внутренний мир человека в сторону индивидуализации – человек считает ценностью свою свободу и независимость и сам стремится к ней. Внешняя перспектива определяется изменившимися социальными и техническими возможностями, позволяющими каждому индивиду с достаточной регулярностью находить заказчиков на предлагаемые им услуги – без социальных сетей и интернета сама возможность людей быть свободными агентами была открыта для значительно меньшей доли занятых поисками работы.

Британский социолог обратил внимание на то, что незаметно для общества произошла важнейшая концептуально-ценностная трансформация, непосредственно затрагивающая сферу труда и трудовых отношений. З. Бауман пишет даже о том, что новоевропейская идея труда связана с другой не менее важной идеей современной цивилизации – идеей прогресса. Самоощущение человека Нового времени формировалось в убежденности, согласно которой человечество, ставшее на путь прогресса, само определяет свое будущее. Уверенность в том, что прогресс неизбежен, не основана ни на каких рациональных аргументах и ни на чем, помимо самой этой уверенности. Если эта уверенность ослабевает, мир сразу же превращается в зыбкий, нестабильный и непредсказуемый.

То же самое единство мира и его предсказуемость было достижимо и прежде посредством мифа. Только сейчас особенностью идеи прогресса становится мысль о коллективности и необходимости совместных усилий, делающих возможным исторический прогресс. «Работа» в этом смысле была деятельностью, – замечает З. Бауман, – которой, как предполагалось, человечество при создании своей истории занималось согласно своей судьбе

и природе, а не по свободному выбору. И таким образом, определенная "работа" становилась коллективным делом, и в нем должен был принимать участие каждый представитель человечества» [9, с. 148].

В конечном итоге британский ученый утверждает, что идея труда пережила за последние два или три столетия вначале возвышение, а затем и упадок. Действительно, все прежние цивилизации достигли пика своего благосостояния, богатства и могущества не связывая с количеством и качеством коллективного труда. Европейская цивилизация Нового времени поставила в прямую зависимость способность к накоплению, причем накоплению не столько богатств, сколько объединению трудовых усилий, совершаемых в разное время. Это накопление усилий превращает труд в одно длящееся и набирающее мощь коллективное усилие, идентичное самому прогрессу. Разумеется, концепция прогресса, рожденная эпохой европейского Просвещения и выражающая ее квинтэссенцию, сложна и многомерна. Наряду с техническим и научным прогрессом, речь в учениях просветителей шла о социальном и моральном прогрессе. Но коллективный и однонаправленный труд составлял материальную основу для прогрессивных преобразований во всех вышеназванных областях.

Говоря о возвышении труда в эпоху зарождающегося капитализма, можно отметить в качестве причины последнего марксову догадку о значении отделения рабочего от средств производства. И прежде наемный работник был отделен от орудий труда и предметов труда: земля и инвентарь для ее обработки, скот и луга для его выпаса принадлежали не тем, кто нанимался для работы. Но в прежние времена их доля не была так заметна, тогда как в большинстве своем трудящиеся были «привязаны» к земле, которую обрабатывали или являлись владельцами скота, который свободно пасли на никому не принадлежавших степных просторах. Труд в этом случае был органической частью того мира, в котором обитал человек. С приходом промышленной эры все изменилось – труд превратился в товар, который был выставлен на рынок точно так же, как и любая другая ценность, будь то

земля, завод или стадо скота. Свобода распоряжаться своим трудом и выбирать работодателя привела к возвышению труда, а затем и к его упадку в постиндустриальном обществе.

Философская рефлексия по поводу изменения сущности труда в условиях современной промышленной революции привело Э. Тоффлера к мысли об изменении казавшегося незыблемым распределения ролей производителя и потребителя. Эти два понятия в течении долгого времени наполняли смыслом отношения, складывающиеся на рынке между продавцом и покупателем на рынке. Э. Тоффлер сделал вывод о соединении этих понятий в интегральном понятии «про-ребитель» (от англ. prosumer – просьюмер). Протребителем американский философ называл человека, который сам активно участвует в производстве благ для собственных нужд. Распространения эффекта про-ребления стирает грани, разделявшие тех, кто владел средствами производства, тех, кто непосредственно был вовлечен в процессы производства и тех, кто потреблял произведенное. Своеобразным возвратом к средневековым образам ремесленника, чье жилье было продолжением собственных мастерских и цехов, становится квартира или апартаменты «самозанятого», превращая рабочее место и жилье в некое единое место, одинаково хорошо подходящее и для труда, и для релаксации.

Один из вариантов перевода термина «просьюмер» на русский язык - «производитель для себя» – позволяет лучше понять его значение и смысл. «Чтобы предсказать будущее богатства, – отмечают Э. Тоффлер и Х. Тоффлер, – необходимо учесть не только труд ради денег, но и неоплачиваемый труд, который все мы выполняем в качестве «про-ребителей» (ниже мы объясним, что имеем в виду, но многие будут потрясены, узнав, как много неоплаченной работы все мы совершаем ежедневно). Мы также рассмотрим невидимый «третий труд», который многие из нас выполняют, даже не подозревая об этом» [93, с. 16].

Мысль, которую проводил Э. Тоффлер в своей книге, заключается в том, что богатство, превратившееся в капитал в индустриальном

капиталистическом обществе, перестало быть таковым и предстало на рубеже тысячелетий в каком-то новом качестве. Постиндустриальное общество [13], называемое также обществом потребления [262], рождает систему, в которой богатству придаются новые функции. Э. Тоффлер даже применяет термин «системы богатства», что дополнительно свидетельствует о новом качестве данного явления. Более того, системы богатства представляют собой элементы более сложных и гетерогенных систем, к числу других элементов которых относятся техника, технология, образ жизни, культурные ценности, поведенческие образцы и др. Революционизирующее общество богатство изменяет все социальные институты, включая семью, образование и государство. Новые эстетические каноны и новые этические предписания не должны ставить под сомнение традиционные этические принципы, но их новая интерпретация абсолютно неизбежна.

Одним из основных направлений реинтерпретации этических принципов и построения новой этики должна стать принципиальная для нового общества ориентация на будущее. На будущее была ориентирована европейская цивилизация Нового времени, но это будущее воспринималось на протяжении столетий как последовательная реализация проекта Просвещения. Образы будущего сменяли друг друга, оставаясь при этом верными некому единому прообразу, объединявшему идеалы и ценности просветителей и опиравшемуся на идеи гуманистов и достижения научной революции. Боковой ветвью этого движения можно считать коммунистический проект, реализуемый большевиками в XX веке на развалинах Российской империи, а затем и в других регионах и странах. Коммунистическое видение будущего также опиралось на идеалы просветителей, ценности гуманизма и результаты научной революции, но их трактовка будущих социальных институтов и ценностей существенно отличалась от магистральной европейской. Общим было наличие более или менее четкого плана политических преобразований и проекта формирования

нового человека на столетия вперед. Теперь же сама готовность к изменениям превращается в центральный вектор развития человека и общества.

Все это имеет свои аналогии в живой природе, где адаптация к окружающей среде, предполагающая обеспечение теплом и питанием, – это главное условие выживания биологических организмов. Главной целью любого организма в условиях стабильности и неизменности внешнего мира является максимально успешная адаптация, когда все элементы организма подстроены под оптимизацию взаимодействия с окружающей средой. Но в условиях резких климатических изменений выживают не наиболее приспособленные к данной окружающей среде виды и особи – преимущество получают обладающие более высокой способностью к адаптации, то есть адаптируемостью.

То же самое происходит и среди людей, которые понимают опасность «глубокой» адаптации, эквивалентной узкой специализации. Те, кто могут лучше всех выполнять какую-то одну работу, как правило, не очень хорошо умеют делать что-то другое, потому что все свои силы они сконцентрировали на обретении этого первого умения. Неудивительно, что в случае исчезновения спроса на него, уникальное умение оказывается не востребованным, а его обладатели вынуждены переключаться на иные виды работ, овладеть которыми еще только предстоит. И овладеть новыми профессиями оказывается тем сложнее, чем глубже было погружение в эту ставшую вдруг ненужной профессию.

Еще одна проблема – проблема снижения мотивации к труду в быстро меняющемся мире. Рожденная стремительными переменами в сфере труда, а также институциональном порядке современного общества и, как следствие, системе ценностей, эта проблема является новой и даже неожиданной. Само понятие вынужденной мотивации является инновацией в обсуждении поведения наемного работника в современном обществе и представляется

более соответствующим историческим описаниям рабовладельческого или феодального общественного устройства.

Между тем, данный термин вводится в оборот российским исследователем Т.Г. Озерниковой, которая понимает под вынужденной мотивацией мотивацию, формирующуюся под воздействием принудительных стимулов и являющуюся одной из форм принуждения к труду [195, с. 71-75]. Современное трудовое законодательство, стремящееся защитить человека от архаичных форм принуждения к труду, не рассматривает экономическое принуждение как нечто криминальное. Более того, экономическое принуждение к труду изучается отечественными экономистами и социологами [218]. Т.Г. Озерникова называет принуждение особой системой стимулов к труду, для которой характерны угрозы, связанные с ухудшением материального положения, ограниченной свободой выбора в сфере труда и занятости и ростом зависимости от удовлетворения витальных потребностей, необходимых для обеспечения жизни. К числу разновидностей институционального принуждения к труду Т.Г. Озерникова относит экономическое, административное и социально-нормативное принуждение: «институциональные условия создают предпосылки развития технологического принуждения, которое реализуется на операциональном уровне. На операциональном уровне принуждение к труду проявляется через особенности политики менеджмента по отношению к персоналу, в том числе стиля и методов руководства, политики вознаграждений, найма и увольнения, соблюдения прав работников и предоставления социальных гарантий» [194].

Таким образом, можно констатировать «противоречивый» характер встречи труда и трудовых отношений с современностью. С одной стороны, продолжается и углубляется процесс гуманизации трудовой деятельности, связанный с облегчением тяжелого физического труда путем замены человека роботизированными системами и иной новейшей техникой. Параллельно растет набор возможностей для творческого труда, особенно в

сфере фриланса, что позволяет говорить об улучшении условий для самореализации личности. С другой стороны, набирает обороты процесс дегуманизации трудовых отношений, что проявляется в новых зависимостях человека от техники и новых возможностях работодателя контролировать, а значит и эксплуатировать своих работников. Эта оборотная сторона технического прогресса, приводящая к дегуманизации труда, позволяет говорить о вызове, который несут в себе как технические, так и социальные инновации. Как отмечает А. Зелстра, «гибкость рынка труда со сменой временных рабочих мест и безработицы приводит к отсутствию рабочей идентичности и признания мастерства, с одной стороны, и чрезмерной самомаксимализации людей, почти создающих свою идентичность *ex nihilo*, с другой стороны» [275].

Большинство людей, сталкивающихся с необходимостью адаптации в новых условиях трудовой деятельности, не готовы принять современность по причине целевых и ценностных ограничений, которые сформировались и закрепились в иных социальных, политико-правовых, хозяйственно-экономических и даже цивилизационных условиях. Как отмечает В.С. Степин, ценности современной цивилизации находятся в зависимости от развития техники, ибо сама эта цивилизация отличается от прежних главным образом тем обстоятельством, что является техногенной [87, с. 31-32].

Это значит, что российский философ видит в технике не только результат цивилизационного развития, но и его источник – техника превращается в стихию, вокруг которой рождаются, эволюционируют и наполняются содержанием все основные институты и подсистемы современного общества, такие как политика и право, экономика и культура. Таким образом, технические инновации оказывают на институты и ценности структурирующее и упорядочивающее влияние. Для подготовки к грядущим в трудовых отношениях трансформациям, необходимо быть готовым к изменению в системе ценностей, а это многими критиками современности

расценивается как требование избавляться от любых ценностей. Нетрудно видеть, что последнее невозможно в принципе, потому что в корне противоречит человеческой природе, пока человек жив, он будет чего-то желать и к чему-то стремиться. Но даже в условиях глубокой ценностной трансформации последняя вовсе не тождественна полной смене и тем более полному их исчезновению.

Трансформация всегда означает переход от одной формы к другой или, что одно и то же, транзит от одной целостной и непротиворечивой системы к другой. При этом от новой системы требуется не только целостность и непротиворечивость, но и эффективность. Техника, развитие которой детерминирует сегодня развитие цивилизации, формирует и критерии эффективности, пересмотр которых оказывается главной детерминантой труда и трудовых отношений. Каждый индивид и каждое общество наследует систему ценностей, оставленную предшественниками. Эта система всегда соответствует прежним ценностям и должна уходить вместе с ним, но не уходит потому, что по своей природе ценности обладают инерцией и, будучи приняты обществом, проходят через сознание и даже привычки отдельных его членов. Трудовые ценности и трудовая этика не составляют здесь исключения – прежние порядки мешают воплотиться новой рациональности, чему способствует упомянутая выше дегуманизация труда и трудовых отношений.

Выводы по второй главе.

В философском осмыслении феномена труда и трудовых отношений встреча с современностью, породившая «возвышение и упадок труда», сохранит свое значение и в будущем. Благодаря совместному развитию техники и общества особое значение приобретают сетевые формы организации труда, что приводит к реформированию структурных, институциональных и функциональных взаимозависимостей в обществе, в том числе и в сфере трудовых отношений. Благодаря технике новыми

красками заиграла тема сверхэксплуатации, которая оказалась не связана не только с тяжелым физическим трудом, и уже не столько с ним. Сверхэксплуатация проявилась в новых трудовых практиках, связанных с опустошающим духовный мир человека частично роботизированным манипулированием в сфере массовой культуры, то есть в сфере, которая прежде квалифицировалась как творческая.

Наряду с влиянием техники на труд, существенным фактором является экономическая детерминация, проявляющаяся в таких феноменах, как поведенческий капитализм и четвертая промышленная революция. Оба эти явления ориентированы на принципиально новые схемы управления и межличностной коммуникации в процессе производства. Особое значение приобретает цифровизация, радикально преобразующая рынок труда и всю систему отношений между работодателем и наемным работником. В этом же контексте следует рассматривать и рост объемов фриланса как формы занятости и типа труда. Все это позволяет говорить об особом этапе развития труда и трудовых отношений, являющемся одновременно и результатом, и причиной общих изменений в современном обществе.

Заключение

В заключение необходимо отметить, что процессы трансформации труда и трудовых отношений становятся все менее предсказуемыми, несмотря на создание мощных и постоянно модернизирующихся систем политического, экономического и социального прогнозирования. Проведенное исследование дает основание полагать, что технические инновации и социальные трансформации, приводящие к радикальным сдвигам в сфере труда и трудовых отношений, сами выступают мощным драйвером общественного развития. В процессе философского осмысления, научного изучения и публичного обсуждения понятия труда проделан огромный путь от его определения как деятельности к экспликации социальной сущности данного феномена. Характерное для классической социальной философии представление труда как целесообразной деятельности человека, синонимами чего выступают понятия работы, требующей умственного или физического напряжения, затраты физической или умственной энергии дополняется другими аспектами присутствия феномена труда в жизни человека и общества.

Рассмотрение труда в современной философии связано с развитием ее методов и средств, позволяющих осуществлять анализ значения и смысла трудовой деятельности. Новые средства и методы позволили социологам, экономистам, психологам, правоведам и политологам получить и подвергнуть анализу данные, которые не могли быть получены еще полвека назад. Все это создало условия для выделения трендов и демонстрации зависимостей, которые характеризуют современное состояние труда и трудовых отношений. Отдельно следует отметить различие экономического и социального подходов к осмыслению феномена труда и соответствующего понятия, вполне соответствующего характерному для XX века движению к дифференциации наук и их методов.

Отличительной особенностью современного социально-философского понимания труда является также различие двух подходов, реализуемых на философском уровне методологической рефлексии – различие социально-философского и философско-антропологического. До сих пор не решена проблема соответствия предметным рубрикам философского знания в связи с вопросом о том, можно ли расценивать это различие сдвигом философской рефлексии над понятиями труда и трудовых отношений в область философской антропологии.

Выявление философско-антропологического аспекта понятия труда отчасти связано с различием двух основных модусов понятия труда, связанных с разделением тем свободы и справедливости. Представляется оправданным понимание этих тем как взаимосвязанных и взаимно обусловленных, что не исключает и иных сфер компетенции. Таким образом, тематизация и проблематизация труда не может быть отнесена к какой-то отдельной рубрике философского знания – она имеет отношение и к онтологии, и к теории познания, и к философии техники, и к философской антропологии, и к этической философии. Но именно социальная философия выступает в роли платформы, на которой может произойти возможная интеграция и становятся доступны все основные ресурсы междисциплинарного, а также трансдисциплинарного подходов.

Анализ истории философии и культуры позволяет сделать вывод о радикальном преобразовании онтологии трудовой в Новое время, когда труд стал восприниматься как преобразующая человека и общество сила. От древних мифов и поэтических образов, в которых труд воспринимался как суровая необходимость, если не величайшее несчастье через различие праздности высших слоев и необходимости трудиться у низших слоев осуществился переход к трудовой этике современного общества, где труд обретает статус добродетели, в том числе и представителей правящей элиты. Впервые трудовое усердие, ставшее добродетелью благодаря реформации, переходит от протестантской конфессии к европейскому обществу в целом, а

следом приобретает и всемирный масштаб. При этом различие умственного и физического перестает быть тождественно дихотомии труда свободного и труда подневольного.

Понятие труда уже с позапрошлого века связывается с идеологией прогресса, причем не только научного, технического или социального, но и морального. Но только сейчас технический прогресс стал подчинять себе все остальные тотально и всеобъемляще. И сфера трудовой деятельности оказалась одной из тех, где названные изменения проявили себя с максимальным эффектом. Интенциональный анализ труда позволил установить экзистенциальный смысл труда в жизненном мире человека, а анализ системы ценностей модерна показал высокий аксиологический статус свободного труда, который мыслится и как средство самореализации личности, и как системообразующее начало в конструировании социальной реальности. Альтернатива свободного труда – труд подневольный по-прежнему представляется антиценностью и рассматривается как проявление чистой негативности. Но отличительной особенностью модерна может считаться переосмысление опыта хозяйственной деятельности, девальвирующее ценность праздности. Все это хорошо аргументирует тезис об органической связи понятия труда и понятия свободы, ставший одним из идеалов социального прогресса и социальной философии современности.

В наши дни по-прежнему актуальна максима, сформулированная в рамках философской антропологии, суть которой в том, что труд укоренен в бытии человека и его трудовая деятельность «пишет» его биографию, формирует его личность, оказывается средством обретения идентичности. Более того, последние десятилетия развития общества позволили подтвердить гипотезу, впервые выдвинутую философами почти два столетия назад. Согласно этой гипотезе организация труда и его содержание таит в себе угрозу отчуждения человека от самого себя, но при этом она же создает возможность достижения личностью полноты бытия. Данный факт, а также органичная взаимосвязь труда и свободы позволяет говорить о

системообразующей роли труда в системе ценностей современного человека. Свободный труд является необходимым и достаточным условием для самореализации личности, создает гарантии равенства индивидов в их достоинстве и правах.

Обществом и отчасти философами до конца не осознан факт трансформации представлений о справедливости, когда на первый план выходит понятие социальной справедливости, неразрывно связанное с трудом и трудовыми отношениями. Как отношения между индивидами и коллективами, так и отношения индивидов между собой воспринимаются сегодня на фоне еще одного субъекта – общества. Общество, впервые представшее в середине XIX века в качестве особой реальности, выступает в роли третьей стороны, что в корне меняет социально-философское прочтение значения и смысла труда. Более того, и значение труда и его смысл определяется сегодня не философским рассуждением, а местом и ролью в общественном сознании. Как известно, социальная философия выделяет три формы общественного сознания, каждая из которых выполняет смыслообразующую функцию по отношению к труду и трудовым отношениям и трудовой деятельности. Отсюда и новое качество, которое приобретают теории справедливости, выступающие в качестве инструмента оценки организации труда и трудовых отношений. Они не только дополняют этнокультурные и этноконфессиональные традиции, прежде безраздельно определявшие каноны интерпретации оплаты труда или его организации. Конкурирующие теории справедливости задают нормы и формулируют критерии оценки самих этнокультурных и этноконфессиональных традиций толкования справедливости применительно к сфере труда и трудовых отношений.

При философском осмыслении феномена труда важно учитывать изменения, произошедшие в доступном теоретику социально-теоретическом инструментарии. Роль труда и трудовых отношений выглядит в рамках теоретических конструкций неклассической социальной философии

совершенно иначе, чем в контексте философии классической. Современное понимание общества редуцирует его суть к понятию потребления, что нашло свое отражение в теории общества потребления или теории постиндустриального обществ. Учет этих концептуальных условий позволил сделать вывод об утрате трудом системной, структурной и функциональной нагрузки, которую он выполнял в прежних социально-философских, социологических и экономических схемах трудовой деятельности. Институционализация неравенства также приобрела новые черты, сохраняя при этом свой первоначальный смысл. Производство обыкновенных благ также дополнилось массовым производством благ символических, что позволило укрепить и модернизировать институт неравенства в обществе, где потребление существует и функционирует ради потребления, точно также как производство в тоталитарных обществах существует ради производства.

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. Российская Федерация. Законы. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года]. – Справочно-правовая система «Консультант-Плюс». – Текст : электронный. – URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 03.04.2024).
2. Российская Федерация. Законы. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (редакция от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 Часть 1. – Ст. 3. – ISSN 1560-0580.

Книги

3. Арндт, Х. *Vita activa, или О деятельной жизни* / Х. Арндт. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2000. – 437 с. – ISBN 978-5-91103-699-7.
4. Аристотель. *Сочинения в 4 томах. Том 4.* Москва : Мысль, 1984. – 830 с. – ISBN отсутствует.
5. Арон, Р. *Мнимый марксизм* / Р. Арон. – Москва : Издательская группа «Прогресс», 1993. – 384 с. – ISBN 5-01-004028-X.
6. Аткинсон, Э. *Неравенство: как с ним быть?* / Э. Аткинсон. – Москва : Дело, 2018. – 536 с. – ISBN 978-5-7749-1339-8.
7. Балибар, Э. *Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности* / Э. Балибар, И. Валлерстайн. – Москва : Логос, 2004. – 285 с. – ISBN 5-8163-0058-x.
8. Бауман, З. *Индивидуализированное общество* / З. Бауман ; перевод с английского под редакцией В.Л. Иноземцева. – Москва : Логос, 2005. – 390 с. – ISBN 5-94010-155-0.

9. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 238 с. – ISBN 978-5-469-00034-1.
10. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика / У. Бек. – Москва : Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. – 464 с. – ISBN 5-89826-286-5.
11. Бек, У. Общество риска: На пути к другому модерну / У. Бек. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с. – ISBN 5-89826-059-5.
12. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек. – Москва : Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с. – ISBN 5-89826-109-5.
13. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социологического прогнозирования / Д. Белл ; перевод с английского под редакцией В.Л. Иноземцева. – Москва : Академия, 1999. – 788 с. – ISBN 5-87444-203-0.
14. Бердяев, Н.А. Апофеоз русской лени. Мутные лики (Типы религиозной мысли в России) / Н.А. Бердяев. – Москва : Канон+, 2004. – 445 с. – ISBN 5-88373-159-7.
15. Бердяев, Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии / Н.А. Бердяев. – Москва : Республика, 1995. – 375 с. – ISBN 978-5-413-02470-6.
16. Бердяев, Н.А. Философия неравенства / Н.А. Бердяев. – Москва : ИМАПресс, 1990. – 347 с. – ISBN 5998927141.
17. Богданов, А.А. Красная звезда. (Утопия) / А.А. Богданов. – Санкт-Петербург : Товарищество Художественной Печати, 1908. – ISBN отсутствует.
18. Булгаков, С.Н. Интеллигенция и Религия. О противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения / С.Н. Булгаков. – Москва : печ. А.И. Снегиревой, 1908. – 48 с. – ISBN отсутствует.

19. Булгаков, С.Н. Православие и хозяйственная жизнь / Православие. Очерки учения православной церкви / С.Н. Булгаков. – Paris : YMCA-press, 1985. – 403 с. – ISBN 2-85065-059-5.
20. Булгаков, С.Н. Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. – New York : Chalidze publications, 1982. – 197 с. – ISBN отсутствует.
21. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / М. Вебер. – Москва, «Прогресс», 1990. – 804 с. – ISBN 5-01-001584-6.
22. Веблен, Т. Теория праздного класса краткое содержание / Т. Веблен. – Москва : Прогресс, 1984. – 367 с. – ISBN 978-5-17-152181-3.
23. Вейдле, В.В. Задача России / В.В. Вейдле. – Минск : Белорусская Православная Церковь, 2011. – 512 с. – ISBN 978-985-511-333-2.
24. Гальцева, Р.А. Очерки русской утопической мысли XX века / Р.А. Гальцева. – Москва : Наука, 1992. – 208 с. – ISBN 5-02-008057-8.
25. Гастев, А.К. Как надо работать. Как надо работать: Практическое введение в науку организации труда / А.К. Гастев. – Москва : URSS, 2020. – 480 с. – ISBN 978-5-97-107907-1.
26. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 477 с. – ISBN 5-02-028169-7.
27. Гесиод. Полное собрание текстов / Гесиод. – Вступительная статья В.Н. Ярхо. Комментарии О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. – Москва : Лабиринт, 2001. — 256 с. – ISBN 5-87604-087-8.
28. Гимпельсон, В. Нестандартная занятость и российский рынок труда / В. Гимпельсон. – Москва : ГУ ВШЭ, 2005. – 245 с. – ISBN 5-7598-0314-X.
29. Грэттон, Л. Будущее работы. Что нужно делать сегодня, чтобы быть востребованным завтра / Л. Грэттон. – Москва : Альпина Паблишер, 2012. – 252 с. – ISBN 978-5-9614-1724-1.

30. Давыдов, Ю.Н. Труд и искусство: избранные сочинения / Ю.Н. Давыдов ; составитель В.В. Сапов. – Москва : Астрель, 2008. – 670 с. – ISBN 978-5-271-19394-1.
31. Давыдов, Ю.Н. Труд и свобода / Ю.Н. Давыдов. – Избранные сочинения. – Москва : Астрель, 2008. – 672 с. – ISBN 978-5-271-19394-1.
32. Замятин, Е.И. МЫ / Е.И. Замятин. – New York City : Inter-Language Literary Associates, 1967. – 225 с. – ISBN отсутствует.
33. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты: коллективная монография / К.В. Патырбаева, В.В. Козлов, Е.Ю. Мазур [и др.] ; научный редактор К.В. Патырбаева. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. – 250 с. – 300 экз. – ISBN 978-5-7944-1837-8.
34. Каган, М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа) / М.С. Каган. – Москва : Политиздат, 1974. – 328 с. – ISBN отсутствует.
35. Кагарлицкий, Б. Восстание среднего класса / Б. Кагарлицкий. – Москва : Алгоритм, ЭКСМО, 2012. – 224 с. – ISBN 5-98042-011-8.
36. Кагарлицкий, Б. Марксизм: не рекомендовано для обучения / Б. Кагарлицкий. – Москва : Алгоритм - ЭКСМО, 2005. – 480 с. – ISBN 5-699-13846-3.
37. Кант, И. Собрание сочинений в 8-ми томах. Том 7 / И. Кант. – Москва : Чоро, 1994. – 494 с. – ISBN 5-8497-0007-2.
38. Кант, И. Собрание сочинений в 8-ми томах. Том 4 / И. Кант. – Москва : Чоро, 1994. – 629 с. – ISBN 5-8497-0004-8.
39. Кант, И. Трактаты и письма / И. Кант. – Москва : Наука, 1980. – 709 с. – ISBN 978-5-458-31237-0.
40. Капп, Э. Роль орудия в развитии человека / Э. Капп, Л. Нуаре, А. Эспинас. – Ленинград : Прибой, 1925. – 188 с. – ISBN отсутствует.
41. Капустин, Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе / Б.Г. Капустин. – Москва : Издательский дом «Территория будущего»,

2010. – (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»).
— 424 с. – ISBN 978-5-91129-059-7.

42. Кастель, Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда / Р. Кастель. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – 574 с. – ISBN 978-5-91419-151-8.

43. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000. – 607 с. – ISBN 5-7598-0069-8.

44. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе / М. Кастельс. – Москва : Academia, 1999. – С. 492-505. – ISBN 9783844351002.

45. Келле, В.Ж. Деятельность и общественные отношения / В.Ж. Келле. – Деятельность: теория, методология, проблемы : сборник ; составитель И.Т. Касавин. – Москва : Политиздат, 1990. – 365 с. – ISBN 5-250-00729-5.

46. Кляйн, Н. NO LOGO. Люди против брэндов / Н. Кляйн. – Москва : Litres, 2014. – 624 с. – ISBN 978-5-98-124388-2.

47. Кузьминов, Я.И. Отчуждение труда: история и современность / Я.И. Кузьминов, Э.С. Набиулина, В.В. Радаев [и др.]. – Москва : Экономика, 1989. – 287 с. – ISBN 5-282-00079-2.

48. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу ; под редакцией Л. Харрисона и С. Хантингтона. – Москва : Московская школа политических исследований, 2002. – 320 с. – ISBN 5-93895-037-6.

49. Ландес, Д. Культура имеет значение : Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Д. Ландес. – Москва : Московская школа политических исследований, 2002. – 315 с. – ISBN 978-5-93895-037-5.

50. Лекторский, В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с. – ISBN 5-8360-0225-8.

51. Локк, Дж. Сочинения: В 3 томах. Том 1 / Дж. Локк. – Москва : Мысль, 1988. – 621 с. – ISBN отсутствует.
52. Лосев, А.Ф. История античной философии в конспективном изложении / А.Ф. Лосев. — Москва : Мысль, 1989. – 204 с. – ISBN 5-244-00264-3.
53. Лосский, Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский. – Москва : Ключ, 1990. – 96 с. – ISBN 5-7082-0001-4.
54. Луман Н.Л. Общество как социальная система / Н.Л. Луман. – Москва : Логос, 2004. – 232 с. – ISBN 5-8163-0061-X.
55. Мамардашвили, М.К. Классика и современность. Две эпохи в развитии буржуазной философии / М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев, В.С. Швырев. – Философия в современном мире. – Москва : Наука, 1972. – С. 147-206. – ISBN 978-5-389-01166-3.
56. Марков, Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры / Б.В. Марков. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1999. – 296 с. – ISBN 5-89329-141-7.
57. Маркс, К. Избранные сочинения : в 9 томах. Том 7 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Политиздат, 1987. – 811 с. – ISBN 5-250-00224-2.
58. Маркс, К. К Критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения ; издание второе. Том тринадцатый. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1959. – 770 с. – ISBN отсутствует.
59. Маркузе, Г. Критическая теория общества: избранные работы по философии и социальной критике / Г. Маркузе. – Москва : АСТ-Астрель, 2011. – 382 с. – ISBN 978-5-17-066742-0.
60. Мор, Т. Избранные сочинения / Т. Мор. – Москва : Наука, 1978. – 415 с. – ISBN отсутствует.
61. Мор, Т. Утопия / Т. Мор. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1953. – 296 с. – ISBN отсутствует.

62. Мустакас, К. Игровая терапия / К. Мустакас. – Санкт-Петербург : Речь, 2003. – 282 с. – ISBN 5-9268-0025-0.
63. Нейсбит, Д. Мегатренды / Д. Нейсбит. – Москва : Издательство АСТ-Ермак, 2003. – 380 с. – ISBN 5-17-017536-1.
64. Никифоров, А.Л. Соотношение рациональности и свободы в человеческой деятельности / А.Л. Никифоров // Исторические типы рациональности / под редакцией В.А. Лекторского. – Том 1. – Москва : ИФ РАН, 1995. – 350 с. – ISBN 5-201-01891-2.
65. Озерникова, Т.Г. Особенности трудовой мотивации в переходной экономике / Т.Г. Озерникова. – Иркутск : Издательство ИГЭА, 2001. – 278 с. – ISBN 5725306194.
66. Осипов, Г.В. Институциональная социология // Современная западная социология / Г.В. Осипов, А.И. Кравченко // Словарь. – Москва, 1990. – 524 с. – ISBN 5-382-00327-6.
67. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Москва : Академический Проект, 2000. – 880 с. – ISBN 5-82-912254-6.
68. Петти, В. Политическая арифметика / В. Петти // Экономические и статистические работы / перевод под редакцией д.э.н. М. Смит. – Москва : Соцэкгиз, 1940. – 324 с. – ISBN отсутствует.
69. Пинк, Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки / Д. Пинк. – Москва : Секрет фирмы, 2006. – 328 с. – ISBN 5-98888-002-9.
70. Платон. Собрание сочинений в 3 томах. Том 3 / Платон. – Москва : Мысль, 1971. – 685 с. – ISBN отсутствует.
71. Платонов, О.А. Русский труд / О.А. Платонов. – Москва : Современник, 1991. – 335 с. – ISBN 5-270-01281-2.
72. Поппер, К. Ницета историцизма / К. Поппер. – Москва : Прогресс, 1993. – 193 с. – ISBN 5-01-003881-1.
73. Портер, М. Установки, ценности, убеждения и макроэкономика процветания / Культура имеет значение : Каким образом ценности

способствуют общественному прогрессу / М. Портер. – Москва : Московская школа политических исследований, 2002. – С. 55-74. – ISBN 5-93895-037-6.

74. Радаев, В.В. Экономическая социология / В.В. Радаев. – Москва : Аспект Пресс, 1998. – 366 с. – ISBN 5-7567-0195-8.

75. Рансьер, Ж. Несогласие: Политика и философия / Ж. Рансьер. – Санкт-Петербург : Machina, 2013. – 192 с. – ISBN 978-5-90141-106-3.

76. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Сочинения. Том 1. / Д. Рикардо. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1955. – 360 с. – ISBN 978-5-699-18745-4.

77. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1995. – 536 с. – ISBN 5-7615-0365-4.

78. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.Ж. Руссо. – Москва : КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 414 с. – ISBN 5-87533-113-5.

79. Сартр, Ж.-П. Тошнота / Ж.-П. Сартр. – Москва : АСТ, 2014. – 320 с. – ISBN 9785171501570.

80. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр. – Москва : Политиздат, 1989. – 398 с.

81. Сафрански, Р. Хайдеггер: германский мастер и его время / Р. Сафрански. – Москва : Молодая гвардия, 2002. – 612 с. – ISBN 5-235-02512-1.

82. Симонова, С.А. Архитектоника культуры: проблемы этико-эстетического синтеза / С.А. Симонова. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2008. – 217 с. – ISBN 978-5-9273-1373-0.

83. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – Москва : Эксмо, 2016. – 1056 с. – ISBN 978-5-699-84994-9.

84. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов Кн. I-III / А. Смит. – Москва : Наука, 1992. – 572 с. – ISBN 978-5-699-18389-0.

85. Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьев // Сочинения: в 2 томах. Том I. – Москва, 1988. – 656 с. – ISBN 978-5-4261-0002-2.
86. Социологическая энциклопедия: В 2 томах. Том 2 / национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин ; главный редактор В.Н. Иванов. – Москва : Мысль, 2003. – 669 с. – ISBN 5-244-01015-8.
87. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – Москва : Прогресс-Традиция, 1999. – 380 с. – ISBN 5-89826-053-6.
88. Степин, В.С. Философская антропология и философия науки / В.С. Степин. – Москва : Высшая школа, 1992. – 191 с. – ISBN 5-06-003010-5.
89. Стэндинг, Г. Прекариат: новый опасный класс / Г. Стэндинг. – «Ад Маргинем Пресс», 2011. – 218 с. – ISBN 978-5-91103-209-8.
90. Сысоев, Т.А. Рецензия на книгу : Взгляд из России: размышления о мужестве лени и безделья. Труд и его судьба / Т.А. Сысоев. – Москва : Издательство МГУ, 2017. – 182 с. – ISBN отсутствует.
91. Томпсон, Дж.Б. Идеология и современная культура / Дж.Б. Томпсон // Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования : хрестоматия. – Москва : Аванта плюс, 2003. – С. 257–265. – ISBN 9780745600826.
92. Тоффлер, Э. На пороге будущего // Американская модель: с будущим в конфликте / Э. Тоффлер. – Москва : Прогресс, 1984. – 254 с. – ISBN отсутствует.
93. Тоффлер, Э. Революционное богатство / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – Москва : АСТ-Москва, 2008. – 569 с. – ISBN 978-5-9713-6749-9.
94. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 400 с. – ISBN 9785756703429.
95. Федотова, В.Г. Хорошее общество / В.Г. Федотова. – Москва : Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с. – ISBN 5 89826 2474.

96. Фролов, И.Т. Пирамиду наук необходимо перевернуть – в основании должна лежать наука о человеке: Интервью с академиком РАН Иваном Фроловым / И.Т. Фролов. – Москва : Университетская книга, 1998. – С. 10-14. – ISBN отсутствует.
97. Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм // Забытый язык. Иметь или быть? – Москва : АСТ-Москва, 2009. – 442 с. – ISBN 978-5-17-056685-3.
98. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Санкт-Петербург : А-сад, 1994. – 405 с. – ISBN 5-85962-021-7.
99. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – Москва : Издательство «Весь Мир», 2003. – 416 с. – ISBN 978-5-7777-0423-8.
100. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Москва : Ad Marginem, 1997. – 451 с. – ISBN 5-88059-021-6.
101. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие. – Санкт-Петербург : «Наука», 2007. – 620 с. – ISBN 978-5-02-026925-5.
102. Хайдеггер, М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие. Статьи и выступления. – Москва : Республика, 1993. – 445 с. – ISBN 5-250-01496-8.
103. Хевеши, М.А. Антикапиталистический бунт «новых левых» / От абсолюта свободы к романтике равенства (из истории политической философии) / М.А. Хевеши. – Москва : ИФРАН, 1994. – 212 с. – ISBN 5-201-01849-1.
104. Хейзинга, Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга – Москва : Издательская группа «Прогресс», «Прогресс - Академия», 1992. – 464 с. – ISBN 5-01-002053.
105. Хмелев, В.В. Сервис в системе политики / В.В. Хмелев. – Шахты : ЮРГУЭС, 1998. – 205 с. – ISBN 5-87545-085-1.
106. Хомяков, А.С. О старом и новом. Статьи и очерки / А.С. Хомяков. – Москва : Современник, 1988. – 461 с. – ISBN 5-270-00316-3.

107. Чангли, И.И. Труд: Социологические аспекты теории и методологии исследования / И.И. Чангли. – Москва : Центр социального прогнозирования, 2002. – ISBN 978-5-900229-48-3.
108. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – Москва : Эксмо, 2016. – 138 с. – ISBN 978-5-699-90556-0.
109. Шинкаренко, В.Д. Смысловая структура социокультурного пространства: игра, ритуал, магия / В.Д. Шинкаренко. – Москва : КомКнига, 2005. – 232 с. – ISBN 5-484-00252-4.
110. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Москва : Мысль, 1993. – 593 с. – ISBN 5-244-00656-8.
111. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2. / О. Шпенглер. – Москва : Мысль, 1998. – 606 с. – ISBN 5-244-00656-8.
112. Шпенглер, О. Человек и техника / О. Шпенглер // Культурология. XX век. Антология. – Москва : Юрист, 1995. – 703 с. – ISBN 5-7357-0044-8.
113. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1056 с. – ISBN 5-8243-0513-7.
114. Щеглов, Б.С. Социальная рациональность в контексте современной эпистемологии / Б.С. Щеглов // Человек и общество: на рубеже тысячелетий. – Воронеж, 2004. – 255 с. – ISBN 5-88519-219-7.
115. Экономическая психология ; под редакцией И.В. Андреевой. – Санкт-Петербург, 2000. – 511 с. – ISBN 5-272-00273-3.
116. Элиаде, М. Аспекты мифа / Перевод с французского / М. Элиаде. – Москва : Инвест-ППП, 1995. – 238 с. – ISBN 5-87538-006-3.
117. Элиас, Н. Общество инвалидов / Н. Элиас. – Москва : Праксис, 2001. – 331 с. – ISBN 5-901574-01-X.

118. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // Сочинения. Том 21. – Москва : Политиздат, 1970. – 181 с. – ISBN отсутствует.
119. Юм, Д. Сочинения / Д. Юм. – Москва : Мысль, 1996. – В двух томах. Том 1. – 799 с. – ISBN 5-244-00763-7.
120. Юнгер, Ф.Г. Совершенство техники / Ф.Г. Юнгер // Совершенство техники. Машина и собственность. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2002. – 564 с. – ISBN 5-93615-014-3.
121. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер. – Москва : Наука, 2002. – 539 с. – ISBN 978-5-02026-781-7.
122. Ядов, В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения / В.А. Ядов // Методические проблемы социальной психологии. – Москва : Наука, 1975. – 480 с. – ISBN отсутствует.
123. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом. – Москва : Класс, 1999. – 576 с. – ISBN 5-86375-106-1.
124. Яценко, А.И. Целеполагание и идеалы / А.И. Яценко ; АН УССР, Институт философии. – Киев : Наук. думка, 1977. – 275 с. – ISBN отсутствует.

Монографии

125. Корякин, В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс : монография / В.В. Корякин. – Пермь : Издательство Пермского университета, 2008. – Часть 1. – 418 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-7944-1144-7.
126. Корякин, В.В. Труд и единый закономерный исторический процесс : монография / В.В. Корякин. – Пермь : Издательство Пермского университета, 2008. – Часть 2. – 340 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-7944-1144-7.
127. Чангли, И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования : монография. Издание 4-е / И.И. Чангли. – Москва : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. – 608 с. – 600 экз. – ISBN 978-5-900229-48-3.

Диссертации

128. Колодыко, Н.Г. Повседневное рациональное действие: понятие, виды, роль в развитии общества : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Колодыко Наталья Геннадьевна ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону, 2008. – 140 с. – Библиогр.: с. 130-140.

129. Омельченко, Е.Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX-XXI вв. : специальность 22.00.06 «Социология культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Омельченко Елена Леонидовна ; Институт социологии РАН. – Москва, 2004. – 366 с. – Библиогр.: с. 321-366.

130. Полетаева, О.В. Фрилансеры в составе класса наемных работников: профессиональные характеристики и статусные позиции : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Полетаева Ольга Владимировна ; Пензенский государственный университет. – Пенза, 2011. – 164 с. – Библиогр.: с. 135-164.

131. Феденева, Р.М. Технологизация как фактор совершенствования управленческой деятельности менеджеров : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Феденева Рита Михайловна ; Оренбургский государственный педагогический университет. – Оренбург, 2000. – 220 с. – Библиогр.: с. 177-192.

132. Фофанов, Р.Ю. Образ человека-созидателя будущего : специальность 09.00.13 «Философия и история религии, философская антропология, философия культуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Фофанов Роман Юрьевич ; Нижегородский государственный педагогический университет имени

Кузьмы Минина (Мининский университет). – Нижний Новгород, 2018. – 196 с. – Библиогр.: с. 174-196.

Статьи

133. Агински, В. Роман Замятина «Мы» в контексте произведений и идей Пролеткульта / В. Агински // Русский язык за рубежом. – 2002. – № 4. – С. 84-90. – ISSN 0131-615X.

134. Андреев, Г.С. Роль труда и его идеал в истории утопических идей: культурфилософский анализ / Г.С. Андреев // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 2. – С. 63-66. – ISSN 2223-6449.

135. Аникин, В.А. Социальные классы новой России – неравные и разные / В.А. Аникин // Социологические исследования. – 2020. – № 2. – С. 31-42. – ISSN 0132-1625.

136. Анисимов, Р.И. Труд в эпоху неопределенности / Р.И. Анисимов // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 44-52. – ISSN 0132-1625.

137. Арора, П. Фабрика досуга: производство в цифровой век / П. Арора // Логос. – 2015. – № 3. – С. 88–120. – ISSN 0869-5377.

138. Ашкеров, А.Ю. Философия труда / А.Ю. Ашкеров // Социологическое обозрение. – 2003. – № 2. Том 3. – С. 50–70. – ISSN 1728-192X.

139. Барковский, Г.Ф. Этико-философские основания хозяйственно-экономической деятельности человека / Г.Ф. Барковский // Философия права. – 2010. – № 5. – С. 49-52. – ISSN 1817-7085.

140. Бек, У. Космополитическое общество и его враги / У. Бек // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – № 1. Том 6. – С. 24-53. – ISSN 1029-8053.

141. Бекарев, А.М. Организационные изменения в терминах автопоэзиса / А.М. Бекарев, Н.И. Тюрина // Вопросы управления. – 2018. – № 6 (55). – С. 84-90. – ISSN 2304-3369.

142. Беляева, Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство / Л.А. Беляева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2010. – № 3 (97). – С. 18-46. – ISSN 2219-5467.

143. Ван дер Линден, М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения / М. Ван дер Линден // Социальная история. Ежегодник. – Москва. – 2000. – С. 212-213. – ISSN 1562-2495.

144. Воденко, К.В. Институциональные основы национальной российской государственной политики в сфере развития профессионально-квалификационного и инновационного потенциала молодежи / К.В. Воденко, С.В. Фатеева, О.С. Иванченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 10. – С. 30-35. – ISSN 1562-2495.

145. Волков, Ю.Г. Креативный класс в российском обществе: тенденции и перспективы гуманистической идеологии / Ю.Г. Волков // Власть. – 2012. – № 1. – С. 61-65. – ISSN 2071-5358.

146. Гальцева, Р.А. К вопросу об утопии / Р.А. Гальцева // Культурология. – 2016. – № 3 (78). – С. 51-55. – ISSN 2073-5588.

147. Годелье, М. Азиатский способ производства: стимулирующий концепт с ограниченным аналитическим значением / М. Годелье // Общество. Среда. Развитие. – 2007. – № 1. – С. 3-19. – ISSN 1997-5996.

148. Гончаров, И.А. Труд и свобода в марксистской и либеральной традициях / И.А. Гончаров // Журнал социологии и социальной антропологии, 2018. – № 21. – С. 209-219. – ISSN 1029-8053.

149. Горц, А. Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний / А. Горц // Логос. – 2007. – № 4 (61). – С. 5-63. – ISSN 0869-5377.

150. Григорова, Я.В. Проблема прекаризации современных форм труда / Я.В. Григорова // Философия хозяйства. – 2014. – № 5. – С. 159-164. – ISSN 2073-6118.

151. Григорова, Я.В. Проблема труда в философии постопераизма / Я.В. Григорова // Философия хозяйства. – 2015. – № 2. – С. 46-50. – ISSN 2073-6118.

152. Григорова, Я.В. Трансформация труда в постиндустриальном обществе. Новые формы угнетения / Я.В. Григорова // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2012. – № 5. – С. 34-39. – ISSN 2687-0266.

153. Григорова, Я.В. Трансформация труда и новые формы эксплуатации творческой деятельности / Я.В. Григорова // Личность. Культура. Общество. – 2012.– № 3. Том 14. – С. 204-208. – ISSN 1606-951X.

154. Губанов, Н.И. Сущность риска и его виды / Н.И. Губанов, Н.Н. Губанов // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. – 2017.– № 4. Том 6. – С. 79-85. – ISSN отсутствует.

155. Губанов, Н.Н. Контингентный характер рискованного поведения и его детерминация / Н.Н. Губанов, Н.И. Губанов, И.В. Денисова [и др.] // Гуманитарный вестник (МГТУ им. Н.Э. Баумана). – 2018. – № 12. – С. 1-18. – ISSN отсутствует.

156. Давыдов, Д. Трансгуманистическая «смерть» марксизма? / Д. Давыдов // Вопросы философии. – 2020. – № 3. – С. 54–64. – ISSN 0042-8744.

157. Дмитриевич, А.И. Одиночество в толпе / А.И. Дмитриевич, Л.В. Курбатова // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2019. – Том 1. – С. 180-186. – ISBN 978-5-398-01461-7.

158. Дыдров, А.А. Постнеклассическая наука в свете адаптации человека к будущему / А.А. Дыдров // Философия и культура. – 2016. – № 4. – С. 497-505. – ISSN 2454-0757.

159. Жаров, С.Н. Модернизация России как проблема цивилизации и культуры / С.Н. Жаров // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2016. – № 3 (21). – С. 42–49. – ISSN 0234-5439.

160. Зараева, Л. О некоторых западных теориях справедливости / Л. Зараева // Власть. – 2007. – № 8. – С. 67-70. – ISSN 2071-5358.

161. Зубащенко, Я.В. Метафизика труда в русской философии / Я.В. Зубащенко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2017. – № 2. – С. 88-95. – ISSN 0234-5439.

162. Ивлев, В.Ю. Дискурсы биополитики и безопасности человека в условиях новых вызовов и угроз человечеству / В.Ю. Ивлев, М.А. Кукарцева, Н.Н. Новик // Вопросы философии. – 2021. – № 2. – С. 42 – 52. – ISSN 0042-8744.

163. Иноземцев, В.А. Влияние информатизации и развития информационно-коммуникационных технологий на формирование новой социальной реальности / В.А. Иноземцев, В.Ю. Ивлев, Ю.В. Иноземцева // Гуманитарный вестник. – 2020. – № 4. – С. 1-15. – ISSN 1818796X.

164. Интервью Г. Раунига. Машинный поворот: изобретение вместо методологии // Журнал исследований культуры. – 2012. – № 1 (6). – С. 84-88. – ISSN 2079-1100.

165. Кастель, Р. Конец эпохи постоянного найма: правда или вредный миф? / Р. Кастель // Отечественные записки. – 2003. – № 3. – С. 1-15. – ISSN 1683-5581.

166. Кафтан, В.В. Формирование профессиональной культуры молодежи в условиях цифровой экономики: зарубежный и отечественный опыт / В.В. Кафтан // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – № 1 (37). – С. 24-31. –ISSN 2226-7867.

167. Киященко, Л.П. Этнос постнеклассической науки (к постановке проблемы) / Л.П. Киященко // Философия науки. – 2005. – № 1. Том 11. – С. 29-53. – ISSN 1560-7488.

168. Климов, Е.А. Человек как субъект труда и проблемы психологии / Е.А. Климов // Вопросы психологии. – 1984. – № 4. – С. 5-14. – ISSN 0042-8841.

169. Кожурин, А.Я. Конфликт принципов «труда» и «рождения» в философии XIX-XX веков / А.Я. Кожурин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2005. – № 11. – С. 7-15. – ISSN 1992-6464.

170. Кожурин, А.Я. Столкновение принципов «труда» и «рождения» в рамках новоевропейской культуры / А.Я. Кожурин // Человек в современном мире. Материалы всероссийской конференции «Философия человека. Современная культура. Общественные коммуникации». Федеральное агентство по образованию, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Герценовское философское общество, Факультет философии человека ; ответственный редактор В.А. Рабош. – 2004. – С. 75-94. – ISBN отсутствует.

171. Козлова, Т.З. Проблема солидарности в трех социологических традициях / Т.З. Козлова // Социологические исследования. – 1997. – № 5. – С. 116-119. – ISSN 0132-1625.

172. Корняков, В.И. Тсс... Вот придет-войдет творческий труд... / В.И. Корняков // Философия хозяйства. – 2005 – № 1. – С. 173-196. – ISSN 2073-6118.

173. Корсани, А. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме / А. Корсани // Логос. – 2007. – № 4 (61). – С. 123-143. – ISSN 0869-5377.

174. Корсани, А. Трансформация труда и его темпоральностей / А. Корсани // Логос. – 2015. – № 3 (105). Том 25. – С. 72–88. – ISSN 0869-5377.
175. Корякин, В.В. Современный мир и философия / В.В. Корякин // Новые идеи в философии. – Выпуск 21: Философия как инновационный фактор науки и образования: межвузовский сборник научных трудов / Пермский государственный национально-исследовательский университет. – Пермь. – 2013. – С. 11-30. – ISSN 2076-0590.
176. Костина, А.В. Культура информационного общества: тенденции и противоречия развития / А.В. Костина // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2009. – № 3 (24). – С. 72-98. – ISSN 2413-2217.
177. Кравченко, А.И. Философия труда Ю.Н. Давыдова / А.И. Кравченко // Философия и общество. – 2016. – № 3. – С. 57–67. – ISSN 1681-4339.
178. Кузнецов, В.Ю. Классические и неклассические стратегии философии / В.Ю. Кузнецов // Идеи и идеалы. – 2013. – № 1 (15) Том 1. – С. 39-48. – ISSN 2075-0862.
179. Куликов, В. Концептуальные основы современной экономики труда / В. Куликов // Российский экономический журнал. – 2000. – № 11-12. – С. 56-67. – ISSN 0130-9757.
180. Лаззарато, М. Нематериальный труд / М. Лаззарато // Художественный журнал. – 2008. – № 69. – С. 54-64. – ISSN 0869-4397.
181. Лаззарато, М. Предприятие и неомонадология / М. Лаззарато // Логос. – № 4 (61). – 2007. – С. 168-198. – ISSN 0869-5377.
182. Левада, Ю.А. «Человек советский: проблема реконструкции исходных форм / Ю.А. Левада // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – 2001. – № 2. – С. 11–12. – ISSN 2219-5467.

183. Леонов, В.А. Роман-антиутопия: типологический аспект (на примере романа «Дивергент») / В.А. Леонов, Л.Г. Мериакри // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык.* – 2015. – № 2. – С. 287-295. – ISSN 2312-1327.
184. Майнбергер, Г.К. Единый разум и многообразие рациональностей / Г.К. Майнбергер // *Вопросы философии.* – 1997. – № 9. – С. 57-66. – ISSN 0042-8744.
185. Мамардашвили, М.К. Классическая и современная буржуазная философия / М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев, В.С. Швырев // *Классический и неклассический идеалы рациональности // Логос.* – 2004. – С. 147–207. – ISSN 0869-5377.
186. Мамытов, Е.Г. К определению содержания понятия «социально-трудовые отношения» / Е.Г. Мамытов // *Российский экономический журнал.* – 2007. – № 7-8. – С. 85-89. – ISSN 0130-9757.
187. Марков, Б.В. Образ человека в постантропологическую эпоху / Б.В. Марков // *Вопросы философии.* – 2011. – № 2. – С. 23-33. – ISSN 0042-8744.
188. Мартыянов, В.С. Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда? / В.С. Мартыянов // *Социологические исследования.* – 2017. – № 5 (397). – С. 141-153. – ISSN 0132-1625.
189. Махаматов, Т.М. Философская культура и профессиональная деятельность / Т.М. Махаматов, Т.Т. Махаматов // *Гуманитарный вестник.* – 2016. – № 9 (47). – С. 1-10. – ISSN 1818796X.
190. Маяцкий, М. Otium для никого? / М. Маяцкий // *Логос.* – 2015. – № 3 (105). Том 25. – С. 46–51. – ISSN 0869-5377.
191. Наумов, П.Ю. Справедливость сегодня: нелегкий выбор между распределением и признанием. Статья вторая / П.Ю. Наумов, С.Г. Чукин // *Идеи и идеалы.* – 2016. – № 3 (1). – С. 81-92. – ISSN 2075-0862.

192. Наумов, П.Ю. Справедливость сегодня: нелегкий выбор между распределением и признанием. Статья первая / П.Ю. Наумов, С.Г. Чукин // Идеи и идеалы. – 2015. – № 2 (1). – С. 46-58. – ISSN 2075-0862.

193. Нерсесянц, В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция / В.С. Нерсесянц // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3-15. – ISSN 0042-8744.

194. Озерникова, Т. Принуждение к труду в переходной экономике / Т. Озерникова // Вопросы экономики. – 2003. – № 9. – С. 100-110. – ISSN 0042-8736.

195. Озерникова, Т.Г. Мотивация и конкурентоспособность работников: проблемы взаимосвязи / Т. Озерникова // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2005. – № 1. – С. 71-75. – ISSN 1993-3541.

196. Ореховская, Н.А. Возможность достижения социального равенства для инвалидов / Н.А. Ореховская // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 2. – С. 136-140. – ISSN 0869-8120.

197. Ореховская, Н.А. Массовое сознание россиян (геополитические и этнические корни) / Н.А. Ореховская // Власть. – 2009. – № 9. – С. 73-76. – ISSN 2071-5358.

198. Ореховская, Н.А. Молодежная безработица: социально-философский анализ / Н.А. Ореховская // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 4. – С. 169-176. – ISSN 0869-8120.

199. Ореховская, Н.А. Современная российская молодежь и вызовы глобализации / Н.А. Ореховская // Гуманитарий Юга России. – 2018. – № 2. Том 7. – С. 28-35. – ISSN 2227-8656.

200. Ореховская, Н.А. Традиционные ценности и новые коммуникативные практики как факторы влияния на стабильность российского общества / Н.А. Ореховская // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 5 (109). – С. 32-37. – ISSN 2221-2787.

201. Осипов, Ю.М. Философия хозяйства / Ю.М. Осипов // Философия хозяйства. – 2006. – № 1 (43). – С. 11–29. – ISSN 2073-6118.

202. Павленок, П.Д. Концепции взаимосвязи сервиса, социального обслуживания и социальной работы / П.Д. Павленок // Теоретические и прикладные проблемы сервиса. – 2001. – № 1. – С. 70-72. – ISSN 1815-218X.

203. Панкратов, А.С. Трудовой потенциал: социально-экономические аспекты управления процессом его воспроизводства / А.С. Панкратов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 1999. – № 3. – С. 80-89. – ISSN 1029-3736.

204. Пржиленская, Ю.Г. К вопросу об эволюции осмысления труда в философской антропологии / Ю.Г. Пржиленская // Современное образование: векторы развития. Социально-гуманитарное знание и общество : материалы VII конференции с международным участием, посвященной 150-летию МПГУ ; под общей редакцией М.М. Мусарского [и др.]. – Москва : МПГУ, 2022. – С. 334-338. – 668 с. – ISBN 978-5-4263-1191-6. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_52690808_41203591.pdf (дата обращения: 05.06.2024).

205. Пржиленская, Ю.Г. Осмысление труда русскими философами конца XIX – начала XX в. в антропологической перспективе / Ю.Г. Пржиленская // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды : сборник докладов VIII Московского юридического форума : в 5 частях. Часть 1. – Москва : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. – С. 217-221. – 376 с. – ISBN 978-5-906685-74-2.

206. Пржиленская, Ю.Г. Понятие труда в классической и современной социальной философии / Ю.Г. Пржиленская // Гуманитарный вестник. – 2020. – № 4 (84). – ISSN 2306-8477. – Текст : электронный. – DOI 10.18698/2306-8477-2020-4-671. – URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/671.html> (дата обращения: 05.06.2024).

207. Пржиленская, Ю.Г. Понятие труда в социально-философском дискурсе XIX-XX вв. / Ю.Г. Пржиленская // Философская мысль. – 2021. – № 4. – С. 55-65. – ISSN 2409-8728. – Текст : электронный. – DOI 10.25136/2409-8728.2021.4.33988. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33988 (дата обращения: 05.06.2024).

208. Пржиленская, Ю.Г. Социально-философский анализ труда в контексте перехода к новому технологическому укладу / Ю.Г. Пржиленская // Гуманитарный вестник. – 2021. – № 2 (88). – ISSN 2306-8477. – Текст : электронный. – DOI 10.18698/2306-8477-2021-2-717. – URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/717.html> (дата обращения: 05.06.2024).

209. Пржиленская, Ю.Г. Труд и трудовые отношения в горизонте междисциплинарных исследований / Ю.Г. Пржиленская // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2022. – № 2 (214). – С. 10-19. – ISSN 2687-0770.

210. Пржиленская, Ю.Г. Трудовая этика и справедливость в социально-философских концепциях XX века / Ю.Г. Пржиленская // Философия. История. Образование. – 2023. – № 2 (8). – ISSN 2782-4551. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54683173_94032723.pdf (дата обращения: 05.06.2024).

211. Пржиленская, Ю.Г. Феномен труда в неклассической социально-философской рефлексии / Ю.Г. Пржиленская // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 5 (109). – С. 118-126. – ISSN 2221-2787.

212. Пржиленская, Ю.Г. Философское осмысление феномена труда в антропологической перспективе / Ю.Г. Пржиленская // Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития : материалы Всероссийской конференции ; под редакцией С.Е. Шиянова, А.П. Федоровского. – Ставрополь : АНО ВО СКСИ, 2021. – С. 134-137. –

414 с. – ISBN 978-5-6046273-2-7. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46467140_82929665.pdf (дата обращения: 05.06.2024).

213. Пржиленская, Ю.Г. Экономика знаний как фактор трансформации труда / Ю.Г. Пржиленская // Научный альманах Центрального Черноземья. – № 1-1. – 2022. – С. 178-182. – ISSN 2313-5581. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_48613646_46303994.pdf (дата обращения: 05.06.2024).

214. Пржиленская, Ю.Г. Эволюция права на труд в контексте социокультурных трансформаций / Ю.Г. Пржиленская // Формирование нового мирового порядка в контексте современных вызовов и угроз : материалы международной конференции ; под редакцией С.Е. Шиянова, А.П. Федоровского. – Ставрополь : АНО ВО СКСИ, 2019. – С. 297-300. – 450 с. – ISBN 978-5-6043080-7-3. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42429658_38264748.pdf (дата обращения: 05.06.2024).

215. Пржиленская, Ю.Г. Влияние научно-технического прогресса на труд и трудовые отношения / Ю.Г. Пржиленская // Мультипликация кризисных сценариев в современном социуме и пути их преодоления : материалы международной конференции под редакцией С.Е. Шиянова, А.П. Федоровского. – Ставрополь : АНО ВО СКСИ, 2020. – С. 128-133. – 666 с. – ISBN 978-5-6044711-1-1.

216. Прокофьев, А.В. Определения и типологии справедливости в истории западной этической мысли / А.В. Прокофьев // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 136-146. – ISSN 2071-6141.

217. Пшизова, Е.Н. Труд как определяющая форма жизнедеятельности личности и общества / Е.Н. Пшизова // Вестник

Адыгейского государственного университета. – 2005. – № 3. – С. 11-17. – ISSN 2410-3683.

218. Радаев, В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы / В.В. Радаев // Экономическая социология. – 2001. – № 3. – С. 5-26. – ISSN 1726-3247.

219. Райхерт, К.В. Содержательное прояснение понятий «классика», «неклассика» и «постнеклассика» / К.В. Райхерт // Молодые вченый. – 2016. – № 4 (31). – С. 605-608. – ISSN 2313-2167.

220. Рисполи, Д. Теории систем и эволюционные трансакции в контексте учения А.А. Богданова. / Д. Рисполи, Ю.Г. Россиус // Философские науки. – 2014. – № 12. – С. 50-65. – ISSN 0235-1188.

221. Рогожникова, В.Н. Философия труда: в поисках свободы и смысла / В.Н. Рогожникова // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – Выпуск 4. Том 9. – С. 79-90. – ISSN 2078-3809.

222. Рубинштейн, С.Л. Принцип творческой самодеятельности / С.Л. Рубинштейн // Вопросы философии. – 1989. – № 4. – С. 88-95. – ISSN 0042-8744.

223. Рыбалченко, Н.Л. Диалектика труда и деятельности как предмет социально-философского анализа (к критике методологии исторического материализма) / Н.Л. Рыбалченко, Е.В. Пашинцев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 33 (324). – Философия. Социология. Культурология. Выпуск 30. – С. 77-80. – ISSN 1994-2796.

224. Садовский, В.Н. Карл Поппер, гегелевская диалектика и формальная логика / В.Н. Садовский // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 139-147. – ISSN 0042-8744.

225. Самойлюк, Т.А. Гуманизация труда - основное направление повышения качества трудовой жизни / Т.А. Самойлюк // Креативная экономика. – 2014. – № 5 (89). – С. 40-46. – ISSN 1994-6929.

226. Самохвалова, В.И. Творчество и энергии самоутверждения / В.И. Самохвалова // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 34-46. – ISSN 0042-8744.

227. Самченко, В.Н. Понятие практики в философии Нового и Новейшего времени / В.Н. Самченко // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2015. – № 2. – С. 200-207. – ISSN 2500-1825.

228. Сидорина, Т.Ю. Вопрос о труде и смысле жизни / Т.Ю. Сидорина // Вопросы философии. – 2013. – № 11. – С. 3-14. – ISSN 0042-8744.

229. Сидорина, Т.Ю. Особенности человеческой деятельности в современную эпоху. Чем занять человека? / Т.Ю. Сидорина // Общественные науки и современность. – 2014. – № 3. – С. 140-150. – ISSN 0869-0499.

230. Сидорина, Т.Ю. Трудоцентризм как образ жизни: пределы трудовых возможностей человека / Т.Ю. Сидорина, Н.И. Ищенко // Terra Economicus. – 2015. – № 3. – С. 136-146. – ISSN 24104531.

231. Симондон Ж. О способе существования технических объектов / Ж. Симондон // Альманах «Транслит». – 2011. – № 9. – С. 94-105. – ISSN отсутствует.

232. Смирнова, А.О. Социальное одиночество: сущность, типы, причины, методы преодоления / А.О. Смирнова // Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение. – 2010. – № 3 (46). – С. 161-175. – ISSN 2073-6401.

233. Степин, В.С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма / В.С. Степин // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2013. – № 4. – С. 45-59. – ISSN 2306-174X.

234. Столович, Л.Н. Об общечеловеческих ценностях / Л.Н. Столович // Вопросы философии. – 2004. – № 7. – С. 86-98. – ISSN 0042-8744.

235. Тарандо, Е.Е. Первобытная собственность: единство труда и собственности / Е.Е. Тарандо // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 12. – 2014. – Выпуск 4. – С. 146-152. – ISSN 2223-4047.
236. Тарандо, Е.Е. Понятие гуманизации труда: основные концепции / Е.Е. Тарандо, О.А. Никифорова, О.А. Таранова // Глобальный научный потенциал. – 2015. – № 4 (49). – С. 45-48. – ISSN 1997-9355.
237. Тищенко, П.Д. Социогуманитарное сопровождение инновационных проектов в биомедицине / П.Д. Тищенко, Б.Г. Юдин // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 2. – С. 73-86. – ISSN 1998-9873.
238. Тощенко, Ж.Т. Прекариат – новый социальный класс / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2015. – № 6 (374). – С. 3-13. – ISSN 0132-1625.
239. Федотова, В.Г. Модернизация: переосмысливая теорию и практику / В.Г. Федотова // Социологический ежегодник. – 2010. – Сборник научных трудов / РАН ИНИОН, ВШЭ. – Москва : Социологический ежегодник, 2010. – С. 63-80. – ISBN 9999-4931.
240. Филатов, М.А. Психофизиологические параметры у лиц с разными видами трудовой деятельности / М.А. Филатов, С.В. Григорьев, Д.Ю. Хвостов [и др.] // Сложность. Разум. Постнеклассика. – 2020 – № 2. – С. 26-37. – ISSN 2306-174X.
241. Флиер, А.Я. Социальный опыт как основа функционирования и исторического воспроизводства сообщества / А.Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 2002. – № 1. – С. 180-183. – ISSN 0869-0499.
242. Ходжсон, Дж. Привычки, правила и экономическое поведение / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. – 2000. – № 1. – С. 39-55. – ISSN 0042-8736.
243. Цветухина, Е.А. Проблема бытия человека в философии М. Хайдеггера / Е.А. Цветухина // Омский научный вестник. – 2015. – № 2 (136). – С. 89-91. – ISSN 1813-8225.

244. Черемных, Н.М. К вопросу о специфике постнеклассического этапа развития науки / Н.М. Черемных // Вестник российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева: Гуманитарные и социально-экономические исследования. – 2016. – № 7. – С. 107-115. – ISSN 2409-3718.

245. Чукин, Г.С. «Хорошее общество» и его противники: к проблеме концептуализации ценностей в социальной науке / Г.С. Чукин // Вопросы философии. – № 5. – 2009. – С. 36-46. – ISSN 0042-8744.

246. Чумаков, А.Н. Антропологический аспект глобализации / А.Н. Чумаков // Идентичность личности в условиях глобализации : сборник научных статей. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2010. – С. 6–13. – ISBN отсутствует.

247. Чучин-Русов, А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неoarхаика? / А.Е. Чучин-Русов // Вопросы философии. – 1999. – № 4. – С. 24-40. – ISSN 0042-8744.

248. Шакиров, А.И. Социальная интерпретация как метод познания социальной реальности / А.И. Шакиров // Философия. Язык. Познание : сборник материалов, посвященных 10-летию кафедры теоретических основ коммуникации и юбилею Э.А. Тайсиной. – Казань : Казанский государственный энергетический университет, 2011. – С. 71-74. – ISBN 978-5-89873-331-5.

249. Шкаратан, О.И. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994-2013) / О.И. Шкаратан, В.В. Карачаровский, Е.Н. Гасюкова // Социологические исследования. – 2015. – № 12 (380). – С. 99-110. – ISSN 0132-1625.

250. Шпакова, Р.П. Проблемы социального познания в концепции идеальных типов М. Вебера / Р.П. Шпакова // Вопросы философии. – 1985. – № 3. – С. 113-121. – ISSN 0042-8744.

251. Щетинин, В. Человеческий и вещественный капитал: общность и различие / В. Щетинин // Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 8. – С. 55-61. – ISSN 0131-2227.

252. Щетинин, В. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки / В. Щетинин // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 12. – С. 42-49. – ISSN 0131-2227.

253. Эйдельман, Я. Методологические проблемы изучения трудовой мотивации / Я. Эйдельман // Вопросы экономики. – 1991. – № 1. – С. 78-82. – ISSN 0042-8736.

Сайты в сети Интернет

254. Большой современный толковый словарь русского языка. – URL.: <https://slovar.cc/rus/tolk/117926.html> (дата обращения: 05.06.2024). – Текст : электронный.

255. Словарь экономических терминов Васильева. – URL.: <https://slovar.cc/ekon/vasilev/2346776.html> (дата обращения: 05.06.2024). – Текст : электронный.

256. Толкование Евангелия на каждый день года. – URL.: <http://www.pravoslavie.ru/put/070725022830.htm> (дата обращения: 05.06.2024). – Текст : электронный.

257. Официальный сайт Московского Патриархата. – URL.: <http://www.patriarchia.ru/bible/gen/3/> (дата обращения: 05.06.2024). – Текст : электронный.

258. Гуманитарная библиотека. – URL.: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3479> (дата обращения: 05.06.2024). – Текст : электронный.

259. Этимология слова «работа» в некоторых европейских языках / Multilingua blog : сайт – Текст : электронный. – URL.: <http://multilinguablog.com/2011/03/31/этимология-слова-работа-в-некоторых/> (дата обращения: 05.06.2024).

260. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) / Consultant.ru : сайт – Текст : электронный. –

URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/447cb52266ccd39fb054b7e8392441f3b165ffe7/ (дата обращения: 05.06.2024).

261. Группа Всемирного Банка. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital/brief/the-human-capital-project-frequently-asked-questions#1> (дата обращения: 05.06.2024). – Текст : электронный.

Электронные ресурсы

262. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – Москва, 2006 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3464/3465> (дата обращения: 05.06.2024).

263. Булгаков, С.Н. Интеллигенция и религия (О противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения) : публицистика / С.Н. Булгаков. – Москва : Директ-Медиа, 2011. – 24 с. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=74620> (дата обращения: 05.06.2024).

264. Вагнер, А. Прекаризация и атипичная занятость женщин и мужчин в Германии и Европе. Исследования Фонда им. Фридриха Эберта / А. Вагнер. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/ukraine/10924.pdf> (дата обращения: 05.06.2024).

265. Валлон, А. История рабства в античном мире / А. Валлон. – Москва : ОГИЗ Госполитиздат, 1941. – ISBN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1335089621> (дата обращения: 05.06.2024).

266. Ванг, М. Вновь открывая Г. Маркузе: модели репрессивного катексиса в пост-индустриальных сообществах / М. Ванг, М. Леффлер //

Идеи и идеалы. – 2018. – № 2 (36). – Текст : электронный. – DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.1-129-138. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnov-otkryvaya-g-markuze-modeli-repressivnogo-kateksisa-v-post-industrialnyh-soobschestvah> (дата обращения: 05.06.2024).

267. Коровкин, В.В. Конец работы: почему в мире будущего нет места для среднего класса / В.В. Коровкин. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/403801-konec-raboty-pochemu-v-mire-budushchego-net-mesta-dlya-srednego-klassa> (дата обращения: 18.03.2024).

268. Хабермас, Ю. Труд и интеракция. Заметки к гегелевской «философии духа» иенского периода / Ю. Хабермас. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6261/6262> (дата обращения: 18.03.2024).

Источники на иностранных языках

269. Black, B. The Abolition of Work / B. Black. – Loompanics Unlimited, 1986. – 76 p. – ISBN 0-915179-41-5.

270. Bourdieu, P. Acts of Resistance. Against the New Myths of our Time / P. Bourdieu. – Cambridge : Polity Press, 1998. – 108 p. – ISBN 0-7456-2217-8.

271. Herteux, A. First Foundations of Behavioral Capitalism: A New Variety of Capitalism Gains Power and Influence / A. Herteux. – Erich Von Werner Verlag Publisher, 2019. – 106 p. – ISBN 978-3981900675.

272. Jones, S.E. Against Technology: From Luddites to Neo-Luddism / S.E. Jones. – New York : Routledge, 2006. – 288 p. – ISBN 978-3981900675.

273. Nowotny, H. Naked Genes: Reinventing the Human in the Molecular Age / H. Nowotny, G. Testa. – Cambridge, Mass : MIT Press, 2010. – 144 p. – ISBN 978-3981900675.

274. Raz, J. The Concept of a Legal System / J. Raz. – Oxford : Clarendon Press, 1980. – 210 p. – ISBN 019825363X.

275. Zijlstra, A. Participation and legitimation. New labour relations and the role of HRM / A. Zijlstra // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия ; под общей редакцией профессора З.Х. Саралиевой: В 2 томах. Том 1. – Нижний Новгород : Издательство НИСОЦ, 2017. – С. 39-52. – ISBN 978-5-93116-194-5.

276. Schwab, K. COVID 19 The Great Reset / K. Schwab, T. Malleret. – Switzerland : Geneva, 2020. – 280 p. – ISBN 978-2-940631-11-7.